

МАРИЯ КЕЙЛЬ

НЕВЕСТА
ГОРНОГО
КНЯЗЯ

Мария Кейль

Невеста Горного Князя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70625050

SelfPub; 2024

Аннотация

Утро началось для меня со свадьбы в чужом мире. Зимняя Свадьба здесь – местный Новый Год, а невеста каждый раз новая. Холодному мрачному князю на них плевать. Он считает меня очередной куклой, зовет чужим именем, а я хочу домой, в свою реальность! Потому что иначе через год меня, как и всех предыдущих невест, заменят на новую Амалию, и я исчезну! Вот только я не игрушка, и покажу князю, что такое настоящие чувства!

Мария Кейль

Невеста Горного Князя

1. Малахит и мрамор

Первое, что я услышала, был грустный старческий голос:

– Как жалко, Штефан, будет потом хоронить такую красоту...

Молодой мужчина немного гнусаво ответил:

– А чего жалеть? Каждый год ты даёшь Амалии душу одного из горных ветров, мы играем Зимнюю Свадьбу, и все живут счастливо до следующей зимы. Ну, кроме невесты, разумеется.

Я открыла глаза.

Передо мной суетился морщинистый дедуля, чем-то похожий на моего препода по сопромату. Он поправлял на мне тяжёлое белое платье, отделанное мехом, расшитое светлыми бусинами бирюзы, горного хрусталя и лунного камня. Дедуля бормотал под нос, игнорируя меня, будто я была пятилетней, которую он собирал на утренник:

– Вот, посмотри в зеркало, красивая девочка. Это платье Штефан шил целый год. Сейчас ещё ожерелья от князя примерим... И будешь ты у нас самая милая из всех Амалий...

– Дед, ты каждый год это говоришь, – протянул Штефан. Этот высокомерный худощавый парень с непропорциональ-

но длинными руками мне сразу не понравился.

– Чшшш, внучек. Не расстраивай Амалию, ей ещё с Князем Алешем свадьбу играть.

– Меня зовут не Амалия, – не выдержала я. Даже если это сон, это мой сон. И пусть эти ребята знают, как меня зовут. Но заботливый дедуля не дал мне и слова сказать.

– Нет-нет, милая. Ты невеста Князя Гор, зовут тебя – Амалия, так положено, и не спорь, пожалуйста, с дедушкой. Лучше смотри в зеркало, тебя в полный рост видно. Сейчас подожди... украшения...

Он достал из шкатулки ожерелье. Это что же, бриллианты в белом золоте? Ладно уж, этот сон определённо лучше обычных кошмаров, где я заваливаю сессию.

– Дай лучше я, дед Матей, – парень взял у старика ожерелье и потянулся к моему декольте. От одной мысли, что гнусавый Штефан коснётся моей груди, стало мерзко. Я протянула руку (боже, какие тяжёлые рукава!), и перехватила его за потное запястье.

– Нет уж, лучше я.

Что же, бусы сама не застегну? Я, между прочим, в реальности их делаю! Не такие, конечно, так... гальваника, эпоксидка, но... Парень опешил, отпустил украшение.

– И серьги тоже давайте, справлюсь.

– Дед, эта Амалия и правда какая-то не такая, – произнёс Штефан.

– Говорю же вам, я не Амалия!

Дедуля подошёл вплотную и принялся поправлять камни в ожерелье на моей груди. К нему вот никаких вопросов не было, он, как внучке красоту наводил. Потом тяжело вздохнул.

– Эх, вот была бы ты настоящей, князь бы порадовался. Неси, Штефан, тиару.

Тиара – тонкий ободок с невероятно правдоподобными цветами из лунного камня, лёг на мои каштановые волосы просто волшеббно.

Штефан, закалывая мне пряди сзади шпильками, наклонился и прошептал:

– Всё равно ведь не откажешь потом. Амалии не умеют отказывать.

Я не успела вклепить ему по шам и сказать, что меня зовут иначе, как в дверь постучали. Вошёл худощавый, невысокий мужчина в травянисто-зелёном камзоле.

– Мастер Матей, Штефан. Невеста готова? Нам пора ехать, князь ждёт.

Дедуля грустно посмотрел на меня, взял под руку и подвёл к незнакомцу.

– Вы поберегите Амалию, а?

– Да уж конечно, – визитёр поклонился, – три дня праздника, вы пока можете отдохнуть. А после Зимней Свадьбы начинайте готовить новую, как всегда. А вы, Амалия, идёте

за мной.

Я потеряла равновесие, как только дедуля меня отпустил. Что поделать, не люблю каблук и сапожки, кроссовки – моё всё. Визитёр подхватил меня под руку, будто неловкие невесты здесь обычное дело.

Мы принялись подниматься по лестнице, поворот за поворотом, словно из глубокого подземелья. Стены были расписаны под жилы малахита, с переливами и волнами. В очередной раз я пошатнулась, оперлась о стену и поняла, что это живой камень. Эх, знал бы папа-геолог, что мне снится!

Спутник снова подхватил меня под руку.

– Амалия, вы уж аккуратнее. Да, мастерская в глубине горы, но нам осталось совсем немного подниматься.

– Я не Амалия!

– Да, княжна, вы не она. Но каждую вышедшую из мастерской невесту мы ежегодно называем именно так. Это традиция. Ваша задача – стоять рядом с Князем и радовать народ своей красотой. А потом жить в роскоши, бывать на балах, пока вы не... Пойдёмте, княжна. Вас ждёт свадьба.

Когда лестница закончилась, мы оказались в огромном зале с высокими стрельчатыми окнами, спутник накинул мне на плечи манто из белоснежного меха, провёл меня вперёд и толкнул высокие двери, впуская внутрь морозный воз-

дух и яркий свет солнца. Я на мгновение прищурилась, а потом мне протянули руку, и я услышала низкий, с хрипотцой и грустью, голос:

– Пойдём, моя Амалия. Город ждёт нас и нашу свадьбу. И... Ты сегодня особенно красива.

Глаза привыкли к свету, и я разглядела мужчину. Он был одет в богатый средневековый костюм, но, в отличие от меня, его одежды в основном были зелёного цвета. Бархатистая ткань меняла цвет от каждого его движения, переходя от тёмного изумруда к светлой траве и обратно. Всё это было расшито серебряными нитями. Тёмные, почти чёрные волосы, были убраны назад и заплетены в косу. Зеленовато-синие глаза смотрели отстранённо. Но я обратила внимание на руки: сильные, крепкие, и совершенно непохожие на изнеженного дворянина. Поймала себя на мысли, что если бы он поправлял моё ожерелье, я бы не была против.

Мне этот сон начинал нравиться всё больше и больше. Такой мужчина заботливо вёл меня под руку по устланной ковром дороге и помог сесть в карету. Я же тем временем без стеснения разглядывала спутника. Высокий, с широким разворотом плеч, и с таким лицом, над которым старались поколения. Да ладно, я таких красавчиков только в кино и видела, да и то не в каждом.

– Мммм, Князь? А как мне вас звать?

Дедуля, кажется, называл имя, но оно вылетело у меня

из головы.

– Зови меня Алеш, дорогая Амалия.

От ноток его голоса у меня подкосились бы колени, благо мы сидели в карете. Вот почему, почему в реальности таких нет? Я коснулась его руки и повторила:

– Алеш...

Мне нравилось, как звучало имя. Знакомо, но в отличие от модного Алекса, очень мягко, и так приятно было тянуть это «ш» в конце. Это выходило нежно и как-то интимно даже.

– Правильно, дорогая Амалия. Так и зови меня на церемонии.

– Я не... – Карета остановилась, и он вышел первый, и протянул мне руку. Я не успела сказать ему своё имя, а между тем дико захотелось, чтобы Князь произнёс его своим низким хриловатым голосом. Какого идеального мужчину подкинуло мое подсознание! Уже хочу с ним свадьбу.

И снова зелёная ковровая дорожка, но недлинная. Мы оказались на небольшой площади, вымощенной плиткой и окружённой зданиями. Но всё это терялось за шумом и скоплением людей. Будто ярмарка, все нарядно одеты, кто-то играл на причудливо скреплённых ремешками трубках, кто-то перебирал струны лютни. Падал лёгкий снежок, оседая белыми звёздами на одежде людей.

Люди расступались, освобождая нам дорогу, многие

низко кланялись, шептали: «Князь... Владыка Гор... Наш Алеш... Сохрани нас, Алеш и Амалия...»

Мы прошли вперёд и там, на постаменте в центре площади, стояла каменная арка высотой в три человеческих роста. Половина её была вытесана из единого куска белого мрамора, а вторая... Что? Серьёзно? Малахит? Вот у меня фантазия... Наверное, подсознание вспомнило папины байки про геологию. По обеим колоннам шла глубокая резьба, создавая причудливый узор и объём. На белом мраморе виднелись листья, выполненные из малахита, а на зелёном малахите местами проглядывали белые звёзды из мрамора. Мне они чем-то напомнили снежинки на зелёном костюме Князя.

К арке подошла женщина в тёмно-зелёной мантии. Длинный шлейф струился за ней, как хвост у ящерицы. Края ткани тут же подхватили две юных девушки, и как только женщина встала перед аркой, тут же разложили шлейф идеальным полукругом и замерли сзади. Князь крепко держал меня под руку, и это было так же надёжно, как стоять за каменной стеной. Вот только его рука была тёплой, ткань костюма бархатистой на ощупь, а от одежды и волос чувствовался запах кедра, сандала и мха.

Женщина подняла руку, и толпа вокруг мигом умолкла. Повисла такая тишина, что, казалось, ещё немного – и я услышу, как ложатся снежинки на каменную арку. Безмол-

вие замерло, окружило пространство, как скалы, и тут же исчезло под нежной волной музыки. Арфисты сзади перебирали струны, выдавая что-то несоизмеримо прекрасное, во сто раз красивее Мендельсона, и уж тем лучше, чем любые современные фолк-музыканты.

– Владыка и Защитник Гор, Князь Алеш Олдрич, сегодня обучаешься ты с удачей и благоденствием, с девой Амалией.

С каждым словом женщины арка оживала, звёзды в малахите и листья в мраморе начинали светиться, будто живые.

– И сохранит ваш союз мир в горах, и да сохранят камни ваш союз нерушимым. Назовите имена друг друга с нежностью и любовью, и расцветёт Новый год Зимней Свадьбой.

Князь повернулся ко мне и взял мою руку в свою. Коснулся моего запястья, заставив чувствовать волнение. Наши взгляды столкнулись, его глаза скорее напоминали не малахит, а переменчивый, глубокий лес из сине-зелёных елей. Лес, в котором так легко потеряться. Возможно, на меня ещё так повлиял его хвойный парфюм. Я захотела услышать своё имя, но...

– Амалия... – произнёс он мягко, и я чуть не взбрыкнула, что меня зовут не так! Однако же тот помощник князя сказал, что это традиция, и я решила не рушить прекрасный сон и попыталась вложить столько же нежности в имя князя.

– Алеш...

Красные искры потекли от наших рук вниз, по плитке к арке, поднялись по каменному своду и над малахитом и мрамором.

мором распустился каменный цветок. С него упало наземь два маленьких, маленьких розовых лепестка. Девочки, которые несли шлейф, подбежали, подобрали их и вручили нам с князем. То были две капельки розового турмалина. Стоило взять их в руки, как они сначала пропали, а потом мягким светом возникли у нас на левых запястьях, будто всегда там были – прямо на коже, без браслетов и чего-то ещё.

Это было волшебное.

После мы шли по улицам, подходили к лавочкам, а девочки несли следом корзины, куда мастеровые люди могли складывать дары. Там было всё – от печёных яблок до парных поясов из тиснёной кожи. Вечером вокруг зажглись огни, и мы вернулись к светящемуся каменному цветку... Я обернулась и взглянула ещё раз перед тем, как сесть в карету.

Князь грустно улыбался, а я задремала прямо у него на плече. О, как я не хотела проваливаться в сон – знала ведь, что я проснусь, что всё это пропадёт, и я окажусь в съёмной квартире недалеко от универа... И до последнего сопротивлялась дреме. Князь вынес меня из кареты на руках, легко, будто я ничего не весила, пронёс через знакомый мне зал, прошёл по коридору и бережно опустил меня на огромную кровать рядом с горящим камином. Я сидела полусонная и медленно моргала.

Он бережно снял с меня ожерелье, серьги, тиару... даже сапожки. Распустил шнуровку корсета и сказал властно:

– Спи, Амалия.

– Я не...

Но я не могла противостоять тому голосу. И уснула с мыслью, что если бы я придумывала себе свадьбу, то лучше, чем этот сон, не придумала бы. Только первой ночи не хватает... Хотя...будет утро. Да и празднуют они три дня, ещё всё впереди.

2. Деревянный пол

Я проснусь невероятно отдохнувшая, и первая мысль была: «Чёрт, где будильник? На пары опоздаю!» Затем меня смутило потрескивание, а после, несмотря на лёгкость в голове, ощущение того, что тело затекло.

Стоило открыть глаза, чтобы понять: сон не закончился.

Над головой высокий потолок, в отделанном мрамором камине трещат дрова, на мне тяжёлое белое платье, где только шнуровка сзади распущена. Вот платья и осталось ощущение скованности.

Я немного неловко села на мягкой кровати. Покрывало из светлой бархатистой ткани, стёганой серебряными и золотыми нитками. Изголовье и столбики из светлого, почти молочного цвета дерева. Такая же мебель в комнате – лёгкая, изящная, светлая. Небольшой столик у камина, рядом пара кресел с обивкой из такой же стёганной ткани, как и покрывало. Комод с огромным зеркалом в полный рост, ширма... Да это какое-то средневековье! А можно мне в следующий

раз приснится что-то в духе стимпанка?

Я аккуратно спустила ноги с кровати – а она была высокой, почти по середину бедра. Сапожек на полу не нашлось, и сквозь ткань чулок я почувствовала холод пола. Так, ладно. У меня вопрос. Вчера не задумалась об этом, но всё же: кто надевал на меня чулки и нижние юбки под платье? Князь, как я помню, только распустил шнуровку ночью. А очнулась утром у дедули уже облачённая в это великолепиие!

Против воли у меня зарделись щёки. Не обращая внимания на холодный пол, я метнулась к окну. За ним раскинулась огромная оранжерея, с цветами и деревьями. Сквозь зелень и дальнее стекло угадывался горный пейзаж, присыпанный снегом. Высокие сосны и кедры, каменные уступы и вершины.

Сзади скрипнула дверь, и вошла одна из вчерашних девочек. Она была в тёмно-зелёном платье с белым фартуком, волосы убраны под чепец.

– Доброе утро, княжна Амалия.

– Доброе... Слушай, – я вместо нормального «кто я, где и что происходит», спросила то самое, дурное, пришедшее мне в голову только что, – а кто меня вчера одевал до церемонии? Стефан или Дед Матей?

– Что вы, княжна! – вспыхнула девочка. Ей на вид было лет тринадцать, и она пришла в ужас от моих слов, – нет, что

вы! Дед Матей – мастер, Стефан шьёт наряды, но одевает княжну всегда Теодора Тейтана! Просто она всегда уходит, ей надо быть раньше вас на площади. Таков ритуал.

Это меня успокоило. Немного. Ровно настолько, чтобы озаботиться другим насущным вопросом. Вроде того как раздеться, умыться и всё такое. Должна же быть здесь дамская комната?

– Конечно, княжна. Только давайте сначала я помогу вам разоблачиться? – предложила горничная в ответ на мои вопросы, и я согласилась. Платье было невероятно тяжёлым – я в полной мере осознала это, только когда осталась в нижней шелковой сорочке и чулках и почувствовала невероятное облегчение.

Девчушка окликнула:

– Даянка!

В комнату тут же заскочила вторая девочка. Она была чуть помладше, но очень похожа на первую внешне. Да и в таком же платье и фартуке. Даянка протянула мне халат молочного цвета, невероятно мягкий и тёплый.

– Симона, ты что же, не оставила госпоже тапочки? – Цыкнула она языком на старшую, и бросилась к двери, но не к той, из-за которой вышла, а к незамеченной мной ранее двери слева от камина, скользнула туда и мигом принесла мне мягкие войлочные тапочки.

– Я не забыла, просто не успела! И не надо было лезть, Даяна!

Младшая поджала губу.

– Девочки, не ссорьтесь. Так где мне умыться?

Сёстры переглянулись. Симона вручила младшей платье, та обиженно понесла его в гардеробную, а старшая взяла меня под руку, и повела к камину. Справа тоже оказалась такая же незаметная дверь, а за ней ступени уходили вниз. Здесь не было камня, всё отделано светлым деревом. И лестница, и перила... Поднимался пар. Дальше располагалось огромное зеркало, а рядом фонтанчики с водой.

– Тут умывальня, госпожа Амалия, ниже купаленки. Здесь горячие источники бьют, всегда тепло и воды разные, есть лечебные... Если вам надо... ну, по нужде, то там вот дверка сбоку.

Из залы слышался голос младшей:

– Симона! Там Штеф ещё платье для церемонии не принёс! Я не хочу к нему идти! Сбегай, а? Я занимаюсь завтраком!

Девочка виновато посмотрела на меня:

– Простите, госпожа, я скоро вернусь и помогу вам с купаленкой. Вы подождите, мне положено вам помогать!

– Хорошо-хорошо, – успокоила я помощницу. Девочка убежала, а я спокойно умылась и принялась оглядываться. Может, у них должны слуги всё за господ делать, но уж умыться сама могу. Симона не возвращалась, а мне стало любопытно. Я скинула халат – было тепло, осталась только в шелковом нижнем платье, и оставила тут же тапочки и чул-

ки. Все дорожки между купален были отделаны гладким деревом, и идти по нему босиком было одно удовольствие. Чем ниже, тем теплее и даже жарче было, над купальнями висел пар. Вода в каких-то была светлой, в каких-то – красноватой, где-то почти чёрной. Мы как-то ездили с родителями, когда они ещё были живы, на радоновые источники, и там говорили, что не во всяких водах можно долго сидеть без вреда для здоровья. Наверное, всё-таки стоит сначала спросить Симону, где какая вода...

В одной из дальних туманных купелей раздался плеск, и я обернулась. По пояс в воде стоял князь Алеш. Мокрые чёрные волосы облепляли крепкие плечи, по телу стекали капли воды, пар от купальни скрывал остальное. Он посмотрел на меня, кивнул и совершенно спокойно принялся выходить из воды, будто меня и не было! Между нами было пара проходов, где перила, а где туман скрывали, что ниже пояса, но я всё равно покраснела. Князь накинул халат, прикрыв своё великолепие, и прошёл мимо меня, к другой двери, видимо, ведущей в его спальню, удостоив лишь вежливым:

– Доброго дня, дорогая Амалия.

Я смотрела ему вслед шокированная этим потрясающе нежным безразличием.

– Я – не Амалия! – Он уже закрыл за собой дверь, и не услышал моего крика. Что за чурбан мне снится? Я прижала руки к груди, сердце бешено колотилось. Какого лешего он меня игнорирует? Мы же Свадьбу играем! Или нет?

– Не надо так, госпожа. – произнесла подошедшая Симона, – не расстраивайте князя, недолжно это. Привыкнете скоро, Амалия вы, ведь не было у вас раньше другого имени... Идёмте, покажу вам купаленку для вас. Она сил даёт, они вам сегодня понадобятся.

В тёплой воде было удивительно приятно, Симона наносила на мои волосы какие-то составы, потом смывала. Турмалин на запястье мягко светился, будто набираясь силы от воды.

– Расскажи про князя, Симона. Почему его нельзя расстраивать?

Девочка замерла, потом огляделась.

– Теодора Тейтана всегда говорит, что Амалия всё ведает сама.

– Ты мне расскажи, а? Мало ли что я знаю.

– Ну... всего-то мне неизвестно, но от настроения князя зависит благоденствие горного народа. Говорят, когда он был один, то шли тут обвалы за обвалами, дожди проливные, и реки выходили из берегов... Но это было очень давно. С тех пор каждый год князь играет свадьбу с Амалией и мы живём счастливо...

– Каждый год? – переспросила я. – Что значит – каждый год?

Симона замолчала.

– Симона!

– Простите, госпожа Амалия. . . .

– Боже, да не Амалия я! Меня Инна зовут! И хватит уже мне снится! – вспыхнула я. Девочка всхлипнула.

– Хорошо-хорошо, госпожа Иона Амалия, пожалуйста, только не кричите. А то меня заругают. Не снится вам ничего, проснулись вы давно, не пугайте нас. Пойдёмте, там Даянка вам уже завтрак принесла, а я платье новое приготовила.

На кровати было разложено белое атласное платье с искусной вышивкой бледно-розовой и серебристой нитью. Узор складывался в цветы, чем-то похожие на тот, что распустился вчера на площади. Здесь же лежали чулки, стояли сапожки, был разложен плащ, стояла шкатулка, видимо, с украшениями.

– Вы садитесь, госпожа Амалия, – произнесла Даяна и указала мне на столик у камина. Там стояла кружка с чем-то невероятно горячим, травяным и невероятно ароматным, лежал свежий хлеб с корочкой, несколько разных сыров, порезанных тонкими кусочками, один маленький кругляш, похожий на камамбер, и пиала мёда.

Блин, когда я завтракала последний раз? Обычно я пила пустой кофе и только в универе уже обедала. Было безумно приятно, сыр таял на языке, травяной настой бодрил не хуже кофе.

– Кстати, – прошептала Симона сестре, – госпожу Амалию

ещё зовут Иона, представляешь?

Я закатила глаза.

3. Потоки льда

После завтрака сёстры помогли мне облачиться в платье. В шкатулке на этот раз оказалось ожерелье из белого золота потрясающей красоты. Лепестки цветов выполнены из розового турмалина, в завитках листьев сверкали маленькие алмазы, а в центре каждого цветка красовался розовый камень, невероятно прозрачный и яркий. Названия вспомнить не могла. А ведь я мечтала открыть свою лавку авторских украшений! Да и папа-геолог не простил бы такую забывчивость. Хотя вот, ё-моё, где в реальном мире надо это всё помнить?

– Симона, а что это за камень?

– В центре розовые бериллы, госпожа Иона-Амалия.

– Очень красиво! – не говоря уж о том, что это дорого.

Я себя не узнала. Вообще, не часто смотрелась в зеркале в полный рост – разве что в примерочных. И то, смотришь обычно на себя так: подходят или нет новые джинсы, хорошо ли сидит рубашка. К себе я привыкла, считала обычной и как-то любоваться собой привычки не имела. Обычная студентка, метр шестьдесят, второй размер, тонкие каштановые волосы – такие вредные, что я даже не пробовала в укладку, а обычно закручивала гульку. Глаза голубые, но не так, чтоб сильно яркие. В джинсах и водолазке ко мне бы такой муж-

чина как Алеш бы вряд ли подошёл.

Сейчас же я себе даже нравилась, а не просто «норм, сойдёт».

Дверь за спиной скрипнула

– Как платье, девочки? – я нахмурилась от звуков гнусавого голоса. – Вы чего же шлейф плохо расправили?

Симона поджала губы, Даяна вообще сделала шаг назад, а Штефан принялся поправлять подол платья, поднимаясь всё выше. Дойдёт до талии – вломлю. И я уже замахнулась, как в дверь вошёл вчерашний слуга.

– Что ты здесь делаешь, Штефан?

– Проверяю платье Амалии, сударь Войт. И её саму. Вчера она вела себя странно.

– Ты портной и помощник мастера, а не горничная дамы и не сам мастер, чтоб платье или саму княжну проверять. Иди прочь.

– Спасибо... – произнесла я. – Вас зовут Войт?

– Войт Имрич, княжна Амалия. Стольник и кравчий князя Алеша Олдрича.

Я попыталась вспомнить что-то из лекций по истории, которая явно была на первом курсе, но потерпела поражение. Из поведения пожилого мужчины, его богатых одежд и спокойной уверенности, и тому, как беспрекословно послушался его вредный Штефан, логично предположить, что он вроде доверенного лица или управляющего.

– Скажите, сударь Войт... А как я могу проверить, что не сплю?

– А вы спите, княжна?

Вопрос поставил меня в тупик, и я без раздумий ответила:

– Нет...

– Ну, значит, вы не спите. – спокойно сообщил мне Войт. – Если бы спали, то не смогли бы ответить. Но если сомневаетесь, можете попробовать упасть, а я вас подхвачу. Бывало ли у вас такое, что просыпались, как от падения? Будто душа влетает в тело?

Такое у меня было, и я кивнула.

– А поймаете?

Кравчий кивнул. Не хотелось звать его стольником, с этим словом только бумага ассоциировалась. Я закрыла глаза. Ладно, падать так падать – вперёд. Сзади вскрикнул Войт, приготовившийся меня поймать. Взвизгнула Симона. Я не ударила лицом только потому, что у самого пола меня за плечо подхватил вошедший князь. Он так же мягко смотрел сквозь меня.

Все четверо, включая меня замерли, ожидая реакции князя, но он поправил плащ и снова взял меня под руку.

– Штефан, тебя ждут в мастерской. Войт, сопровождаешь нас к водопадам.

Мы снова прошли к карете. Я не могла понять, что не так в поведении окружающих. Наверное, то, что все, кроме девочек, вели себя так, будто свадьба их князя происходит каждый год и далеко не первый раз. Но это же не годовщина свадьбы, а новая свадьба?

Я споткнулась на ступеньке, как во сне, когда падаешь и просыпаешься. Алеш поймал меня, но я не проснулась. Что это значит?

Войт что-то сказал кучеру, потом оседлал стоявшего за каретой гнедого. Мы с князем вновь оказались один на один внутри и повозка тронулась.

– Тебя что-то заботит, Амалия?

– Как... как понять, что всё это – сон, и можно проснуться?

Что-то изменилось в его глазах на мгновение. Вместо спокойной заботы промелькнула далёкая боль, отметившись прищуром и морщинками в уголках глаз. И тут же ушла, оставив вместо себя спокойствие.

– Никак, дорогая Амалия. Ты можешь попытаться вспомнить, с чего всё началось, с чего начался этот твой сон, но это не поможет изменить реальность.

– Почему?

Князь не ответил. Что он мысленно вернулся? Я-то принялась вспоминать свой нынешний, третий курс универа, и то, как я готовилась к сессии, и то, как подрабатывала в сувенирной лавке, и то, как баловалась дома гальваникой и эпок-

сидкой, и пробовала делать авторские украшения. И то, как купила у кого-то камни, чтобы вставить в кабошоны... что были за камни? Чёрт...

Я подняла взгляд и встретила глазами с князем. Наверное, в моих глазах тоже было много чего вместо радости невесты, не знаю.

– Вы правы, князь, это никак не поможет. – Глухо сказала я, вспомнив свою реальность.

– Верно, Амалия, – он снова вернулся к ласковому тону. Карета остановилась. – Пойдём, нам предстоит небольшая прогулка.

С неба снова сыпал мелкий снежок. Князь задумчиво посмотрел на небо, а потом обернулся.

– Знаете, Войт, подготовьте завтра и карету, и сани. На всякий случай.

Кравчий кивнул князю и остался у кареты, привязав своего гнедого сзади, а сам уселся к кучеру и достал трубку.

– Пойдём, Амалия, – князь повёл меня вперёд по каменистой тропинке среди высоких елей. В лесу снега почти не было, только опавшая хвоя и редкие камни. Князь вёл меня заботливо, стараясь не идти слишком быстро, да только я тогда не обращала внимания. В голове с диким скрежетом вращались шестерёнки, собирая из беспечного «это наверное сон» жуткую мысль «а что мне делать, если это реальность?».

И с этой мыслью не до любования красотами, как вчера.

И не до того, как хорош неизвестный мне князь. Легко возмущаться тем, что на меня не обратил внимание незнакомый мужик, если считать, что всё вокруг сон. Или что тебя зовут другим именем. Но что, если это реальность?

Я втянула воздух полной грудью. Свежесть хвойного леса смешивалась с ароматом кедра и сандала, что исходил из князя. От моего платья шёл лёгкий запах каких-то цветов. А ведь во сне запахи не чувствуют!

И холод, и тепло, и усталость... Ничего не должно быть таким ярким. И я дважды почти упала, но так и не проснулась.

Чёрт.

– Это реальность, – грустно произнесла я.

В этот момент мы остановились около замёрзшего причудливыми сосульками водопада.

– Да, это – наша с тобой реальность, Амалия. Дай мне руку, дорогая.

Меня уже трясло от сочетания этого нежного тона и дикого безразличия, что чувствовалось в нём. Будто он тысячу раз ходил сюда со своей невестой, будто вообще ничего необычного не происходит, будто всё это ерунда полная. С таким лицом старый ректор толкает первокурсникам речь на первое сентября, вежливо, но по сути безразлично.

Князь тем временем улыбнулся и покачал головой. А по-

том сам взял меня за руку, ту, где мягко светился розовый турмалин. Провёл пальцами по моей ладони, вычертив замысловатый узор и лишив дыхания от внезапного чувства, а потом положил свою руку поверх моей, так что камни на запястье соприкоснулись.

От нас снова расходилась волнами магия и тепло. Хотя в голове у меня творилась лютая дичь, я понимала, что где-то позже непременно устрою истерику.

Треснул лёд и потоком зашумела вода, обдавая нас ледяными брызгами. Впрочем, даже вода не была так холодна, как мужчина передо мной. Вода хотя бы не пряталась за вежливостью.

Нет уж, как бы красиво ни было, такую свадьбу я не стала бы себе придумывать никогда.

И в снах смотреть бы не стала.

4. Холодный водопад

Князь повел меня не той тропой, что мы пришли. Мы шагали по высокому берегу узкой горной реки, где лед разбивался потоком воды, я старалась не поскользнуться. Дико не хотелось упасть, а еще больше не хотелось, чтоб меня подхватывал Алеш Олдрич. Он шикарный, сердечко ёкает и дрожит, не мужик – мечта. Но у меня вопрос: он вообще настоящий? Живой? Около небольшого озера мужчина остановился. Журчала вода, от нее поднимался пар.

– Ты не устала, Амалия?

Странное дело, мы немного прошли – до универа я дальше ходила, но усталость ощущалась такая, будто из меня силы утекли с потоком воды. Может, виной тому то, что я до сих пор пыталась осмыслить окружающую реальность?

Князь легко подхватил меня на руки и зашагал сквозь лес.

– Сегодня ритуал закончен. Нас ждет лишь торжественный ужин в замке. Все будет хорошо.

– Врешь... – тихо пробормотала я, но он, кажется, решил, что я зову его по имени. Хотелось свернуться в клубочек и разреваться, но попробуй это сделать в длинном платье на руках у мужика! Как могла, старалась к нему не прижиматься. В карете мы оба молчали. Я думала о том, что надо бы спросить у Войта, он, кажется, из всех тут самый нормальный. Потому что князь на все мои слова отвечает это свое «дорогая Амалия».

Но когда мы вернулись, в огромном зале был уже накрыт пир, и, кажется, ждали только нас. Белый стол укрыт зеленой скатертью, на мраморном полу зеленые ковры. Белая фарфоровая посуда с зеленым узором. Около каждого гостя – хрустальная вазочка.

Алеш расстегнул и снял с моей шеи ожерелье, и едва он взял его в руку, как она стало горстью отдельных маленьких цветов.

– Невеста Гор дает каждому гостю по цветку из рук князя, – прошептал сзади Войт. Я уже устала от ритуалов, смысла которых не понимала. Тем более более что все вели себя так, будто я, как нанятая актриса, должна было все выполнять без вопросов.

– Войт, можно вас спросить..., – начала я, но он ушел на свое место, уважительно кивнув и ничего не говоря.

Что-то во взглядах людей не давало мне закатить истерику, убежать, потребовать объяснений немедленно – в общем, повести себя так, как мне хотелось. Наверное, дело было в том, что они смотрели на меня как на чудо. Так я смотрела на родителей в детстве перед тем, как найти подарок под елкой. С ожиданием волшебства, с надеждой на то, что вот сейчас все будет не просто хорошо, а чудесно. Я брала маленький цветок турмалина из рук князя, и протягивала его к каждому гостю. Те кивали, благодарили, и подносили цветочек к хрустальной вазочке. У цветка тут же появлялся витой стебель из белого золота и листья с вставками из малахита. В итоге у князя в руках остался только один цветок, и он снова

стал подвеской на цепочке.

Мы сели во главе стола. Я – слева от князя, Войт по правую руку. За спиной встали Симона и Даянка. Дальше сидела женщина с площади в изумрудной мантии с пощади. Всего было девять человек с каждой стороны стола, и в конце правой стороны, было пустое место. Когда я дарила цветы, то не обратила внимания, князь просто провел меня мимо.

Гости по очереди, начиная с женщины с церемонии, вставали и поздравляли Князя Алеша и Амалию, желали всем счастья, поздравляли друг друга, хвастались своими успехами за год...

Еду на столе то и дело обновляли блюда, приносили нежное мясо, тушеное с овощами, нарезки сыров, фрукты, сладости, вина...

Словно я попала на чужой семейный праздник. Кто-то время от времени подходил к нам с князем, и еще раз говорил, как он рад Новой Зимней Свадьбе.

– Улыбайтесь, княжна Иона-Амалия, – тихо произнесла Симона. В отражении хрустального бокала я вправду выглядела печально.

– А вы почему не за столом, девочки?

– Прислуга гуляет на кухне, – шепотом ответила мне она, – на самую Зимнюю Свадьбу попасть – большая честь.

– Но там же есть пустой стул, вы могли бы сесть и поесть по очереди.

– Это место деда Матея, но он...

– Дорогая Амалия, позвольте пригласить вас на танец, – Князь встал и протянул мне руку. Я нервно принялась вспоминать вальс, которому меня учили к школьному выпускному три года назад.

Музыка была плавной и очень красивой, похожей на перезвон колокольчиков, князь держал меня крепко, и плавно вел. В невероятно красивом замке, в невероятно красивом мире, в танце с мужчиной мечты, на идеальном уютном празднике – почему, почему я чувствую себя лишней? В груди чувство восхищения билось с болью и пониманием того, что, я, по сути, действительно лишняя. И вся их доброта – не для меня. Я какая-то очередная невеста Амалия, которая нужна им для праздника лишь номинально, как елка на Новый Год.

А ведь мне так хотелось... Князь все еще кружил меня в танце, а на глазах навернулись слезы. Я вспомнила, как и в лесу, реальность – ту, где я разревелась внезапно для себя над подвеской с маленькой капелькой турмалина, которая напомнила мне подарок отца матери перед аварией... Перед Новым годом четыре года назад, когда родители были живы, и зимнее торжество для меня еще был радостью... Я редела над маленькой розовой каменной капелькой и мечтала о том, что снова почувствовать не лишней на празднике. Вообще почувствовать праздник.

Но нет... даже в этом идеальном мире снов, я – лишняя.

Я отпустила князя и отступила на шаг назад, прижав руки к груди. Можно я убегу обратно, в реальность, где хотя бы понятно что делать? Можно я... У меня закружилась голова, и князь снова подхватил меня. Кто-то из-за стола аплодировал, видимо, почитал все это за красивую фигуру танца.

Музыка закончилась, князь поклонился, поблагодарил всех, предложил праздновать дальше, и повел меня под руку в комнату, снова усадил на кровать.

– Ты как-то быстро устаешь, Амалия. Всего второй день идет. Набирайся сил, дорогая.

Он вышел, запустив Симону с Даянкой.

– Ну как вы, Иона-Амалия?

– Не положено так княжну звать, – пробормотала Даяна. – Не положено, Симка. Нам велено только помочь ей раздеться и идти.

– Ой, если хочешь, на празднике погулять, так и скажи! Иди на кухню, я сама справлюсь!

Та тут же заулыбалась.

– Правда? Точно справишься? Но по правилам не положено ведь.

Симона усмехнулась.

– Даянка, по правилам не сказано, что мы вдвоем должны быть. Иди, а я княжной останусь.

Младшенькая тут же убежала. Симона принялась снимать с меня сапожки.

– Вы простите ее, княжна. Даянка хорошая, просто хочет чтоб по правилам все было, но погулять тоже хочет. Мечтает

однажды стать Тейтаной. Сейчас я помогу вам платье снять, отведу в купаленку и вам полегчает. Ну, говорят, что должно полегчать.

У меня действительно не было сил, наверное, все уходило на то, чтоб не разреветься. Усталость дикая, словно я не гуляла и сидела на празднике, а целый день училась и работала. Симона продолжала что-то щебетать про свою сестру, пока расшнуровывала и снимала платье, приносила тапочки и мягкий халат

Когда она провела меня в купальню и я занырнула с головой в теплую воду, а потом вынырнула, мне действительно стало лучше. Пока я нежилась, Симона сидела рядом.

– А ты не хочешь искупаться? – спросила я девочку.

– Нет, это только для вас с князем купальни. А эта – только для вас, госпожа Иона-Амалия. Видите розовый камень?

Действительно, сейчас я заметила, что края купален отделаны камнями разного цвета. Моя была отделана розовым.

– А что остальные купальни, Симона?

– Где белые и светлые камни – вода освежает и лечит. Вам

вечером непременно надо в розовую купаленку тут. Где желтые и красные камни. . . – Симона покраснела, – Тейтана говорит, что они для взрослых, нам туда нельзя. А зеленые и черные – только для князя, туда вам даже подходить и паром дышать не след.

У меня появились силы, и возвращалось спокойствие, здравый смысл и желание выяснить где я, что происходит и почему. Откуда вылезла из меня усталая эмоциональная дурочка час назад – неизвестно.

– Симона. . . а почему Амалия у вас каждый год новая? Да ты говори, я никому не скажу.

– Хорошо, госпожа Иона-Амалия, – я смирилась с тем, то она коверкает мое имя на местный манер, но все же перебила ее:

– Хотя бы когда мы одни, зови меня Инна? Без Амалии?

– Хорошо, госпожа Иона-А. . . Хорошо, госпожа Иона.

Почему-то так было спокойней, будто я – это я.

– Так что с Амалией, Симона?

– Ну... Каждый год, после трех холодных ночей, когда опадает каменный цветок на площади, когда замерзает водопад жизни, когда солнце встает только к обеду и тут же уходит за горизонт, после этого, Князь играет Зимнюю Свадьбу с Амалией. Княжна всегда красива, всегда счастлива. Пока князь вместе с княжной, Горный край благоденствует. Год рождается на Зимней Свадьбе, и так было всегда.

– Всегда?

Симона пожала плечами.

– Князь бессмертен. А Амалию расстраивать нельзя. Обычно она ничего не спрашивает, делает как говорят, улыбается, соглашается, живет радостно и счастливо. Но каждый год прислуживают новые ученицы Тейтаны, так что я знаю лишь то, что говорят другие.

В голове крутилось рефреном «Амалия каждый год новая» и «Будет жаль ломать...», то, что я слышала в начале у деда Матея...и на то, что не обратила внимания, считая происходящее сном.

Мне показалось, что я не в теплом бассейне, а стою под тем ледяным водопадом, только он не оживает, не течет от прикосновения, а захватывает тело льдом.

Вопреки сковавшей меня тревоге, я согрелась в купальне, и, когда вернулась в комнату, уснула сразу же. А ведь хотелось еще порасспрашивать Симону...

Мне снился заснеженный каменный амок, путанные коридоры и подземелья, и в одном из них – огромное зеркало, покрытому изморозью. Я стираю рукавом снежные узоры и в отражении на меня смотрит совсем другая девушка – черноволосая красавица...грустная.

– Амалия... раздвинь ножки... улыбнись... – Меня разбудил запах алкоголя и ощущение чужих рук на бедрах. Какого черта! Я дернула коленом, и, кажется, попала в нос Штефану, который склонился надо мной. Он заорал о боли. Я вскочила с кровати и закричала:

– Ты охренел?

В общем-то в такой ситуации манеры у меня были студенческие, и он вправду изрядно удивился, и повторил тоже самое:

– Амалия должна слушаться! Ложись, раздвинь ножки и улыбайся!

– Пошел к черту! Я не Амалия, и свадьба была у меня с князем, а не с тобой!

Он продолжал гнуть свое:

– Но ты должна слушаться!

– Ничего я не должна, – зло прошипела я. Вот откуда такие берутся? Пьяные, с липкими руками и диким самомнением.

– Все Амалии не против, князю-то все равно – Штефан словно убеждал сам себя и потянулся ко мне с намерением поцеловать. Я не выдержала и с размаху влепила ему таки знатную пощечину. Он, несмотря на рост, аж пошатнулся. Но не отступил, попытался схватить за плечи, но от гардеробной раздался голос:

– Князю не все равно, Штефан.

5. Снежные дороги

Алеш Олдрич

Мастер Матей говорит, что терпеть не может зиму, потому и не приходит на праздник. Но больше меня ненавидеть зиму попросту невозможно.

Сделка с Матерью Гор дала вечную жизнь мне, моему учителю Матею и его внуку Штефану. Но то, что сначала было благословением, быстро стало проклятьем.

Залогом счастья и процветания был мой союз с княжной Амалией, прекрасной дочерью Гор, с которой мы были влюблены друг в друга до безумия. Мать Гор думала, что, зачаровав наш союз и передав мне силу, она защитит свою дочь, но вышло иначе. Дарованная ею власть над горами соединилась с моими родными нехитрыми способностями зачаровывать живое в камень. Только раньше у меня выходило только цветы каменные создавать, а после ритуала сила получила такой размах, что теперь отравляла ту, с кем я связал жизнь и хотел вечного счастья. Амалия... Нашего упорства хватило на семь лет, и даже сама Мать Гор не смогла отменить своё вечное «благословение». Как не смогла отменить и то, что мир в горах связан с ритуалами Свадьбы.

Она-то хотела, чтоб я был вечно женат на её девочке. Мы с Амалией хотели того же и легко согласились. Никому не пришло в голову, что Амалия станет камнем. После её смерти я сходил с ума и горы вместе со мной. Остановить обвалы, землетрясения и разливы рек не мог никто.

И только Мастер Матей придумал, как справиться с проклятьем.

Но... каждый год видеть в идеально воссозданной им из

камня Амалии только тень и отражение, лишь носительницу благословения «чтоб всё было хорошо», лишь милую оболочку, в которой на время поселяется душа горных ветров.

Послушная, добрая, милая. Идеальная княжна Северных Гор, которая с улыбкой проходит все ритуалы свадьбы, не думая и не вникая, просто соглашаясь. Которая в течение года будет медленно увядать под действием моей магии, как бы я ни старался погасить силу в чёрных купальнях. Увядать, но до конца улыбаться улыбкой ветра. Моя дорогая Амалия, с которой я уже никогда не встречусь вновь, но обязан играть свадьбу каждый год.

Впервые за долгое время в соседней комнате раздался шум.

Спальни соединялись через гардеробную комнату, и я в кои-то веки прошёл через двери и услышал:

– Пошёл к чёрту! Я не Амалия, и свадьба была у меня с князем, а не с тобой!

И дальше:

– Все Амалии не против, князю-то всё равно...

Я сжал кулаки. Даже если невеста уже давно лишь символ, а не живой человек... Я бы убил Штефа, но это невозможно. Слова вырвались сами собой:

– Князю не всё равно. Пошёл вон, Штефан.

Мне не всё равно. Портной, попятился, выскочил из спальни до того, как я припечатал бы его в стену. Амалия

проводила его взглядом, а потом вдруг осела на пол и разревелась в голос. Я замер от неожиданности.

Никогда не мог смотреть на её слёзы.

– Не плачь, дорогая Амалия.

От моих слов девушка разревелась ещё сильнее и отчаяннее. Потом вдруг остановилась, вытерла слёзы кулачками, посмотрела мне прямо в глаза и повторила то, что я не ждал услышать:

– Я не Амалия, князь.

Иона

Я безумно испугалась – как испугалась бы любая девушка. Да, готова была вломить хаму по яйцам и заорать ещё громче. Но где гарантии, что меня бы услышали? Что пришли бы спасать? Ведь князю, как сказал Штефан, всё равно... Я для него просто кукла, как те, что сжигают на Масленицу. Пых – и нет зимы.

Вот кто я в этом мире.

Ужасно чувствовать свою беспомощность, потому что каким бы противным Штефан ни был, но он взрослый мужик выше и сильнее меня. И судя по всему, кроме пошива платьев, секс с безотказной невестой для него тоже дело привычное. Обычные девушки такому хмырю точно не дают. И если бы не князь... Меня передёрнуло. Слёзы текли сами. А потом мужчина этим своим волшебным голосом попытался меня утешить.

– Не плачь, дорогая Амалия.

И мне стало вдвойне обидно, что он утешал не меня. А эту свою ежегодную куклу, которую расстраивать нельзя, потому магия и какая-то фигня с горами. До меня ему дела нет.

– Я не Амалия, князь. – Мне казалось это важным. Во всём этом красивом безумии чужого праздника доказать, что я – это Инна Камнева, сирота, дочка геологов, мечтавшая пойти на ювелира, но поступившая в итоге в политех. Пусть в этом мире какие-то проблемы с произношением, и Симона называет меня Иона, пусть хоть так!

– Да, ты не Амалия, – хрипло произнёс князь, – Мастер Матей каждый год воссоздаёт из камня тело Амалии, и каждый год всё красивее и красивее. Вставляет в сердце рубин, оживляет и вдыхает душу горного ветра. Ты – ветер, внезапно осознавший себя.

– Я – не ветер! Меня зовут Инна, и я...

Он пожал плечами.

– Это ничего не меняет. К следующей зиме всё равно будет новая свадьба. И новая невеста. А сейчас спи. Утром у нас третий день церемонии. Спи, дорогая Амалия.

Я снова не могла противостоять его голосу. Мужчина уложил меня на кровать и тихо произнёс:

– Даже если ты ветер, спальни соединены через гардеробную, дверь закрывать больше не стану. Но никто больше не придёт. Не бойся и не плачь. Не плачь... Спи, моя Амалия.

Я проснулась оттого, что Симона бережно коснулась мо-

его плеча.

– Доброе утро, княжна Иона.

Доброе ли оно? Через окна и оранжерею виднелось пасмурное небо, с которого стеной валил снег, скрывая пейзажи белой пеленой. И сегодня тоже надо будет куда-то ехать? Я поёжилась.

Девочка отвела меня в купальню. На запястье подмигивал розовый турмалин.

Честно говоря, после ночной истерики мне полегчало. А ещё... Князь вчера сказал, что меня в это тело меня поместил дед Матей. Если он перенёс меня сюда, может, он и обратно тоже сможет? А в Амалию поместит... что они помещают? Ветер. Правда, даже ветер мне было жалко, если предположить, что её будет иметь Штефан. Хотя теперь он вряд ли посмеет. У князя Алеша был такой голос, что, если бы портной не смылся, получил бы по заслугам.

– Симона... а как попасть к деду Матею?

Девочка пожала плечами.

– Я не знаю. Он страшный, не выходит из штолен и мастерских, а княжне не положено к нему ходить. Мы его видим только раз в год, когда он перед Зимней Свадьбой крадёт Амалию, а потом Войт забирает княжну у него.

Вот как это выглядит для большинства...

– Да, но как к нему пройти?

– Из главного зала есть двери, которые ведут вниз, в мастерские. Но мы ходим самое дальнее до Штефана. Страш-

ный Матей где-то ниже. Но вы туда не ходите, княжна Иона, а то он вас раньше времени украдёт.

Я кивнула. Девочку расстраивать – себя не уважать. Сейчас опять будет какой-то обряд, а после надо улизнуть и найти этого мастера. Обычный мир с учёбой и работой тоже не шедевр, но там меня никто не пытался поймать, там я имела планы на жизнь. Сложную, непростую, но блин, свою жизнь! А не вот это вот всё.

Завтрак уже был у камина, Даяна даже зажгла свечи – настолько было сумрачно из-за снегопада. Сейчас кроме хлеба и сыра, была ещё нарезка тонкого, почти прозрачного копчёного мяса и пара варёных яиц. И клубника.

– Девочки, а откуда у вас зимой фрукты?

Даяна качнула головой в сторону окна.

– Для княжеского стола в оранжереях много всего круглый год выращивают. А сыр у нас привозят из предгорий, там луга и летом очень красиво.

Платье меня ждало опять белое. И почему я не удивлена? В этот раз опять тяжёлый бархат, но вместо декольте – полностью закрытый ворот с розовой вышивкой. И Длинный меховой плащ с огромным капюшоном. Едва девочки закончили меня одевать, как в дверь сначала постучал, а потом зашёл Войт и попросил следовать за ним.

– Удачи, княжна, – пробормотала Симона вслед.

Во мне появился некий азарт, привычное бодрое настроение, когда есть цель и есть план. Сейчас вот пройду ещё один непонятный ритуал, раз он им так важен, а потом, когда вернусь, найду деда Матея и уговорю его мне помочь!

Князь встретил меня в общем зале. В этот раз он был тоже в тяжёлом плаще, подбитым тёмно-серым мехом. Вот знаю, что я для него кукла. Но он, зараза, настолько идеален, что когда берёт меня под руку, сердечко всё равно ёкает.

Внизу на улице нас ждали сани с крытой кибиткой. И совсем не ждал штормовой ветер и метель. Стоит ли куда-то ехать в такую погоду? Ни князь, ни прислуга этим вопросом не задавались.

Мне помогли сесть в кибитку, а вот князь уселся править парой гнедых, не обращая внимания на метель. Ребят, это нормально вообще? Он не замёрзнет? Мужик он крепкий, но ангину никто не отменял, и воспаление лёгких тоже. Но местных такие мелочи не заботили. Алеш погнал коней, и мы понеслись сквозь ветер. Белая крупа иногда залетала между слоями ткани даже в кибитку, ветер шумел снаружи. Это не карета, где я умудрялась ещё и задремать. Здесь же я решила посмотреть, куда мы едем, и это было ошибкой. Мы неслись вверх по жуткому серпантину, мимо мелькали сосны и ели, камни и снег летели из-под копыт коней.

Меня успокаивала только одна мысль: судя по словам Симоны, ни одна Амалия до конца своего года не пострадала. Я решила поберечь свои нервы и дальше за дорогой следить не стала.

В какой-то момент вьюга закончилась, стало заметно светлее. Сани остановились, и князь помог мне выйти. Мы стояли на вершине каменистого, присыпанного снегом плато. Только вместо обычных камней, здесь валялись глыбы малахита и лазурита. Если посмотреть вниз, то ниже нас облаком бушевала метель, скрывая лес, дорогу и другие гористые склоны.

А здесь солнце сквозь облака освещало каменистый пятчок, ослепляя бликами от снега. Но совершенно игнорирую весь остальной мрачный и вьюжный мир.

– Дай руку, Амалия, – я уже догадалась и сразу дала ему ту, где светился розовый турмалин. Князь взял меня за руку, и мы подняли руки вверх.

– Закрой глаза. Послушай горы и попроси мысленно, чтобы солнце спустилось, чтобы настало тепло. Попроси своих сестёр, души горных ветров, принести весну. Попроси камни остаться стоять вечно.

Я кожей чувствовала холодный ветер и солнечный свет, было в этом что-то странное, будто и то и другое было живым. Я повторила, что сказал князь. А потом мне очень силь-

но захотелось домой. Туда, где мне будет уютно и хорошо, где я снова могу быть собой. Пожалуйста, а? Земля под ногами отозвалась лёгкой дрожью, ветер растрепал пряди моих волос, солнце стало греть сильнее. Или мне показалось?

– Чшшш... Молчи, – прошептал князь. Он притянул меня к себе, крепко обнял, и я почувствовала лёгкое касание губ. Это было невероятно нежно и волнительно, будто он и вправду меня любил. Вот только продлилось это мгновение недолго.

Когда я открыла глаза, облака и метель внизу будто пропали, а князь произнёс:

– Спасибо, Амалия.

А меня здорово зацепил этот каменный чурбан. И захотелось показать ему – каково это, когда тебя не воспринимают всерьёз. Я привстала на цыпочки, и сама поцеловала его, уже не так невесомо. Хотела легко отступить, но он прижал меня к себе и провёл рукой по волосам. Чёрт, я ему хотела доказать, кто здесь живой, а не себе! Я отступила и, вопреки дико стучащему в груди сердцу, намерено легко произнесла:

– Пожалуйста, Алеш, – когда понимаешь, что эти «спасибо, дорогая» говорятся не мне, то отвечать становится проще. – Теперь обратно в замок, да?

Мне надо к деду Матею, но обсуждать это с тем, кто вчера после прямого «я не Амалия» продолжал считать меня куколкой, я не собиралась.

Но в замок мы вернулись не сразу – князь промчал нас дальше, спустился к городку, и мы снова пошли по площади, к нам подходили разные люди, кланялись, целовали подол. Солнце освещало ослепительно яркий розовый цветок над каменной аркой, нас поздравляли с Новой Свадьбой, и я впервые подумала, что, судя по лицу князя, его это достало не меньше чем меня.

Только вот в отличие от него, я терпеть всё это не намерена!

6. Горных дел Мастер

Иона

Когда мы вернулись, князь сразу же ушёл в свою спальню, не сказав ни слова. Я же, как только осталась одна, затребовала у девочек будничное платье вместо халата. Должен же чёртов Штефан шить кроме подвенечных платьев обычные вещи?

– Зачем? – спросила Даянка с подозрением. Мне вот интересно: что, их Амалии – совсем куклы? Никуда не ходят, только спят, купаются и едят?

– А что, запрещено?

Девочка поджала губы.

– Нет, но... Не положено.

Я усмехнулась.

– Раз не запрещено, значит можно. Симона?

Младшая продолжала недовольно ворчать, а старшая тем временем радостно метнулась в гардеробную и принесла простое платье и шаль. Ну как простое... Светлое, с искусной вышивкой, но всё же не такое тяжёлое и без корсета. Ворот и рукава были на сборках, как крестьянские рубашки. Завершал образ широкий длинный пояс, края которого спускались до земли, а середина тоже была разукрашена бусинами розового кварца, агата и лунного камня.

– А что вы хотите посмотреть, княжна? Может, оранжерею? Можно? Пожалуйста?

– Ты что же, там ни разу не была?

Даяна чопорно произнесла.

– В княжескую можно входить только вам и князю. И Теодоре Тейтане. И тем, кто их сопровождает.

У меня возник резонный вопрос.

– А кто тогда ухаживает за растениями?

Девочки переглянулись и одновременно ответили:

– Как и за общими оранжереями, садовник.

– То есть не только мне и князю можно входить, да?

– Нет, ну садовников-то кто считает? Пойдёмте, княжна Иона?

Вот же снобизм! Но, кажется, Симона очень туда хотела. А мне нужна была помощь единственного человека в этом горном замке, который зовёт меня по имени.

В оранжерее было... красиво. Вот не моя тема – выращивать что-то. Мама любила, а у меня даже кактусы умирали. Здесь розы, там розы. Там цветы, здесь цветы. Ароматные травы... по запаху я опознала только мяту и укроп. Девочки радостно трогали какие-то растения, что-то шептались друг другу. Даже чопорная Даяна с моего разрешения сорвала клубничку с грядки и стала выглядеть как ребёнок, а не как юная бабушка.

Сквозь стеклянные стены ярко горело закатное солнце. Но вот оно опустилось за дальний склон, и, несмотря на то, что ещё не поздно, и повисла тьма. В оранжерее мягко светились камни вдоль тропинок, показывая путь обратно.

Симона восторженно улыбалась и даже взяла меня за руку на обратном пути. Вспомнилось, как в детстве я просила у мамы младшую сестру.

– Спасибо, княжна, – произнесла Даяна, когда мы вернулись – а теперь, будьте добры, подождите в комнате, мы ужин принесём.

Они вышли, я подождала немного и вышла следом. Из большого зала несколько дверей открывали ступени вниз. Из одной вкусно пахло тушёным мясом и слышались голоса. Определённо, мастерские в другом месте. Оставалась ещё две двери. Я пошла наугад. Заблудиться не боялась – мне всего-то надо будет всегда подниматься, если захочу пойти обратно. На третьем пролёте стало заметно холоднее, я смут-

но пыталась вспомнить, как меня вёл Войт в первый день. Каменные лестницы вели вниз, да только голосов слышно не было. Стены тоже были отделаны малахитом, лазуритом, где-то виднелась бирюза.

Толкнула одну из дверей – там оказался огромный зал. Боже, вот бы папа это увидел. . . Он всегда жаловался, что образцы после экспедиций негде хранить, а здесь стояли огромные стеллажи с сотнями разных камней. Около каждого – подпись, где и когда. Хм. . . не на русском ведь? Если сосредоточиться на каждом символе и букве по отдельности, то понятно, что язык другой. Но стоит расслабиться и посмотреть на надпись целиком, как сразу читалось, где и когда добыли этот прекрасный агат.

Всё это безумно интересно, и я бы осталась на пару часов, но не сейчас. Я вернулась в коридор и принялась вспоминать. Кажется, Войт в первый день вообще не открывал какие-либо двери, кроме как в общий зал. Значит, и мне надо просто спускаться. Я пошла дальше вниз, и, спустя пару пролётов пожалела, что не взяла предложенную Симоной шаль. Позади осталось ещё несколько дверей, и мне захотелось спросить неизвестного систематизатора камней и минералов: а почему он с той же педантичностью не подписал помещения и этажи?

Мне казалось, что я иду уже долго, и закралась мысль:

а как там девочки, может, уже принесли ужин и ищут меня? С другой стороны, вот скажут они Войту, князю или этой даме... Тейтане, и, может, закроют меня в комнате? Нет, надо сначала найти деда Матея и разобраться во всём.

Ещё пролёт вниз. Кажется, стены стали темнее, и света меньше. Я уже понимала, что выбрала не тот коридор, но не могла остановиться. Словно меня кто-то звал, умолял добраться до самого конца. Внизу в диком холоде белых мраморных стен оказалась одна-единственная дверь. Ручка была покрыта слоем пыли, да и видно, что сюда давно никто не ходил. Я толкнула её и оказалась в огромной заброшенной... мастерской? Да, это была именно мастерская. На полу валялись стамески, скаптели для гравировки. Стояла недоделанная ваза из малахита. Оставленное на середине работы панно с оранжевыми лиственницами из янтаря и бирюзовым озером... Дальше были целые клумбы цветов. Ландыши из лунного камня, бирюзовые подснежники, рубиновые розы, лилии из кусочков янтаря... Кто всё это делал и зачем? И почему сейчас оно покрыто пылью как снегом? Я прошла мимо мяты из авантюрина, которая выглядела ярче и живее, чем в оранжерее, разве что не пахла. Дальше, у самой стены стояло огромное зеркало выше моего роста в резной раме.

С затаённым страхом я провела по холодной поверхности рукой, смахивая пыль. Из отражения на меня смотрела

девушка. Заплетённые в длинную косу чёрные волосы, тонкие черты лица, зелёные глаза, нежная улыбка... грустная. Это не зеркало, поняла я. Просто стекло, такое толстое, что немного зеркалит и меня. Но если приглядеться, то девушка там... да нет, не может быть. Это не какая-то магия, вернее, это и есть их чёртова магия. Она из камня. Платье из малахита, руки и лицо из сотен маленьких кусочков розового кварца, светлой яшмы и других камней, волосы из гагата и гематита. Множество мелких осколков и кристаллов, идеально подобранных по цвету, составляли её лицо, руки, глаза, одежду. На запястье у неё мерцал розовым такой же турмалин. Амалия?

Она была каменной, но до безумия настоящей.

И вот теперь мне стало действительно холодно.

Алеш Олдрич

После визита на ярмарку я мял в руках подаренный мне кем-то из ремесленников кожаный пояс с тиснёнными цифрами – 242. Двести сорок вторая Зимняя Свадьба. Пояс с цифрами полетел в горящий камин.

– Что вы, князь, надымили? – сразу же зашёл Войт. – Опять дары жжёте, да? Платок? Пирог? Хотя нет, дайте угадаю... – кравчий принюхался, – это что-то кожаное. Наверное, пояс.

Когда-то я принял указ и запретил вести счёт зим по Свадьбам; велел пользоваться общим календарём, как в сосед-

них Катайе и Тэмании, но жители Горного Княжества Алаурии всё равно писали рядом с общепринятым годом от сотворения мира из камня, текущую Зимнюю Свадьбу, и считали не лета, как остальные страны, а зимы.

Где-то к седьмой Зимней Свадьбе на мои попытки запретить все лишние торжества, кроме самих ритуалов, Мастер Матей сказал: «Брось ты это, Алеш», а Штеф добавил: «Людам плевать на твои чувства, для них это праздник».

Алаурии нужен князь, мир в горах нужен тысячам простых людей, и кого волновало что нужно мне? Когда-то мне нужна была любимая девушка и любимое каменное дело. Вначале я проходил через ритуалы Свадьбы с надеждой, и каждый раз пытался что-то изменить, разрушить заветное. После неудач пришёл гнев, затем была боль, следом раздражение и безразличие. Сейчас осталось смирение.

Три дня в году я снова проживаю Свадьбу с Амалией, и это как пройти по галерее, где запечатлены лучшие моменты жизни. Пройти, мило улыбнуться и следовать дальше. До следующего визита в память.

В остальное время вместе с Амалией надо быть очень изредка – на важных приёмах и балах. Для правителей Катайи и Тэмании Алеш и Амалия – мифическая пара, бессмертные хозяева гор.

Из этой позиции очень удобно заключать торговые договоры, а ещё выступать гарантом при заключении сделок. Да и

вообще, планировать развитие княжества куда удобнее, если знаешь, что не умрёшь. Наверное, это стало для меня своего рода игрой – что я могу создать? Какие города построить? Какие сады можно вырастить?

Оранжереи Алаурии известны далеко за пределами княжества. Ещё бы, мои ребята умеют делать выгонку вишни ровно к нужной дате, чтобы внести на торжество плодоносящее деревце в горшочке. Это вам не клюкву засахаренную подавать! Сыроварни и виноградники из предгорий уже несколько поколений считаются лучшими. А про строителей, ювелиров и мастеров-камнерезов Алаурии ходят легенды.

А ведь когда-то здесь были прииски и маленький городок захудалого князька, собиравшего оброк с горных рабочих... среди которых был дед Матей, Штефан и я.

Городок остался, на месте прииска теперь мой замок с мастерскими под ним. Столица разросшегося княжества была построена ниже, в предгорьях, и получила название Алтея.

– Вам бы собираться в столицу, князь, – произнёс Войт. – Я спаленку проветрю.

– Не сегодня, кравчий.

Вопреки высокому чину, он не любил, когда я зову его по должности. Сейчас ничего говорить не стал, да и к чему

слова, когда из камина до сих пор несёт палёным? Моё настроение для него очевидно.

– Плащ, коня...

—... и в лес, – закончил Войт за меня.

– Да, и в лес.

Надо бы наведаться к Мастеру Матею, и узнать, что пошло не так, впервые за две с половиной сотни одинаковых невест. Почему эта пустышка ведёт себя так правдоподобно? Губы до сих пор горели от её (её, а не моего) поцелуя, а перед глазами была девушка, рыдающая на полу.

... и тут же в воспоминаниях – настоящая Амалия, моя. Которая могла разреветься из-за любой мелочи вроде укола булавкой, но не проронила ни слезинки, когда пыталась справиться с проклятьем.

Нет уж, Свадьба кончилась, и нечего снова нырять в эти воспоминания. Так можно и опять скатиться в страдания и тоску.

К Матею зайду позже, заодно и Штефану сделаю внушение. Сейчас же мне надо немного тепла.

Плащ, коня и в лес.

Дорога плутала среди тёмных и голых лиственниц, но мне не впервой ехать в Орген – небольшой, скрытый в горах посёлок, где в уютном поместье обосновалась Лейса Мартич – моя ведьма. Красивая, спокойная и невероятно уютная дама.

Как-то в столице она подошла на приёме после Свадьбы, она взяла меня за руку, коснулась турмалина на запястье и спокойно произнесла:

– Знаете, князь Олдрич, кажется, вам нужно немного тепла, – поймала мой взгляд, хитро и одновременно грустно улыбнулась, добавила, – а, впрочем, мне не кажется. Заезжайте ко мне в Орген, у меня хорошие камины в усадьбе.

Я приглашением воспользовался не сразу. Только после обязательного чествования весны вместе с княжной. Мне было паршиво. Лейса, после того как её слуги впустили меня, не удивилась, усадила у камина, стащила сапоги, принесла вина и просто сидела рядом.

– Ничего не будешь спрашивать, леди Мартич?

– А надо, князь? – женщина села ближе. Огонь камина отражался от её янтарных, почти кошачьих глаз, заставлял бегать рыжие блики по светло-русым волосам. Её кожа в этом свете казалась куда теплее, чем... Нет, руки у неё и вправду горячие. И губы.

– Расслабься, князь... Хотя нет, не расслабляйся. Где надо, ты каменный, – шутливо шептала она, стягивая с меня брюки. – Горных дел мастер...

– Давай только без шуток про вершины и пещеры, – пробормотал я, а женщина в ответ рассмеялась, будто не в первый раз меня соблазняла. Будто мы не первый раз с ней спали. И я чувствовал себя с ней спокойно.

До этого, бывало, в столице я находил девушек на одну ночь. Но это было... никак. С Лейсой же действительно оказалось уютно. Она не пыталась добиться от меня любви, ей хватало моего общения и страсти. Я же хоть немного оживал после всех этих ритуалов свадьбы.

Вот и сейчас мой гнедой привычно остановился возле небольшой двухэтажной усадьбы, сработанной из огромного лиственничного кругляка. Конюх вручил моему скакуну яблоко и взял под узцы, парень из дворовых провёл к дверям.

– Замёрз у себя на свадьбе, князь?

Я кивнул, сбросил плащ и обнял ведьму. Она прижалась ко мне грудью, провела пальцами по подбородку, коснулась губ. А потом вдруг нахмурилась и взяла меня за руку.

– Что это, Олдрич?

Турмалин на моём запястье из розового стремительно становился белым.

За несколько лет связи ни разу не объяснял Лейсе мою историю с Амалией. Хотя, кажется мне, что она что-то да понимала. Отчасти из слухов, отчасти из-за способностей видеть чуть больше, чем остальные люди.

Обычно Лейса не спрашивала деталей, давая понять, что ей это не важно. Ну да, есть у меня ритуальная Свадьба. То,

что Амалия каждый год разная – понять людям сложно, потому что княжна выглядит одинаково. А я не позволял себе кататься к ведьме в последние холодные дни перед свадьбой, когда очередная невеста угасала и турмалин становился белым, а потом рассыпался вовсе.

– Прости, мне надо срочно вернуться в замок.

Значит, с Амалией что-то действительно не так. Всё-таки надо было сначала зайти к Мастеру Матею! Ведьма недовольно поджала губы, глядя, как я поднимаю плащ.

– Она всё равно умрёт, князь, – произнесла женщина, – я не так сильна в предсказании, но это вижу чутко. Твоя княжна умирает.

– Я знаю это, – бросил ей от дверей, – увидимся позже.

– Как знаешь. Только лучше гони по нижней дороге, князь. Не через лес.

Ничего ей не ответил, Лейса пожала плечами и выглянула за дверь.

– Коня князю!

Слуги тотчас метнулись, и вот уже конюх ведёт моего гнедого. Хозяйка дома наблюдала, как я сажусь в седло.

– Я, конечно, хочу, чтобы ты остался, князь. Тем более, поверь, нет там повода для волнения. Но раз говоришь надо, значит, надо. Поезжай.

Нет повода для волнения?!

– Спасибо, – вырвалось у меня излишне холодно, и я рванул прочь. Из-под копыт гнедого летел снег.

Дорога через лес – дело привычное, даже после того, как в горах наступил ранний зимний вечер. Встречный ветер срывал иногда капюшон плаща, трепал волосы. Я время от времени посматривал на руку. Камень оставался белым. Что за проклятие в этом году? Погруженный в свои мысли, я едва успел остановиться. На небольшую лощину, пару часов вполне свободную, сошла потревоженная кем-то выше осыпь. Дороги не было, только камни. И суди, по оседающей пыли попеременно со снегом, произошло это совсем недавно. Не проедешь ведь: где поведёт коня и сам укачишься вниз с потоком мелкого камня. Вспомнилась Лейса и её слова.

– Проклятье, – пробормотал я. – Чшш, спокойно, друже, – успокоил коня и спешился.

Обычного человека это бы остановило. Я коснулся рукой осыпи. Да, это случилось совсем недавно, выше в лесу пробегали косули и струнули осыпь. Они-то успели уйти по крупным валунам, а вот подвижная волна мелкого и крупного камня тронулась и накрыла лощину. Горные камни не хотели преграждать мне путь, но так уж вышло.

От моих пальцев потянулись зеленоватые отблески. Убрать все эти камни сейчас было слишком долго, поэтому я лишь зачаровал путь, обратив хрупкую, сыпучую поверхность в твёрдую мостовую.

Конь, правда, сначала ступал с сомнением и опаской, но после привычно смело устремился вперёд.

До замка оставалось всё меньше, и камень вдруг начал снова светиться розовым. Я уже спокойнее спешился у ворот, вручил поводья конюху и направился к себе.

– Что не так, князь? – Войт возник тут же, будто из-под земли и подхватил мой плащ.

– Что-то. Где Амалия, кравчий?

Мужчина пожал плечами.

– Мне не ведомо. Должна быть у себя в покоях, Симона и Даяна какое-то время назад отнесли ужин.

Я толкнул дверь в опочивальню. Второй раз за три дня и впервые за пару сотен лет я зашёл сюда вечером. Княжны не было в комнате, как и девочек-прислужниц. Но была открыта дверь в купальни.

Чего я там не видел?

Их розовой купальни, которая позволяла княжне набираться сил, раздавалось тихое пение и плеск воды. Слов было не разобрать, я замер в проходе. Амалия встала, поднялась из купальни, отжала волосы, усмехнулась. Камень на её запястье, как и у меня, светился розовым, нижнее шелковое платье только подчёркивало тело мокрой тканью. Я никогда не оставался с Амалиями после того, как моя погибла. Никогда не засматривался на неё, как на живую девушку. Но сейчас не мог отвести взгляд. Кажется мне, или у моей были чёрные волосы, куда темнее, чем у девушки передо мной?

Или я уже схожу с ума за столько ритуалов?

Она же подняла взгляд и увидела меня. Подошла ближе, минуя свою купальню, и встала в проходе между бассейнами, отделанными яшмой и ониксом.

– Князь?

Я изобразил спокойствие, хотя внутри всё клокотало.

– Что..., – пришлось откашляться, – что вы делали, княжна, после того как мы приехали?

– Пошла в купаленку, Алеш, – она тянула «ш» в конце имени намеренно мягко, и мне вдруг захотелось услышать своё имя её голосом ещё раз. – Пошла в купаленку, да случайно зашла в твою, чёрную. И как-то голова закружилась, плохо стало. Симона сказала, нельзя так больше.

Я сжал зубы. Да, если уж она хотя бы ноги помочила в моей, забирающей силу воде, не удивительно, что камень побелел, будто Амалия угасла. И всё же... было что-то странное в рассказе. Стоило взять её руку в свою, как кроме камня, я почувствовал нервное биение крови. Наверное, я уже века так не касался её. И не стоял вот так рядом, наблюдая, как вода стекает по волосам, ткани, телу; как она поднимает на меня взгляд с влажными после купания ресницами.

Девушка вдруг покачнулась, я попытался её подхватить, но не удержался в проходе, и мы оба упали в бассейн, отделанный жёлтыми и красными камнями.

Воды здесь было мне по грудь, а девушке рядом – вы-

ше плеч. Её волосы были на поверхности воды, голубые глаза напоминали зимнее небо. Но я не мог оторвать взгляд от приоткрытых губ. Дико захотелось услышать снова...

– Алеш... – произнесла девушка невероятно мягко и потянулась ко мне. Я обнял Амалию и прижался к её губам своими.

7. Дорогая Амалия

Иона

Чем больше я вглядывалась в каменную девушку за стеклом, тем больше меня бил озноб. Начинало казаться, что вот сейчас, ещё немного, и та, настоящая Амалия заговорит. Скажет что-то, объяснит.

Я смахнула пыль со всего стекла, и не могла оторвать взгляд. Где-то на задворках сознания метался голос разума, напоминающий о том, что мне надо было найти не каменную княжну, а деда Матея. Княжна на мои вопросы не ответит.

Уйти не хватало воли. Я приложила руку к стеклу, и вдруг показалось, что Амалия дрогнула и потянулась своей рукой к зеркалу. Меня накрыло дикой слабостью, я упала на колени. Рука как будто онемела, пальцы стали бледными, а камень в запястье стремительно стал терять цвет. Зато у каменной княжны турмалин стал гореть ярче.

Встать не получалось, тело не слушалось. Ну вот почему, почему я не ушла сразу, как из хранилища? Любопытство вызграло? А теперь получай: вот прекрасное чувство беспомощности, потому что я понятия не имею, как работает эта магия, лишь чувствую, как из меня утекают силы.

– Ах ты ж девонька, зачем сюда пошла? – раздался скрипучий голос от двери. Дед отряхнул руки от пыли, удивительно шустро для своего возраста подскочил ко мне и вытащил из комнаты. В коридоре мне стало заметно легче дышать.

– Пойдём-пойдём моя хорошая, – бормотал он, ведя меня под руку. Я едва переставляла ноги. Стоило одолеть пару пролётов выше, как в ногах появились силы. Но голова всё равно кружилась. Тем не менее разум прояснился и я порадовалась тому, что меня вытащил именно Матей.

– Можете мне сказать, как мне вернуться?

Он остановился.

– Обрато – к настоящей Амалии что ли? Не-не, дорогая девочка, к следующей зиме всё равно там будешь. Не дуркуй раньше времени.

– Нет, – я отпустила его руку и облокотилась о стену, – я – не Амалия, понимаете? Не этот ваш дух ветра. Меня зовут Инна, я в другом мире была обычная девушка. Штефан говорил, что это вы даёте Амалии душу. Можете вернуть меня обратно? У меня своя жизнь была, а не вот это всё!

Дед Матей вдруг торжественно улыбнулся. Это выглядело жутковато, количество морщин на его лице будто увеличилось втрое. Он ткнул меня пальцем в грудь.

– Вот! Я же знал, что однажды получится! Это Алеш, мальчишка, сдался на седьмой попытке... А дедушка не дурак, дедушка знает, что если времени много, то пробовать можно сколько угодно раз!

– Что у вас получилось? – осторожно спросила я.

Он хихикнул, показав желтоватые зубы.

– Живая невеста. Пойдём-пойдём, а то князь прибежит. Ему говорить, куда ты ходила, не надо.

– Почему?

– Просто поверь дедушке, девонька. Я потом тебе расскажу. Иона, да?

Да что у них за проблемы-то со сдвоенными согласными? Ладно, фиг с ним.

– Иона, да.

– А тебе позже всё объясню, только к Амалии больше не ходи. Ты сейчас сделай вот что...

Он довёл меня почти до самого верха, голова кружилась неимоверно. Через зал до спальни я едва дошла. Не слушая охи и ахи девочек, быстро откусила немного сыра и фруктов, попросила всё убрать и отправилась в купальню.

И правда, в бассейне, отделанном розовыми камнями, я потихоньку набралась сил. Прошло онемение, турмалин снова начал подмигивать розовым. В голове медленно укладывалась новая информация. У князя, значит, не простая купальня, а та, что забирает его силу. А дед Матей в курсе, что засунул в это тело живую душу...

Очень непросто было успокоить дрожь при мысли, что я в подземелье могла остаться. Наверное, окаменела бы как та Амалия, уж очень мощно та тянула из меня силу. Я поковыряла камень на запястье. Розовый, блеснит. Зараза магическая. Надо будет у деда выяснить, в чём прикол этих камней.

Я плескалась долго, пока не почувствовала себя лучше, чем до этого. Тем более, этот страшненький дедуля обещал мне помочь. Настроение тоже улучшилось, вспомнились старые песни, которые папа играл под гитару. Я мурлыкала себе под нос «милая моя, солнышко лесное», когда слышала шаги сзади.

Видок у князя был тот ещё, будто нёсся через зимний лес. Волосы растрёпанные, глаза дикие. Он схватил меня за запястье и выслушал то, что велел мне сказать Матей. Князя ответ успокоил, да вот только или из-за воды, натёкшей с платья, или из-за волнения (хотя с чего бы мне волноваться?), я поскользнулась.

Когда вынырнула из тёплой воды, князь внимательно

смотрел на меня. Внимательно – не то слово. Голодно. Будто ждал чего-то. Вокруг бассейна красным и жёлтым отсвечивали драгоценные камни, мне было жарко, рядом был мужчина, который мне, вообще-то, нравится.

Что на меня нашло, когда я невероятно нежно, лаская каждый звук произнесла:

– Алеш...

Чего я больше всего не хотела, так это слышать «Дорогая Амалия». Но он не стал ничего говорить. Просто прижал меня к себе, и начала целовать. Я чувствовала его губы, уверенные, но нежные. Чувствовала всем телом каждую складочку его сложного костюма, и сама прижалась ещё сильнее. Князь вёл рукой вдоль моей спины, заставляя меня вздрагивать. В голове крутилось только: пусть это никогда не кончается. Пусть продолжается дальше.

Как-то так вышло, что несмотря на третий курс универа, интима у меня не было. Встречи – да, поцелуи – да, но вот до третьего свидания, а тем более до отношений дело не доходило. У меня нигде не ёкало, не замирало сердце, не летали бабочки. Может, ещё дело в том, что когда я после смерти родителей осталась одна, мне было совершенно не до романтики, не знаю. Как-то не сложилось.

В общем, что происходит после поцелуев, я, конечно, представляла. Но в теории, а не на практике. И никакое романтическое кинцо не могло передать и объяснить, что делать, когда по нервам растекается жар, колени подкашиваются, а тело тает от каждого прикосновения. Причём от совершенно каменного мужика, которого вижу третий день. Ау, Инна! Что с тобой?

– Что с тобой происходит? – повторил князь вопрос здоровой части меня. Его низкий голос проникал до каких-то глубин в душе, будто звучал сразу и снаружи, и внутри меня.

Он запустил пальцы мне в волосы, провёл по шее. Я перехватила его руку своей и прижалась щекой.

– Алеш... – честно, не специально, но в моём голосе тоже было слишком много страсти. Даже не знала, что так могу, – Я очень хочу...

Он вздрогнул и отстранился.

– Это же жёлтая купальня.

Моё «хочу, чтоб ты назвал меня по имени» так и повисло недоговорённым. Вот честно, у меня с ними уже фетиш на своё имя.

– И что с того, князь? – Слова прозвучали немного недовольно. Сознание затуманилось, хотелось довериться чувствам, растаять в объятиях этого мужчины, а не слушать какие-то объяснения. – Какая разница, не ваша ведь, не тёмная... Силу не тянет.

– Нет, не тянет, – он аж отвернулся от меня. Да что блин

не так-то? – Вода здесь даже даёт силы... Амалия, вам разве горничные не объяснили, что камни у бассейна означают?

– Красный и жёлтый – для взрослых, – повторила я слова Симоны. Ещё вспомнилось смущение девочки, и что-то медленно начало складываться.

– Ну, можно и так сказать, – криво усмехнулся князь. Пошёл он к чёрту, не буду его больше по имени звать, пока сам меня не признаёт! В теле ещё оставалось неуправляемое желание близости, но разум уже работал. Мужчина же шагнул ко мне, не обращая внимания на то, как мешает его движениям мокрая и тяжёлая одежда. Взял меня за талию, и прежде чем я успела хоть что-то произнести, поднял из воды и посадил на бортик бассейна. А потом уж сам подтянулся на руках и уселся рядом.

Снял совершенно мокрый камзол, который от воды потемнел и выглядел почти чёрным вместо тёмно-зелёного.

– Это бассейн для влюблённых, моя дорогая...

– Я не Амалия!

Я вскочила и чуть опять не поскользнулась. Очень неловко и по-детски вышло, князь даже махнул рукой, пытаясь меня поймать, но я устояла. Не хочу эту слышать. Ну вот серьёзно, как ему сказать, что я – не кукла. Та, его, в подвале стоит. Ещё большой вопрос: какого лешего она там делает и почему тянет из меня силу. И почему дед Матей велел не говорить мне про то, что я была внизу.

– Вот как, как мне ещё вам сказать, князь? Я не ваша Ама-

лия, и не дух ветра. Меня Инна зовут, и я...

– Это не важно.

А... что? Простите? Можно я его пну, пожалуйста? Совесть и здравый смысл, не зудите, очень хочется мужику по голове постучать. Вот прям тяжёлым чем-нибудь. Камешком по камешку.

– В смысле – неважно? То есть у нас сейчас едва секс не случился, а с кем – вам, князь, неважно? – здесь уж я не пожалела яда в интонациях.

– Что чуть не случилось? – переспросил он. Что, в их лексиконе нет таких слов?

– Секс. Интим. Половой акт. Близость. Соитие, – Меня, что называется, «бомбило», я пыталась вспомнить вежливые наименования, но, видимо, совсем таких синонимов в этом мире не было. Наверняка нашлось бы подходящее к тому, как мой сокурсник говорил каждой девчонке «пойдём по****ся?», но мне так не нравилось. Наконец, я нашла выражение, которое должно звучать также и здесь, – Чуть не занялись любовью, князь.

Его перекосило. Он аж окаменел, хотя уж куда сильнее. Наконец, мужчина бесцветным голосом произнёс:

– Я любил только Амалию.

Меня было не остановить.

– Дорогую Амалию? Или живую?

– Ты... Ты...

– Да, я!

– Ты – не она!

Ура, победа!

– Я вам это уже вечность твержу, князь!

Он сжал кулаки. Встал. Поднял свой мокрый камзол. В его самообладание бы верилось, если бы он не попытался сначала надеть его вверх ногами.

– Вы пытаетесь, князь, – протянула я, по-прежнему болтая ногами в тёплой воде. – И вообще, в чём смысл свадьбы без любви, просветите... свою дорогую?

Он рванул мимо меня в сторону спальни, как был, в мокрой одежде.

А я откинулась назад, легла прямо на гладкие доски пола, и меня накрыло смехом. Скорее нервным, чем радостным, но я не могла выкинуть из головы ни ритуал, ни поцелуй, ни подвал, ни купальню и почти интим, ни разговор. И всё это в один день!

Когда пришла Симона с полотенцем и возгласами о моём поведении, я всё ещё посмеивалась.

8. Дело Мастера боится

Алеш

Меня остановил Войт. Наверное, если бы не кравчий, я бы и в мокром потащился к Мастеру Матею. Но верный слуга стоял в спальне, скрестив руки, и смотрел на меня, пока я

рассекал по комнате в мокрой одежде.

– Вы-то бессмертны, князь. А вот вещи нет. Ковры пожалейте, их принц Катайи вам лично подарил.

В спальне уже горели свечи, пылал камин, стол был накрыт – жареное мясо, сыры, травы и овощи из оранжереи.

– Вот сначала сядьте, поешьте, потом пойдёте. А ещё лучше – утром. Отдохнёте, а там, может, и передумаете вовсе.

– Матей по ночам редко спит, – напомнил я Войту очевидное.

Кравчий поморщился. Он с самого детства боялся страшного деда, который, согласно сказкам крадёт невесту и пугает детей. И даже когда из просто подобранного в предгорьях сироты и мальчишки-слуги стал моим сначала личным помощником, а потом правой рукой, узнал секреты и мои, и Амалии; Матея бояться не перестал.

Но всё же здравый смысл в словах Войта был. Я позволил себя переодеть, сел за стол. Как раз можно спокойно обдумать, что спросить у старика. Он-то и смертным был несказанно хитромудрым, а бессмертным понятнее не стал.

Я прислушался – в спальне у княжны что-то ворковали горничные, и потом девушка снова принялась что-то напевать. Разве Амалия пела? Не могу вспомнить. И глаза... зелёные, но у девушки в купальне они были голубыми. Ведь Матей создаёт их каждый раз одинаковыми, или нет?

В замке почти все спали, в общем зале только угли светились в камине, да около дверей в настенных подсвечниках были зажжены свечи. На кухне гремела посуда. Ну, там никогда не спят.

– Вам лампу принести, князь? – окликнул меня у дверей кто-то из мальчишек-слуг, спускавшийся на кухню с кипой белоснежных полотенец.

– Не надо, парень. – Я сжал кулак, а когда разжал, то положил мальчику на полотенца маленький изумруд. – Держи. Также усердно работай дальше.

– Да, князь!

Он радостно побежал вниз, и я услышал начало восторженного «Смотрите, что мне...»

Парнишку явно недавно взяли, раз ещё не понял, что свет в каменных коридорах мне не нужен. Хотя откуда ему знать, если туда я сейчас спускаюсь редко, разве что в хранилище. Миновал поворот на этаж Штефана и сделал себе зарубку в памяти: зайти после и непременно припечатать мерзавца к стенке.

Замер на развилке между спуском в мою мастерскую и лестницей к Матею. Где-то внутри было желание сорвать цветы из оранжереи, принести их Амалии, и стоять перед стеклом бесконечно долго в надежде, что она оживёт. Стоять, пока цветы не превратились бы в камень, как было бес-

счётное множество раз. Стоять и пытаться не делиться силой через турмалин с Амалией, а наоборот, забрать, втянуть в себя всё каменное в зале, чтоб в предметах осталась жить.

Но нельзя вобрать внутрь родника реку, что берёт начало из него. И невозможно остановить уже отпущенную силу.

Я толкнул дверь и впервые за много лет зашёл в мастерскую к своему учителю.

– Мастер Матей...

– О, Алеш, давненько тебя не видел. Заходи, бери стамеску. Мне тут надо камешек подработать. Садись, садись. Чего встал?

Его мастерская, в отличие от моей, всегда была пристанищем хаоса, в котором он прекрасно ориентировался. Необработанные камни, куски начатых и брошенных изделий – всё стояло беспорядочно, оставляю на полу огромной пещеры узкие тропинки, освещаемые каменными лампами. Да, ближе к выходу у него была относительно чистая зона с ростовым зеркалом и огороженная ширмами, где он собирал очередную Амалию, а вот остальное пространство являло собой истинный творческий беспорядок, который за два с половиной века только разросся и углубился внутрь горы.

– Я хочу поговорить...

– Да-да, я понял. Садись вот за тот стол. Убирай лишнее, шлифуй. Ручками, Алеш, ручками работай.

Меня словно в детство окунуло, когда тогда ещё не дед,

но уже мастер Матей взял меня в ученики. Он никого не хотел в подмастерья, гнал мальчишек после первой же недели, мол тупые, чуйки каменной нет. Или лупил почём свет, намеренно, чтоб сами сбежали. Меня, хилого сироту, который нигде не приживался – всё из рук валилось, отправили к Матю – мол, этот, если загнётся, то не жалко. А оказалось, к камням-то и был интерес.

Откормил меня вместе со своим внуком, да только Штеф в каменном деле ничего знать не хотел. Лишь бы ему с девками шляться. А я стремился дойти до тонкости, найти ту самую магию камня... Нашёл ведь.

– Алеш, ты не работаешь, – произнёс старик у меня за спиной. Обошёл и уселся с коробкой самоцветов напротив меня. Подождал, пока я возьму с вешалки старый халат, накину поверх рубашки и не возьму в руки стамеску. Не волновало старика, что могу магией всё сделать. И только когда я начал работать, он достал из своей коробочки рубин, и начал изучать на просвет, изредка поглядывая на меня.

– Работай, работай... князь. Дело мастера боится, аль ты забыл старые присказки? Камешек из рук не выпускай, я тебе расскажу пока сказку, а то в воспоминания ударишься, знаю тебя. Работай, Алеш. Больно ты удачливый всегда был, всегда на чуйку вою рассчитывал, на дар, потом на магию... а дед Матей что? Дед Матей только-то время получил, много времени. Но у меня дара такого отродясь не было, ещё во времена прииска и оброка я просто делал, пока не получит-

ся. Только тогда бывало, знаешь как? Не давали сроку аль камня, чтоб спокойно делать и переделывать до идеала.

Ты ведь когда сломался, Алеш, сынка? Когда Амалия твоя в камень обратилась. Что ты, дурашка, сделал? Попытался магией всё поправить. Сколько раз? А?

– Много, – не удержался и чуть было не отложил камень. Старик понизил голос:

– Я тебе отвечать не разрешал, недоучек. Ты попробовал и решил сдаться.

– А были варианты?

Старик злился. Хмурился. Но при этом выглядел чертовски довольным.

– Варианты? Эк ты слово нашёл! Время! Было время, мальчик! Сколько угодно! Я каждый раз старался делать Амалию лучше. Не такую же. Каждый раз я что-то менял. Камень. Технику. Детали. Магию. Ты что же думал, я предложил тебе с каменной девой вечно свадьбу играть?

У меня закружилась голова. Так с кем сегодня я был в купальнях, а? Голос вышел осипшим, когда я смог задать вопрос:

– Дед... так что ты сделал, а?

Он жутковато и хитро рассмеялся.

– Дело, Алеш, Мастера боится! Особенно если у Мастера есть мозги, стамеска и вечность!

Иона

Кажется, Симона явно хотела запереть двери спальни, когда уходила. Но даже Даянка привыкла к моему своевольному характеру, и после веского «ну нет, княжна сказала», смирилась и только попросила больше не пропадать и не пугать их.

– Вдруг вас украдёт злой Матей? – Даянка смешно сделала бровки домиком, – пожалуйста, не бродите одна. Мы утром придём и проводим куда хотите.

Да, но только в подземелья девочки не поведут. Да и ни к чему им это.

Замок спал, я, наученная опытом, прихватила с собой шаль. Приоткрыла дверь из спальни и увидела, как князь, зараза, выходит из своей. Я замерла. Мужчина наколдовал слуге драгоценность и шагнул в коридор.

Была не была, я тихонько последовала за ним. Он спулся так же, как и я, замер на мгновение около одного из поворотов, нахмурился, сжал кулаки, но пошёл дальше. Потом он остановился внезапно и уже надолго на развилке. Я до этого пошла прямо, а он свернул в почти незаметный за узорами стен проход сбоку. К Амалии своей, значит, сходить не хочет?

В мягких войлочных тапочках мои шаги были не слышны, и я не сильно отставала от князя. А он и не оглядывался,

не думая о том, что не один здесь. Да и дед не сильно рад был его видеть. Я тихонько прошла сквозь дверь и притаилась за ширмой, где стояла каменная ростовая заготовка... Амалии? Грубая, вырубленная из мрамора силуэтом, но всё равно красивая. Моего роста. Моего сложения. И даже черты лица угадывались. И ещё перед нами стояло зеркало. В полумраке стоять с недоделанной болванкой следующей невесты было жутко, словно рядом со своим же похоронным памятником. Я отвернулась и прислушалась к разговору мужчин.

Дед Матей вёл себя в лучших традициях старых преподавателей. Вот профессор сопромата вспомнился. Он как раз любил исходить из того, что студент априори сдать не может, пока не поработает как следует. А князь чем-то напоминал одного талантливого однокурсника, который готовился постольку – постольку, вечно рассчитывал на талант, хорошую память и везение. И оно сбавывало, но не всегда. И парня чуть не отчислили в прошлом семестре.

Незаметно я выглянула из-за ширмы. Князь в рабочем халате, с инструментом в руках выглядел удивительно естественно. Куда правильней и логичней, чем в дорогом камзоле. И лицо у него в момент работы было другое. Тоже серьёзное, но не холодное, а увлечённое. Я бы села с ними рядом, и тоже бы собирала бусы... Блин. Обидно, что притащилась сюда тайком.

Алеш между делом пытался добиться, что же именно учудил дел Матей, и мне это тоже было интересно. Вот только князь пытался решить всё нахрапом, резко. Ну же, нет! Я уже держала за него кулачки, как за однокурсника на экзамене, причём видела, что он лажает. Князь тоже ошибался, но не с ответами, а с вопросами. Он спешил, а не надо было.

Даже более резким и взволнованным голосом мужчина произнёс:

– Дед... так что ты сделал, а?

Матей жутковато и хитро рассмеялся.

– Дело, Алеш, Мастера боится! Особенно если у Мастера есть мозги, стамеска и вечность!

Князь смахнул рукой камни со стола. Они покатались в разные стороны, и один маленький розовый берилл оказался у моих ног.

– Ты можешь объяснить нормально? Почему, – в голосе князя слышалась боль, – почему только я страдаю от этого дара, почему для меня он стал проклятьем, а вы со Штефом живете как ни в чём не бывало? А сейчас ты что-то наколдовал, да и толком объясниться не хочешь? Ты забыл, кто рисковал и давал клятву Матери Гор?

Дедуля тоже встал и спокойно, но не менее грозно произнёс:

– А ты забываешь, мальчишка, кто спину за тебя подставлял и сделал мастером, достойным Дочери Гор. Пшёл прочь

и не приходи, пока не будешь готов разговаривать.

Мужчины зло смотрели друг на друга.

– Сам разберусь, – князь снял рабочий халат, сложил идеально ровно и оставил на стуле. Я едва успела нырнуть обратно за ширму, когда мужчина пронёсся мимо меня.

Спустя пару минут я вышла сама. Старый Матей сидел за столом, закрыв лицо руками и бормоча грустно что-то в духе «Ой, дурак». Я подняла и накинула брошенный князем халат, принялась собирать разбросанные на полу камни.

Потом села на его место и взяла в руки напильник. Никогда в жизни так не работала, но почему бы и нет?

– Дедуля, может, мне покажете, что надо делать? Я камни люблю, но только бусы собирать умею. Ну и гальванику...

Матей вздохнул.

– Это для князя была работа. Тебе, девонька, я полировать дам.

Он притащил мне пару войлочных кругов и коробочку камней.

– Вот, это после шлифовки. Надо начисто сделать. Садись, да только платок на лицо повяжи.

Он протянул мне потрёпанную, но чистую тряпицу.

Какое-то время мы оба молча сидели за столом. Я натирала камни до блеска войлоком, убирая с них пыль и остатки местного средства для шлифовки. А потом дедуля всё-таки начал разговор.

– Так ты, значит, тоже камни любишь?

– Да. У меня родители были геологи... – не сразу придумала понятный синоним, – искали новые месторождения. А я украшения люблю делать.

– Нравишься ты мне.

Войлок в моих руках скользил по камню, заставляя его сиять.

– Вы мне тоже нравитесь. Но всё же, не могли бы вернуть меня в мой мир?

– Могу. Только помоги мне проклятье снять. Поможешь – верну, окажешься в том же моменте, как ушла. Князь, он, видишь ли, сдался. Подумаешь, две с половиной сотенки попыток... Разве ж это повод?

У меня в голове некоторые странности князя резко получили объяснение. Например, его вид, как будто Свадьба достала его больше всех на свете.

– Сколько? – переспросила я, чтоб наверняка, – сколько Свадеб?

– Эта двести сорок вторая. Ну, ритуальная. До этого ещё одна нормальная была... С Амалией. Её он любил безумно.

Я представила состояние человека, который две с половиной сотни раз проходит через свадьбу с копией погибшей любимой женщины и мне поплохело. То, что он вообще адекватный – это уже подвиг.

– Расскажите про Амалию, – Матей замер, а я добавила,

не отпуская войлок и камень, – Пожалуйста.

– Ладно, пока работаешь, девонька Иона, расскажу тебе сказку. Но только пока работаешь!

9. Сказки тысячи камней

Иона

Что-что, а слушать интересные лекции всегда любила. Человека иногда надо лишь немного подтолкнуть, сесть рядом, проявить интерес, и он поделится тем, что по приказу даже не вспомнит. Так и Мастер Матей, вертел в руках то осколок кварца, то кусочек хрусталя, да между делом рассказывал старую историю.

– Знаешь, девонька, я-то давно на прииске работал, уже потом меня подмастерьем забрали. Я не особо талантлив был. Вот есть те, кому как медом помазано – идут себе, да видят сразу как надо. Так не про меня это.

«Зато про князя точно», – подумалось мне, а дедуля меж тем продолжил:

– Так я и работал тяжело, старался как мог. Оброк был большой, князь Мартич, что тогда правил – мерзкий, вместо замка только пещеры эти и были, сам князь жил в Оргене – это посёлок дальше в горах. Сейчас деревня деревней, раньше зато считалось чуть ли не цивилизацией... Нынче-то что замок этот, Раур, что столица Алтея – вот красота. А вотчина Мартичей... так, закоулок.

Тогда то и дело схлёстывалась воля людей и силы разные. Вот работаешь, замечаешь жилу камня годного, относишь образец приказчику, тот и велит добыть. Ты приходишь, а там Мать Гор пошутила, и вся жила – обманка, пустая руда.

А оброк-то уже назначили...

Знаешь, сколько людей гибло от жадности да неразумения?

Мне вспомнились история нашего горного дела. Да и тему с крепостным правом в целом. Мастер же говорил всё это с надрывом, даже перестал работать и посмотрел на свои руки, будто не смог кого-то удержать. Легко представлялось, что он знал многих из пострадавших людей. Для него это не абстрактные факты, а настоящие жизни... были.

– А сейчас как? Князь тоже оброк собирает? – Не удержалась я от вопроса.

– Алеш-то? Пффф, зачем ему? Есть у нас, конечно, и добыча, и обработка камня. И здесь, около Раура, и дальше в горах. Но понимаешь, вот нужен был розовый мрамор на колонны для короля Тэмании. Алеш что сделал? Обошёл горы, да и сказал – здесь вот работайте, но в день проходить и не больше, и не меньше указанного. Тогда и гора не против будет, и камня хватит. Король заплатил огромные деньги, князь посчитал, что надо в казну положил, а остальное рабочим за труд заплатил... так мало где делают с простыми

людьми. Больше-то неволя да плётка. В Катайе так до сих рабов привозят из-за моря.

В памяти всплыл пальчик-посыльный и самоцвет в его руках. Да Алешу можно веточку мяты из подвала вынести на свет божий, её бы купили за баснословные деньги.

Мастер тем временем, как любой старый учитель, съехал с темы и принялся возмущаться тем, как плохо-то раньше жили, и как в соседних странах до сих пор живут. Я не без труда вспомнила, на каком моменте дедулю «унесло».

– Мастер Матей... Вы про князя Мартича не рассказали.

Он тут же посмотрел прямо на меня, и стало немного жутко от цепкого и ясного взгляда.

– А ты умная девочка. Видно, в вашем мире учат старших слушать.

Я не стала разрушать его иллюзии по поводу воспитания в нашем мире и вежливо кивнула. Камень в моих руках мастера устроил, он покрутил его, повертел, посмотрел на свет, цокнул языком, убрал. Кивнул, мол, работай дальше. Хорошо, мою улыбку под платком не было видно.

– Ну так вот, Иона, душенька. Жили мы паршиво. Я уже немолод был, жена умерла, дочка тоже – от чахотки обе. Остался только внук бестолковый. А здесь князь Мартич да приказчик его: возьми, Матей, подмастерье на выучку, возьми! Кого ни пришлют, так то косорукий, то смотрит не на камень, а на себя. Кто вообще работать не хочет. Не оставляя

я юнцов, гнал в шею. А тут уж Мартич осерчал, притащил мне сироту с кухни. Худющий был! Щепка! Говорит, бери Матей, этого. А то пришибу, да и тебя заодно.

Ну я Алеша-то и оставил... А толку его учить было? Плюнь – улетит. Откормил сначала, а потом смотрю – он не дурак совсем. Чует, где цвет и красота камня. Как сохранить и да приукрасить. Понимаешь, девонька? Есть ведь люди такие... Кому немного учиться надо, только подтолкнуть да откормить, и пойдёт дело...

Старик забрал у меня лунный камень в форме капли и с сожалением вздохнул. Наверное, его задевал талант ученика, хотя говорить он этого не собирался.

– Ну вот любил он... понимаешь, притащит ягодку или траву. И давай такую же из камня делать. И один в один выходило. Смородина – хоть ешь! Блестит, листики живые, всё взаправду. А потом-то я увидел... он одну ягодку держит долго-долго в руках, и она каменная становится. Он вертит-вертит, и другие уже по образцу делает. Ландыш, помню, сделал. Тогда его приказчик уже заметил, оброк тоже повесил, но Алеш молодой был, справлялся, ещё и за меня успевал делать. Только вот в гору стал ходить частенько. Говорит, как зовёт его кто. И успевать перестал, и я пару раз за него делал... А я-то, как он, не мог... Потом Штефан мой рассказывает: мол, нашёл Алеш девицу. Красивая, чернявая, глаза зелёные, платье богатое, малахитом шитое.

Я-то не сразу понял кто это, подумал, ну, мало ли, вдруг

к князю кто приехал. Штефан только бегал, вот, Алеш туда пошёл. Да в гору опять. Да с девкой... Как следил будто, хотя в ученичестве у портного уже был.

Были у нас легенды, понимаешь... что если встретить в забое девушку в зелёном, то заиграет-загуляет тебя Дева Горы, украдёт сердце твоё, и пропадёшь, останешься в каменных стенах навеки. Но кто же знал, что не сказка это!

И вот приводит он её в мастерскую и говорит: «Ты, Мастер, мне как отец. Благословишь нас с Амалией?»

Стоит она в своём платье, красotka каких мало, а камни в мастерской поют, словно рады её видеть. Я тогда и понял... Говорю, ладно я. Ты, Алеш, у Матери её благословение спрашивай сначала. Да у князя тоже, несвободный ты человек, подневольный.

Смотрю, посмурнела она сильнее моего парня. Он-то на словах про князя, а она-то знала, знала, что Мать Гор людей не жалует. Да и не зря, не держу обид...

Я попыталась представить счастливого Алеша и уронила лунный камень. Матей поднял его и покосился на меня.

– Дай запястье, девонька. – Он потрогал турмалин, поцоккал языком. – Иди-ка ты к себе, да только хоть на полчаса в ванну перед сном. Завтра придёшь. Амалия далеко да недостаточно. Всё равно сила уходит. Завтра вечером придёшь, расскажу.

– Да вы прям Шахерезада, Мастер.

– Это кто, внучка? – старик забрал у меня халат и принялся ковыряться на стеллажах.

– Есть в моём мире сказка про даму, которая сразу истории не рассказывала.

Матей непонятно фыркнул. А, это вроде смеха. Понятно.

– Умная была. Прямо как ты. Держи, – он протянул мне подвеску с капелькой лунного камня на тончайшей, почти невидимой цепочке, – у князя турмалин есть, а так я узнаю раньше, если вдруг силу терять будешь. Иди отдохай, утро уже. Порадовала старика...

Уже в своей спальне я поняла, что безумно хочу спать. Какие купальни, вы о чём? Только кровать, только одеяло.

Сквозь окна тихонько уходила тьма, уступая место утреннему сумраку. Мне снился молодой князь в рабочей одежде стоявший рядом с Амалией.

В полудрёме, не нарушая моих видений, раздался знакомый голос.

– Княжна Иона спит ещё, князь...

– Иона, значит? Так ты её зовут, Симона?

Девочка замялась, но ответила:

– Княжна велела звать её так. Но она спит ещё...

– Хорошо. Передай ей, что я срочно уехал в столицу на неделю. Говорить, что я заходил не надо.

И тем не менее я услышала шаги по ковру, дыхание и немного смущённый голос князя:

– Спи... Иона.

Я проснулась от солнечного света, но в спальне не было никого.

Алеи

Матей часто ругал меня за попытки сделать иначе. Потом, правда, понимал, что я вижу камень лучше, и молчаливо соглашался. Сам-то он тратил уйму времени на то, чтобы сделать изделие, а потом забраковать и сделать новое.

Если было время и камень, Матей мог переделывать сколько угодно раз. Бесконечное число раз...

Я коснулся зеркала рукой.

– Мы слишком быстро сдались, да? Амалия...

Любимая молчала. Колокольчиками вокруг звенели ландыши из лунного камня, невидимый ветер шевелил листья мяты. Да всё казалось чуть более живым, чем обычно.

Стекло было чистым, лишь по краям остались следы пыли. Кто-то спускался сюда недавно. Матей? Штефан? Я обернулся – но я своими шагами и плащом затёр возможность понять, кто здесь был.

Настолько меня вывели из себя слов старого учителя, что я даже не смотрел по сторонам, не задумывался о том, куда я иду и зачем, и как оказался здесь, в своей старой мастерской.

Амалия... я встретил её в штольне.

Сначала подумал, что мне привиделось. Смотрю, стоит девушка, ни дать ни взять княжна из легенд. Сердце заще-

мило от её красоты и хрупкости, столь неуместной в грубых горных недрах.

– Ты заблудилась? – я спросил то, что пришло в голову первым. Потому что сам я к тому моменту заблудился совершенно точно. Она улыбнулась, и смех звонкими колокольчиками разлетелся по коридорам.

– Я-то нет! Хочешь, тебя выведу?

– А ты дорогу знаешь?

Она снова засмеялась. В зелёных глазах хотелось потеряться, в её голосе хотелось греться, как у камина зимой. Девушка увела за собой, и будто мы шли сквозь гору. Махом вышли наружу через неизвестный мне ранее проход. Мы стояли на склоне горы, с серого неба падал снег, далеко внизу виднелся основной вход в прииск.

Я не мог оторвать взгляд от своей спасительницы. Как она поправила выбившуюся из косы чёрную прядь, как легко и невесомо улыбалась, и как румянец вспыхнул на её щеках.

И только затейливо расшитое камнями платье девушки напомнило мне о том, что я простой работяга в рубахе и тулупе. Стало неловко. Её же ничего не смущало.

– Как тебя зовут, мастеровой?

– Алеш... Олдрич, – я назвал фамилию мастера, своей у меня не было, не заслужил ещё. – А ты?

– Амалия... Дочь Гор. Ты найдёшь меня снова, Алеш Олдрич? Обещаешь?

Она развернулась, чтобы уйти, но я ухватил её за руку.

– Постой! – понятия не имел, что сказать, лишь не хотел, чтоб она уходила так просто. – Почему ты вывела меня?

Ведь и вправду – сколько горняков теряется, сколько гибнет под завалами. Но вывела она только меня.

– Я наблюдала за тобой, – легко произнесла девушка и перекинула косу на другое плечо. – Нравится смотреть, как ты работаешь, как говоришь с камнем, как видишь красоту гор... Ты стоишь за других рабочих, хотя намного талантливей их всех. Тебя бы могло и не быть тут вовсе, если б не твоё желание помочь им с оброком. Но... мне пора. Принесёшь мне в следующий раз ландыш, ладно?

Был ноябрь, и мне даже в голову не пришла мысль, что, вообще-то, скоро зима и миру не до цветов. Всё разумное и верное терялось в обещании и ожидании новой встречи с Дочерью Гор. Ещё не дойдя до прииска, я решил, что принесу ландыш. Раньше, чем открыл дверь мастерской, уже точно знал, как именно сделаю цветок.

– Ты где ходил, недоучек, – Матей привычно ворчал за опоздание.

– С девкой он был! – завистливо бросил Штеф. Я поморщился. Они хоть и выросли вместе, но дружбы особой никогда не было. А чем старше мы становились, тем больше Штефан бесился оттого, что, мне, как ему казалось, доставалось всё слишком легко и просто. Я в долгу не оставался и прочил

ему ходить бобылём вечно.

– А ты что днём здесь забыл? – старая, штопанная-перештопанная тужурка аккуратно легла на полку. Сапоги я поставил у печи.

– Приказчик послал, для княжьего платья надо капельки из лунного камня, пять раз по сто. Да побыстрее!

Мастер Матей заворчал было на внука, мол, не наше дело бусики точить, их кто угодно сделает. Но дело было в том, и мы трое это знали, что дедуля в последнее время всё быстрее и быстрее уставал, глаза у него начинали болеть быстрее. Штефан расправил сутулые плечи и высокомерно посмотрел на деда:

– Нечего мной командовать! Приказчик, сказал, вы должны делать!

– Мы сделаем, – ответил я, – пойдём выйдем, Штефан.

– Алеш, останься!

Я сжал кулаки, но послушался Матея. Штеф махом сбежал, не дурак, понял, зачем я с ним выйти хотел. Ничего пропесочу его чуть позже.

В свете старой лампы я шлифовал бусины, а Матей разбираал камень, который нам привезли.

– Хочешь что-то своё сделать? – старик смотрел на то, как я порой чересчур щедро определял кусочки камня в отход. – Не беспокойся, скажем, что мои старые руки немного грубо все раскроили. Делай, мальчик. Не бойся. Но помни: лишь

смелости для счастья мало...

– Как-то много вы камня потратили, – хмуро произнёс Штеф, когда забирал капельки.

– Так я же кроил, с запасом, внучек. Да и не тебе судить, ежели приказчику не понравится – пусть придёт, объясним.

Внучек поджал губы. Приказчик, хоть и отвратный жадный мужик, за годы привык, что Матей всё делает на совесть, и в мастере не сомневался.

Едва Штеф вышел, как мастер повернулся ко мне.

– Ну, показывай...

Выточить цветы было просто, сложно было собрать их на стебель. Дольше всего искал достойный срез на лист. В отличие от маленьких цветочков, сюда отходы не подходили. Наконец, я нашёл подходящий по цвету осколок змеевика. Не малахит и не нефрит, конечно. До полуночи шлифовал, чтобы было похоже на живой лист.

Мастер довольно поцокал языком.

– Приказчику да князю пока не показывай. А то век воли не увидишь.

– Не стану. Никто, кроме вас не увидит.

В гору я пошёл пару дней спустя, поздно вечером, когда уже все ушли. Под ногами хрустел недавно выпавший снег,

на плечах был потёртый, но куда более приличный кафтан Мастера. Под ним я бережно нёс ландыш. Хорошо, что снег и луна освещали дорогу, и если идти медленно и осторожно, то можно обойтись без фонаря. Вот и останец выше прииска. Я достал ландыш. В ночном свете молочный лунный камень казался почти настоящим цветком. Хотя... проклятье, один цветочек, отломился, должно быть, по дороге. Но по снегу и ночью я его не найду.

– Амалия... Амалия!

За спиной раздался знакомый смешок. Тонкие пальцы закрыли мои глаза, около уха раздался шёпот, который просил угадать... ещё раз позвать её по имени.

– Амалия... – повторил я в третий раз и повернулся.

Холодный ветер трепал её чёрные волосы, ландыш в её руках звенел колокольчиками музыки ветра.

– Спасибо...

Я взял цветок из рук девушки и поставил его в снег.

– Весной здесь будет целая поляна таких, – засмеялась она. Но мне было не до весны. Я обнял её, прижал к себе.

– Что, проверяешь, живая ли я? – Дочь Гор обожгла дыханием мне шею. – Не сказка, не призрак, не стихия... почти человек. Поцелуй меня, мастер Алеш Олдрич. Хочу чувствовать твоё дыхание.

Меня не надо было просить ещё раз. Губы девушки были мягкими и нежными, мы отдавали друг другу дыхание, воздух, чувства... и получали взамен ещё больше. Словно наши

души говорили друг с другом, зажигаясь огнём от тепла друг друга.

– Знаешь, как это называется? – произнесла она, отстранившись на мгновение, – это судьба, Алеш...

Мы говорили в свете луны, и от нашего дыхания шёл пар. Амалия прижалась ко мне спиной, так что я мог частично согреть её кафтаном. Мечты, прошлое, будущее... Слова заставили нас забыть о холоде и о времени, а главное, забыть о воткнутом в снег белом ландыше, и том, что кто-то мог его потом найти.

– Уже утро, Алеш... Тебе надо идти, – произнесла Амалия, – возвращайся ко мне снова.

– Уже утро, князь. Вам надо ехать в столицу, – произнёс Войт в реальности.

– Я вернусь, – обещание прозвучало куда менее живо, чем перезвон каменных цветов и взгляд каменной девушки. Но я говорил это не им, я говорил это себе. Вернусь и разберусь, что происходит.

Всю дорогу наверх мой кравчий ворчал о том, что негоже так пропадать, и посреди ночи ходить в эти ваши колдовские мастерские... Его бормотание возвращало меня в нынешнее время, и я решился. Толкнул дверь в спальню княжны.

Девушка в постели мирно сопела. В каштановых волосах

плясали солнечные зайчики, полуоткрытые губы имели совсем другой контур, да и лицо... Это как надо было перестать смотреть на свою, пусть и ритуальную, невесту, что не заметить разницы.

– Княжна Иона ещё спит, князь.

– Иона, да? – Симона зажала рот рукой. Очевидно, проговорила.

Сколько раз уже девушка повторила мне, что она – не Амалия? Упорства ей не занимать.

– Спи, Иона. Мы познакомимся позже.

10. Когда смелости мало

Иона

В сознании рефреном звучал голос князя, дополняя приятное послевкусие сна.

– Симона, князь был?

Девочка опустила глаза и замотала головой.

– Скажешь правду, пойдём опять в оранжерею.

Наблюдать, как желание побаловать себя и подчинение старшим бунтуют, отражаясь на лице горничной, было забавно. Она пыталась одновременно и улыбнуться, думая о прогулке, и хмуриться, думая о том, что нарушит указ. Дилемму решила вошедшая Даяна.

– Князь велел не говорить, что приходил, но не велел молчать о приказе скрывать свой визит. Мы ничего не наруши-

ли, Сим. Возьмёте нас снова в оранжерею, княжна Иона?
Я рассмеялась.

Купальня, поздний завтрак. Надо обдумать всё, что я знаю. Подумать только, прошло всего три дня! В голове не укладывается!

Ночью я определённо пойду к Матею, значит, днём после обеда надо подремать пару часов. Ещё выгулять девочек, и узнать, что ещё есть в замке. Наверняка библиотека тоже должна быть.

Сёстры порхали по оранжерее как бабочки, то к одним цветам, то к другим. В незамеченном мной вчера застеклённом балконе обнаружилась пара плетёных кресел и жаровня. Здесь, должно быть, здорово сидеть и смотреть на дикую красоту гор. Опять начал сыпать снег. На остеклении снежинки не задерживались совершенно, оставляя возможность наблюдать ползущие по небу серые облака.

Девочки спорили, откуда был привезена нежно-лиловая роза: из Тэмании или из Катайи.

– Симона, – прервала я их, – а какие планы у княжны должны быть дальше?

– Ближайшие два дня никаких, княжна Иона. После должна приехать Теодора Тейтана, но она скорее вместе с князем вернётся. Там снежные дороги накатают, вы с князем поедете по горным посёлкам. Орген, Шанара, Стеффен...

– Орген – это где раньше Мартичи жили?

Девочки переглянулись и пожали плечами.

– Наверное. Не помню такую фамилию среди влиятельных семей. А ты, Сим?

– Это, наверное, что-то местное. Вы где услышали, княжна? Кто-то из слуг сказал?

Я махнула рукой, мол, неважно.

После обеда я подремала, попросила Симону найти мне максимально удобное платье, а лучше брюки и рубашку, на что у девочек чуть истерика не началась. Но зато я сама зашла и устроила ревизию гардероба Амалии. Ну, вернее, моего гардероба на ближайшее время.

Некоторое количество богато расшитых платьев, ночные рубашки, простые платья, накидки, пояса, платки... Бархат, шёлк, лён, мех... Я перебирала пальцами ткани, пока не упёрлась в то, что светлые ткани кончились и начались тёмно-зелёные.

– Это часть князя, пойдёмте, – сказала Даяна.

– Да-да, конечно. Спасибо, девочки.

Я отослала сестёр, и после ужина вломилась в гардероб уже сама, и пошла на половину Алеша. Здесь нашлась и вполне приятная мягкая рубашка, и то, что должно было быть бриджами, но для меня оказалось вполне неплохими домашними брюками. Особенно если подпоясаться. Чтоб не пугать слуг, прихватила огромный, расшитый розовыми

цветами платок из тонкой шерсти. В него можно было завернуться почти полностью, и непонятно было, что под ним: платье и брюки.

Из украшений оставила только лунный камень. Ну и волосы заплела в косу. Вот, типичная студентка.

– Добрый вечер, Мастер Матей, – я постучалась в мастерскую. Дедуля, не оборачиваясь и не отрываясь от работы, крикнул мне входить.

Я зашла, скинула платок и взяла с вешалки фартук. Халат был огромный. Так намного удобнее.

– Что делать сегодня будем, мастер? – я села рядом, он поднял на меня взгляд и замер.

– Найду тебе работу, Але... Иона. Девонька, ты чего в рубашке?

– Так удобнее ведь, – я пожала плечами.

А Матей принялся вытирать слёзы.

– Прости, так его мальчишкой напонила... Рубашка эта, волосы убрала... говоришь как положено. Да и фартук тоже его... Я смотрю, и будто не было ничего... Никакого проклятья. Никакой свадьбы...

Он ведь, Алеш, привёл Амалию свою, и пошли они к Мартичу. Волю Алешу просить, мол что угодно из камня сделает, только отпусти. А князь смотрит на девушку, и понимаем все мы, что угробить Алеша хочет. А потом достает ландыш,

который ученик мой делал и говорит:

– Проси или не проси, но вот на что ты камень мой тра-
тил? Налево работал? За такое каторга положена, а не сва-
дьба!

Откуда он цветок тот взял, где нашёл? Не знаю... Но го-
ворил я им, не идти князю вместе, говорил не спешить. А он
мне, Алеш: я же смелый!

Ну вот князь ему про каторгу говорит, да еще и угрожает:
будешь спорить, девку тоже накажем. Тут Амалия не выдер-
жала, вышла вперёд, уронила камень об пол и говорит:

– Матери моей на вас нет, люди. Пусть она судит. Пусть
своё Благословение даст моя Мать, Мать Гор!

И задрожал потолок, и пол задрожал.

Амалия-то думала, что Мать гневаться будет... Тоже ре-
шила смелостью взять. Видно, не ждала, что голос великой
скажет:

– Благословляю.

Алеш

Едва я прибыл в столицу, как Войт сообщил, что среди
прочих, аудиенции просит Лейса. Но, кроме дел, мне надо
было осмыслить прошедшие три дня, и то, что раньше успо-
каивало и давало тепло, сейчас только отвлекало.

– Не сегодня, Войт.

Кравчий пожал плечами.

– Хорошо. Но леди весьма настойчива. Если вы её оста-
вили, то след объясниться, сами знаете.

Надо было разобраться с бумагами, послушать казначеев, обдумать планы. Я смотрел на стопку писем на столе. Кравчий тем временем не отходил, давая понять, что дожждётся ответа.

– Она что, заплатила тебе?

Мужчина поморщился и поджал губы.

– Я не корыстный, сами знаете. Ведьма она. Ответьте, пожалуйста.

А, точно. Суеверия и страх перед магией из слуги за годы так и не вышли. Он вроде и к женщине неплохо относился, но осторожность никуда не пропала. Лейса ещё и пошутила наверняка что-то в духе: «не принесёшь весть от князя, упадёшь с лестницы». Я говорил кравчему много раз, что она не умеет проклинать, она может просто видеть будущее, что ты упадёшь с лестницы, к примеру. И этим знанием манипулировать.

– Скажи ей, что я приму её через три дня.

– Я передам леди Мартич, – степенно кивнул слуга, скрывая облегчение.

Письма я разобрал, Войт ушёл, а я остался смотреть через окно на город, который мы с Матеем возвели практически на пустом месте.

Мартич, Мартич... Никогда не задумывался о том, что Лейса носит эту фамилию. За две с половиной сотни лет

многие воспоминания были похоронены мною собственноручно. В последние годы я катался в Орген без задней мысли, что там когда-то стояла совсем другая усадьба, тем более, от того дома и следа не осталось.

Наверное, дело было в том, что крики, ругань с князем для меня мало значили по сравнению со случившимся после.

Мы встречались с Амалией много раз. Я делал ей браслет из ягод смородины, собирал очелье из бирюзовых васильков. Берег любые отходы, чтоб собрать маленькое чудо.

Зимой она заводила меня в ход за останцем, и мы сидели в тепле и разговаривали. Помню, Амалия предложила мне попробовать поколдовать. Сказала, что на самом деле у многих людей есть способности, просто мы даже не пытаемся ими пользоваться. Принесла мне из лесу красную, высохшую на морозе ягоду шиповника.

Я повертел её в пальцах, и вдруг легко представилось, что она вырезана из сердолика, представились прожилки впадинки... Вдруг я ощутил в пальцах холод и тяжесть – там лежала уже каменная поделка, брошь, которую Амалия тут же взяла и с улыбкой прикрепила к платью.

– Спасибо! – Слова благодарности вырвались сами, даже в мыслях не было, что так могу колдовать.

– Не за что, Алеш. Это же твой дар. У меня вот нет ничего особенного, – грустно произнесла девушка.

– Ты прекрасна, Амалия, – я тогда не понимал ничего,

захваченный чувствами.

– Моя Мать, Мать Гор, давно устала нести груз силы... Давным-давно она встретила человека вроде тебя, полюбила... и появилась я. Мать думала, что я унаследую силу Гор, сниму тяжесть с её плеч. Но у меня нет ничего. Нет силы защитить горы от людей. Нет силы влиять на мир.

Мне вспомнилось, как она выводила меня из завала при первой встрече, но Амалия лишь пожала плечами.

– Это горы меня защищают, а не я их. Вот ты ягоду в камень превратил, и твой дар будет расти и шириться. А я как была просто красивой сказкой, так и останусь.

– Но... я хочу быть с тобой!

Она сжала мою руку.

– Мы расстанемся. Однажды.

– Но не сегодня, Амалия.

– Не сегодня.

Едва растаял снег, как я принёс ей каменную мяту. И ещё ландыш. И браслет из незабудок. Чем дальше, тем меньше мне надо было камня. Не надо было украдкой сохранять отходы, не надо было беспокоиться о времени, которое тратилось на обработку изделий. Мне хватало и оброка, хотя временами я забывал обо всём. И только мастер Матей ворчал поутру, мол, Алеш, что ж ты творишь... Не всегда я тебя прикрою... Ты думай, думай заранее... смелости мало.

А мне тогда казалось, что смелостью можно горы свернуть. Едва зацвёл дикий миндаль, как я сорвал ветку и без усталости пытался колдовать. Выходило не то. Я полночи просидел, наконец из последнего цветка с ветки вышло кольцо. Белое золото с цветком из розового турмалина. Неважно, что говорила мне Дочь Гор, я хотел быть вместе с ней.

Она стояла ко мне спиной среди розовых и белых облаков цветущего багульника. Даже яркой весной зелень её платья казалась настоящей, чем дикие травы.

– Амалия... – тихо окликнул я. Голос против воли вышел сиплым, нервным. Девушка обернулась. Узнавание, радость, грусть – всё смешалось в её глазах.

– Выходи за меня? Я горы сверну, лишь бы ты улыбалась.

Изящное кольцо смотрелось неуместно в моих грубых руках, но было всё равно. Имел значение лишь ответ любимой девушки. Ветер трепал выбившиеся из косы пряди её чёрных волос, небо то скрывало солнце облаками, то пускало золотистые лучи чертить пятна на поляне.

– Я буду с тобой, Алеш... Столько, сколько захочешь. Только я боюсь матери.

– Давай сначала спросим благословение у Мастера Матея? Он мне как отец.

Учитель не был против, хоть смурнел и хмурился, слушая нашу историю. Скрипнула дверь, то зачем-то зашёл Штефан.

Зашёл, да и выскочил тут же.

– После зайди, внучек, – крикнул ему Матей. А мне ска- зал:

– Ты, Алеш, сходи к князю и скажи: так мол и так, хочу вольную. Сделаю тебе чудо, цветок каменный. Только сначала вольную требуй! Не говори ни про дар свой, ни про невесту! Ни тем более уж как ты ей цветочки делал! Не спеши, бери на работу срок не маленький, говори, что трудно это, но ради воли сотворишь дивное, что славу и богатства князю принесёт.

Тогда меня мало что заботило. И Мартича... не помню имени даже, я не боялся. Здесь как раз приказчик явился со словами, что зовёт меня князь. Я и пошёл вместе с Амалией, мол, как честные люди. Матей ругался, возмущался, но следом отправился.

Как вышло, что мой первый ландыш оказался у князя? Кто нашёл его? Кто отнёс? Зачем? Матей начал было выгораживать меня, я попытался сказать о своём даре, дабы не подставить старика под наказание. Но всё решила Амалия. Она крепко сжала мою руку и прошептала: «Прости...»

И явилась Мать Гор. В голосе владычицы был грохот камней на порогах реки, в её тоне была сила снести всё, как сносит поток воды по весне или лавина снега зимой. В её чёрных волосах проглядывала седина, в глазах был холод веч-

ных ледников.

– Благословляю вас на союз. Но только если ты, Алеш Олдрич, примешь мою силу, силу Гор, и будешь вечно с моей дочерью.

– Я согласен.

Князь что-то прокричал сзади, схватить что ли приказывал. Мать Гор усмехнулась, и от усмешки её рассыпался в прах княжий камин. Из слюдяные окна стали пылью, впус- тив тёплый ветер с запахом грозы. Двери пропали, будто их и не было.

– Пойдём, Алеш Олдрич. Теперь ты будешь Князем Гор. Где ты хочешь править?

Наше с Амалией место, то, что осталось у меня в сердце – я представил сразу. Пещера за останцем над рудником. Женщина выслушала нас и кивнула.

– Хорошо. Кто поведёт тебя к клятве, Алеш Олдрич? Кто будет свидетельствовать об этом союзе от людей? Я дам ему волю и дар вечности.

– Мой учитель, Мастер Матей Олдрич.

Мы держались за руки с Амалией. И я был счастлив. Старик нахмурился.

– Никуда без внука не пойду!

Мать Гор пожала плечами. Ей это было неважно.

– Прости Алеш, но я Штефа бросить в неволе не могу.

Не сказать чтоб я хотел видеть внука на своей свадьбе,

но и мастера понимал.

Мать Гор вывела нас прочь из усадьбы и повела к горам, на ровной поляне поодаль от прииска она остановилась.

Вокруг цвёл багульник и миндаль, начинала раскрывать белые цветы яблоня.

– Дайте свои руки, Алеш, и ты, дочка. Поклянись, Алеш Олдрич, что ты будешь любить мою дочь, оберегать, и не разорвёшь с ней союз никогда. Если же союз ваш распадётся, то горы накажут тебя. Вы будете счастливы вечно, если останетесь вместе.

– Клянусь... – на наших запястьях зажглись нежным светом розовые камни, а на поляне воздвиглась каменная арка из белого мрамора и зелёного малахита. Сверху же расцвёл огромный каменный цветок.

– Вечно свидетельствуют Горы, – произнесла она и повернулась к Мастеру.

– Вечно свидетельствуют люди, – после подсказки произнёс Матей.

– Вы будете счастливы вечно... – произнесла Мать Гор. – И пока здесь цветёт камень, пока горит турмалин на запястье, всё будет хорошо.

Тогда меня волновало только одно – утащить Амалию в нашу пещеру и просто хотя бы обнять. Мы, смеясь, бежали по склону к останцу, да только на месте нашей пещеры была другая – огромный зал с каменными купелями. Пар от тёп-

лой воды дурманил не меньше, чем страсть.

– Это мамин подарок, – Амалия коснулась моих губ пальцами. – Я люблю тебя, Алеш. Люблю...

За ночь прииск изменился. Появилась большая зала с камином, от купален открылась дверь в спальню...

– Обставьте уж сами, – встретила нас днём Мать Гор. – Я скоро уйду, но моя сила останется с тобой, Алеш Олдрич, пока ты с моей дочерью. Камни живут вечно, пусть также живёт ваша любовь. Я долгие годы держала её, старалась быть справедливой... только ради того, чтоб защитить Амалию. Теперь эта сила твоя.

Мы держались за руки с моей уже женой, и улыбались совершенно глупыми счастливыми улыбками. Мы не отпускали друг друга, и мысль о том, что теперь мы не расстанемся, нас тогда радовала.

– Мам... у Алеша ведь и свой дар есть, – с улыбкой произнесла Амалия и показала шиповник, который носила до сих пор.

Женщина вздрогнула.

– Ты должна была сказать мне, дочь, что у него свой дар камня!

– Это же мелочь, я так, цветы зачаровываю, – мне тогда казалось это незначительным. Мать Гор покачала головой.

– В мире не бывает мелочей, Алеш Олдрич. От маленько-

го камешка начинается лавина...

... лавина началась, только позже. И сдержать её было не дано никому.

Мы успели построить замок, заложить основу города ниже по течению реки. Начали налаживать торговлю... Я дал свободу всем, кто работал на прииске, взамен положив деньги за труд. Меня звали князем, Амалию княжной. Мартич бросил Орген, хотя я его и не прогонял. Просто люди от него ушли ко мне... все, даже служивые.

Мать Гор угасала, и чем больше её сила переходила ко мне, тем мощнее проявлялся мой родной дар. И однажды камень на руке Амалии начал светлеть. Она словно замирала, временами не могла проснуться. Мать Гор пыталась повернуть всё вспять, но было поздно. Владычица сама создала нерушимую вечную клятву, повязав меня, дочь и горы в вечный союз. Она сотворила чёрную купель, которая тянула мой дар в воду, и стало легче, но ненадолго. Семь лет прошло. В тот день, когда Мать Гор растворилась в облаках, и я почувствовал полную власть над землями края... мы спустились с Амалией вниз, ей нравилось бывать в моей мастерской, сидеть там рядом и молча наблюдать как я работаю. Тогда, помню, обернулся... а она стоит рядом, смотрит на меня и улыбается. Но не дышит. Камнем стали её губы, кам-

нем стали её волосы. Сила и магия шла от меня к ней через камень на запястье, обращая в камень ту, что всегда была в моих мыслях.

Образ которой остался в душе навеки, сделав сердце каменным.

– Так что ты сделал, старик? – я коснулся розового камня на запястье. Почему горы не гnevаются, если со мной не Амалия?

11. Огонь, вода и камень

Иона

Две ночи я провела у деда Матея, и он не давал мне скучать. И быстро пришло понимание, почему первый вечер князь так разозлился – дедуля временами превращался в жуткого зануду и совершенно не стремился беречь чьё-либо самолюбие. Он быстро выяснил, что мне нравится работать с бусами, спросил, что я хочу и притащил мне коробку с лунным камнем разных форм и размеров.

За серьёзной работой мастер начинал молчать, а потому рассказ тянулся куда дольше, чем я думала. После подземелий я чувствовала себя вымотанной и долго «отмокала» лечебной купальне. Днём спала почти до обеда, гуляла с девочками, и даже один раз вышла пройтись по заснеженному

двору замка.

На третий вечер, я, как обычно, одолжила рубашку и бриджи князя. Волосы я затянула в плотный узел – так куда удобней, чем коса. Спустилась по лестнице и, не доходя до Матея пару пролётов, услышала гнусавый голос сзади:

– Куда прёшь, мальчишка?

Я ускорила шаг, и чуть не упала на очередной ступеньке. К чёрту! Не хочу останавливаться! Князя здесь нет, в каменных переходах мастер Матей меня не услышит. Это сейчас Штефан думает, что от него убегает нерадивый слуга. И то только потому, что не заметил моего лица, а девушку в брюках отродясь не видел. Если бы узнал... страшно.

– Стой! Зараза! Если ты украл меня жемчуг, прокляну! – летело мне вслед.

Но я уже заскочила в мастерскую и пыталась отдышаться. За дверью послышались шаги, я испуганно посмотрела на Матея и скользнула за ширму с недоделанной Амалией.

– Дед! Куда мальчишка делся!

Матей пожал плечами.

– Какой мальчишка? Штефа, ты опять пил?

Портной выругался и вышел. Дед закрыл за ним дверь, покачал головой и произнёс:

– Прости, девонька. Не могу внука бросить. Родная кровь, как никак. Да и раз за него вписался, так теперь на вечность

с ним связаны.

– Так он тоже бессмертный?

Дедуля нахмурился.

– Мне больше нравится «долго живущий», Иона. Мать Гор когда-то истаяла, растворилась. Значит, и мы не бессмертны. Просто у нас много времени. Мне так нравится думать. А Штефан – хороший портной. Глаз у него зоркий, все детали подмечает, метки снимать не надо.

Во мне закрались некоторые сомнения после истории Матей. Например, откуда у Мартича оказался ландыш Алеша и Амалии. Это, называется, «кто-то сдал». Кто-то завидовал с самого начала. Вспомнилась спальня и «Амалия не против» из уст портного. Стало жутко вдвойне. Кажется, они все трое кукухой поехали за два с половиной века, просто каждый по-разному. Хотя князя ещё можно понять.

За два вечера Матей рассказал мне сказочную историю князя и его невесты. Если бы здесь были братья Гримм, они были бы в восторге. После всего навещать каменную Амалию хотелось ещё меньше, хотя я ловила себя на мысли, что всё-таки думаю о спуске подземную мастерскую... что-бы что? На этот вопрос я не могла себе ответить.

– Мастер Матей, почему я здесь оказалась?

– Ну... когда Амалия превратилась в камень, Алеш пробовал всякое. И свою магию отозвать, и силой Гор всё вспять

обратить. Но это как поток: водопад не может вобрать в себя воду, откатить обратно и спрятать обратно в родники. Река может пересохнуть, но нижнее течение наверх не вобрать. Так и Алеш, он может отдать всё свою силу в чёрной купальне, но то, что уже выплеснул, забрать не может.

Так-то он контролирует себя, но Амалия, видишь ли, была связана с ним через турмалин... Он должен был её защищать. Ну а когда она окаменела, видишь как – горы сами взбунтовались. Получается, князь нарушил обещание... так пространство посчитало.

Князь пытался всё исправить, но ничего не мог сделать. Мы всяко пробовали оживлять обратно магию Алеша, но даже листик мяты не выходило вспять обернуть. Я тогда много чего изучал, закопался в древние обряды, и предложил глупость, мол, если эту оживить не выходит, давай другую сделаем. Собрал из камня невесту, назвал Амалией, призвал горы и ветер помочь, дать ей жизнь. Алеш сначала артачился, потом согласился. Сыграли свадьбу, и всё успокоилось. Никаких больше обвалов, землетрясений. Горы такую замену признали, люди же вообще не понимали и просто были рады, что снова наступил мир.

Да все, кроме Алеша, были рады. Он сказал, что кроме свадьбы и всяких церемоний, ни к одной подделке и близко

не подойдёт. Сказал, что если я ему предложу ещё и первую ночь провести, то он меня пришибёт. Потому что это нарушение памяти той, его Амалии... Так я и не предлагал. Я думал, это всё временно, что я быстро придумаю способ всё наладить. А не творить этот ежегодный театр. Ну, явно не два с половиной столетия. Думал, за пару десятков попыток управлюсь, найду как всё сделать.

– Но не нашли.

Он торжествующе усмехнулся, и указующе ткнул напильником в мою сторону.

– Нашёл! Всё просто! Тебе надо с князем разойтись!

Я аж дар речи потеряла.

– Что, простите?

– Понимаешь, я изучал многое... древние языки, разные манускрипты, все сказки, что были до нас. Если князь вредит Амалии или разрывает союз, то сила, которую он получил от Матери Гор, карает его. А вот если Амалия решит получить свободу, то она вольна уйти. Я, когда додумался до этого... постой... век, наверное, назад. По-разному пробовал. Да только души ветра, у них воли нет. Они не запоминают, что им надо, не понимают ничего. Да и Алеш их не слушает. Ты – другое дело.

– Штефан считает, что вы облажались и я неправильная, меня надо сломать.

– Ну... так оно и надо, девонька. Я никому не говорил. Вдруг и в этот раз не получилось бы живую душу призвать?

Вот как получилось бы, так и сказал. К тому же не Штефана это дела, а Амалии и Алеша. Просто всё, Иона – у тебя свободная воля, и горы считают тебя за Амалию. Надо, чтоб ты с князем поговорила. Не я, не кто-то другой – ты. Потому что...

—... потому что горы считают меня за свою. Я поняла. Поговорила, и дальше? Как, кстати, здесь у вас разводятся?

У меня появилось странное предчувствие.

– Всё просто, вам надо явиться к зелёным камням в основании реки, вы там были, и разорвать ваши клятвы. Турмалин рассыпется, ты станешь свободной, князь станет свободным. Я верну тебя домой. Но учти, Алеш – упёртый...

Валяясь у себя на кровати в ночной темноте, я не могла уснуть. Специально не стала снимать княжью рубашку. Так было уютнее. Почему-то от сказанного Матеем стало обидно. Меня призвали в такую сказку, сыграли такую свадьбу просто чтобы я развелась?

Я встала и пошла в купальни. Ходила между источников, смотрела на мелкие волны от родников. Села на краю одного из бассейнов и свесила ноги в тёплую воду. Кажется, это была та купальня, с жёлто-красными камнями. Интересно, что сейчас делает князь... От воды поднимался жар, кожа вдруг стала невероятно чувствительной. И мне безумно захотелось, чтобы Алеш меня коснулся...

Алеи

За напряжённой работой я и забыл об обещанной встрече.

Пока разбирал бумаги, то и дело касался турмалина на запястье. Он светил нежно-розовым, и больше не светлел. В тот раз я дико испугался – вспомнилось не «дежурное» увядание очередной княжны, а то, как моя Амалия впервые потеряла сознание. Из головы не шла таинственная Иона, которую горы и магия признали за мою невесту, а я настолько привык не вглядываться, что тоже признал её за Амалию. И злился сейчас сам на себя: как можно было не признать?

Матей так толком ничего и не объяснил. Зная старика, он явно хочет, чтобы я разбирался сам. И я вернусь в замок и разберусь!

Надо бы отдохнуть сегодня и постараться завтра сделать как можно больше, и быстрее освободиться, чтоб вернуться в замок пораньше. С такими мыслями я толкнул дверь в зал. Стол был накрыт на двоих.

– Войт? – я окликнул слугу, но кравчего за спиной уже не было. Но сзади раздался знакомый голос.

– Ты совсем забыл про меня, Олдрич?

Лейса наслаждалась моим замешательством. На ней было роскошное платье густого винного цвета, с глубоким декольте. Я по привычке первым делом обратил внимание на оже-

релье – попытка выдать за роскошь простую позолоту меня позабавила. Ну, хоть гранат в грубоватых кабощонах был настоящим.

Сейчас мне не хотелось ни её уюта, ни её тепла. Тем не менее объясниться не помешает.

Она прошла и села на заботливо подставленный стул. Терпеливо дождалась, пока я налью ей вино. Чем мне Лейса нравилась, так это спокойствием и здравым смыслом. Женщина не закатывала истерик, понимала разницу в важности между утехами и делами, и не требовала привилегий.

– Ты в прошлый раз так спешно унёсся, Олдрич, и ничего не объяснил после. Негоже так поступать... Тем более, с друзьями.

Низкий ласковый голос обволакивал, зачаровывал.

– Ну же, князь, расскажи мне... Или, – она облизнула губы, – не рассказывай.

Раньше, наверное, я бы не стал рассказывать ничего.

– Мне надо было срочно вернуться к княжне, – сейчас необходимо обозначить Лейсе, что я расслабляться с ней не собираюсь. Мартич встала, обошла меня сзади и прижалась со спины.

– Но сейчас-то не надо, князь... Сейчас тебе не надо никуда ехать...

Она провела пальцем по раскрытой ладони, и дальше по запястью, коснулась розового камня. Я отдернул руку.

– Не было никаких обещаний, Лейса. Или ты на что-то

рассчитывала? И убери руку от камня.

Я сдерживался. Хотелось схватить её тонкую кисть и грубо убрать прочь. Если продолжит, так и сделаю. Но Мартичхватила ума остановиться.

– Ну что же, Олдрич, я уйду. Ты знаешь где моя усадьба. Когда твоя княжна умрёт и бросит тебя, ты знаешь к кому идти. И ты знаешь, Алеш, что я вижу будущее... Прости, не хотела говорить.

Она поднесла руки ко рту, будто испугавшись своих слов. Только в этом жесте театральности было больше, чем сожаления.

– Я это знаю без вас. Визит закончен, леди Мартич, вы можете идти, – в пику её фамильярному «Алеш», выйти я просил по фамилии и титулу. Лейса никогда раньше не звала меня по имени, только «князь» или «Олдрич».

Только сейчас пришло понимание, что своё имя от Лейсы и не хотелось слышать. Она произносила его резко и грубо, видимо, пытаясь выказать уважение моей мужественности. Память тут же на сравнении услужливо подкинула княжну в купальне, когда мы упали в бассейн любви, и эта Иона назвала меня по имени. Нежно, лаская каждый звук, так мягко, что хотелось слышать её голос ещё и ещё... Хотя нет, иногда заглушать поцелуями, перехватывать её дыхание, не отпускать нежные губы, пока они не покраснеют от поцелуев.

Камень на запястье пульсировал в ритме разогнавшейся

по венам крови, будто звал, требовал идти.

– Войт, – я позвал кравчего. Слуга каким-то образом тут же показался из коридора. – Не пускай ко мне больше леди Мартич. Если придёт и станет тебе прочить зло, скажи ей, пусть заглянет в своё будущее, и посмотрит, что могу сделать я.

Мужчина кивнул.

– Она что-то от вас хотела, да? В обмен на связь?

– Да. Видимо, рассчитывала занять место княжны после её смерти.

Кравчий замер.

– Ведь княжна Амалия каждый год...

Он понял быстрее меня: Мартич предвидела смерть княжны и решила устроить со мной интрижку, привязать к себе, думая, что Зимняя Свадьба лишь ежегодный ритуал вроде годовщины. А когда княжна умрёт, так я к Лейсе уже привяжусь... Ха-ха. Но вот беда, роману шёл четвёртый год, а Амалия-то не погибала... по мнению Лейсы.

– Она вас хотела использовать, князь, – подытожил Войт, – не пущу её больше никогда. И вам не след... греться у её очага. Кто ведает, может, кроме предвидения ещё что-то колдовать умеет.

Я молча сидел за накрытым столом. Ужинать не хотелось. В голове крутились мысли и желания, которым, как я думал,

уже места не было. Надо признать: поездка в столицу была частью привычки. Да, были важные и срочные дела. Но я могу решить их чуть позже. На запястье камень светил уже огненно-красным, обдавая меня теплом.

– Войт, завтра после встречи с послем Катайи, мы возвращаемся в замок.

– Но князь...

– Перенесёшь. Остальное я могу решить позже.

Хватит прятаться за суетой и работой.

Иона

Не особо задумываясь зачем, я соскользнула в тёплую воду. Витал аромат кедра и зимней свежести. Хотя... может, это мне кажется, и это всё рубашка князя, которую я конфисковала вместо халата. Вода здесь отлично держала, позволяя расслабиться и не касаться ногами дна. Купель согрела, но не парила, тем не менее, сердце застучало быстрее, а щёки покрылись румянцем.

Я не чувствовала здесь прилив сил, как в турмалиновом бассейне, я чувствовала здесь цунами. Будто рядом скрыт мощный поток энергии, который снесёт меня целиком, но я не могу до него дотянуться. Как будто не могу дотянуться... одна?

Дико хотелось прикосновений, и я сжала руками свои плечи, а потом закрыла глаза. Так легко представить, что

это не мои рук скользят от ключиц к груди и ниже, к пупку... Князь... интересно, что он делает? И почему, почему я представляю именно его руки? Почему представляю, как запускаю пальцы в его волосы? Вспомнилось, как перед отъездом он назвал меня по имени. Я судорожно втянула воздух и вздрогнула. Почему так колотится сердце и подкашиваются ноги, почему так хочется... Кроме имени, в голове всплыл голос князя, когда мы с ним упали сюда.

– Это бассейн для влюблённых, моя дорогая...

Разум пощёлкал пальцами у меня перед носом. Эй, Инна, дорогая Амалия! Что Симона говорила? Это – для взрослых!

Лицо «горело», кожа откликнулась на малейшее движение воды. Соски напряглись от касания о ткань рубашки. Я шагнула к лесенке, чтобы выйти из купели. Вода словно не хотела меня отпускать, волной проходя по бёдрам, заставляя меня вздрагивать от желания.

Боже... Если б мы здесь с князем остались чуть дольше в прошлый раз... Что было бы?

А самое страшное, мне не хотелось уходить. Мне хотелось, чтобы пришёл Алеш... Камень на запястье светил уже ярко-красным, больше напоминая рубин. Ну или моё лицо. До лесенки оставался шаг. Я тянула его уже минуту или две. Или три. Чёрт, надо выйти. Воздух вне купели казался со вкусом холода и одиночества, меня била дрожь. Хотя в зале было по-прежнему тепло.

Зато спустя какое-то время вернулась способность рас-

суждать. А подумать мне стоило. Например, о том, что Матей призвал меня только для того, чтобы я разорвала союз князя по своей воле. Но при этом он должен согласиться, но не знать, что в этом план. Дедуля явно недоговаривал. Но я поняла точно: никто из «невест» больше года силу князя не выдерживал, а значит, разорвать ритуал и избавиться от камня на руке для меня не то что шанс вернуться, нет, это шанс выжить. Это оригинальная Амалия в подземелье стоит как на выставке, а времянки все идут в утиль.

Князь вернётся через пару дней. До моего имени он уже снизошёл, значит, снизойдёт и до разговора.

Утром я проснулась совершенно разбитой – мне всю ночь снились такие горячие сны, что когда Симона спросила, как я, княжна, отдохнула, у меня снова покраснели щёки. После обеда девочки показали библиотеку – огромный зал с дубовыми стеллажами и с коваными светильниками, похожими на бутоны цветов.

Книг было много, всё аккуратно расставлено, полки подписаны. Общая магия, природная магия, история, каменное дело...

– Можно брать книги отсюда?

Симона кивнула.

– Вам можно, княжна. Только непременно ставьте на то

место, где взяли, иначе Теодора Тейтана будет гневаться. Она следит за книгами, это её вотчина.

Пожалуй, для начала следует понять, как здесь магия работает. Я взяла «Как определить свой дар» или «Общую классификацию магии» и хотела было уйти, чтоб почитать в спальне.

– А можно мы тут немного почитаем? – неловко спросила горничная.

– Вам и сюда просто так нельзя? – догадалась я. Девочки кивнули. Ну что ж, посижу как в универе, в читальном зале. Симона тут же метнулась к одному из самых дальних стеллажей и принесла два потёртых томика.

– Что вы читаете?

– Сказания о невесте ветров. Это не взаправду, это история такая, – принялась объяснять Даянка. – Ветер влюбился в обычную девушку, и оборачивался человеком, чтобы её очаровать. Мы редко сюда попадаем... Поэтому я читаю первую часть, а Симона вторую, сколько успеем. А потом пересказываем друг другу.

Мы так в детстве пересказывали друг другу серии нового кино. Забавно. Симона тем временем продолжила:

–... а скоро Ветер должен утащить свою невесту на облака, положить её на перину... и они будут целоваться! Ну, понимаете..., – она опустила взгляд, засмушалась и выдала, – Как взрослые будут целоваться! А вы целовались с князем, княжна Иона?

Теперь мне пришлось смущаться.

– Конечно, они целовались, глупая, – дело спасла резкая Даянка, – у них ведь свадьба была. Ведь целовались, правда?

Кивнуть было проще, чем отвечать. Но девочки не отстали.

– А расскажете как это?

– Нет! – резко вырвалось у меня, и сёстры мгновенно извинились, и умолкли с грустным и виноватым видом. Ну вот, теперь мне неловко ещё и за свою резкость. Им-то, видно, просто поболтать об этом не с кем.

Мы просидели в библиотеке около часа. Наверное, в следующий раз я с ними как-то поговорю, но не сейчас. Сейчас даже от мысленного слова «поцелуй» сердце заходило в ритме буйного рок-барабанщика.

После ужина я, как обычно, отправилась к Матею.

И всё-таки столкнулась со Штефаном. Я хоть и заглядывала за каждый поворот, не ждала, что он будет спускаться следом, а ещё и совершенно беззвучно. Обернулась, только когда он неловко облокотился о стену сзади.

– Куда-то спешите, княжна Амалия, – его голос меня бесил. Мужик паршиво скрывал удивление оттого, что это я здесь в мужской рубашке, а не какой-то парнишка, ворующий бусы.

– Я не Амалия. Меня зовут Иона. Полезешь ещё раз, по-

лучишь.

– Извините, был пьян и неподобающ, – противно-вежливо произнёс он, тем временем подойдя ближе. – Так что вы делаете здесь, в подземельях, княжна?

– Иду к Мастеру Матею, он рассказывает мне истории и учит делать бусы.

Портной хитро улыбнулся.

– Если вам хочется услышать правду, душа ветра Иона, то вам бы спросить Амалию. Ни князь, ни дед вам правды не скажут. А она внизу, в подземелье... её надо лишь разбудить. Это из-за них она стала каменной, и в ошибках своих они не признаются. Надо лишь дать ей сил...

– Штеф! – резкой голос Матея прервал речь внука. – Иди в свою мастерскую, к девочке не лезь!

– Счастливо вам, княжна, – он демонстративно поклонился и попытался поцеловать мою руку, но я вырвала её раньше, чем он успел коснуться тыльной стороны ладони своими мерзкими губами.

Дедуля поцокал языком вслед непутёвому внуку. Только сейчас я заметила, что он поднялся из мастерской с резакom по камню в одной руке.

– Пойдём, милая. Не обращай на него внимания.

– Повезло, что вы пришли.

Матей усмехнулся.

– Что ты, какое тут повезло! Я бы и слона оттуда не услы-

шал! Я ж тебе камешек-то не просто так дал!

Он ткнул в подвеску с капелькой лунного камня, который светился в ямочке на шее.

– Если страшно тебе, то я знаю.

– Спасибо, – совершенно честно сказала я.

Сегодня я не могла сосредоточиться на камнях. Ходила, выбирала срезы агата, раскладывала их на столе.

– Хочешь панно собрать, девонька?

– Возможно. Для начала хочу собрать себя.

Дедуля-камнерез усмехнулся.

– Хорошее дело. Ты, если что, спрашивай.

Но мне не хотелось. Мысли путались, и в итоге я взяла у Матея всё для шлифовки и принялась доводить до идеала один из срезов. Скрипнула дверь, я обернулась, но никого не увидела. Может, показалось? Матей же ничего не заметил.

Меня волновало другое: Штефан просто нёс пургу или правду говорил? Надо будет выяснить. Почитаю книги по магии, пойму сама, как здесь всё работает. А не со слов странного камнереза или жуткого портного.

Мысли то и дело возвращались к князю. Его образ стоял в сознании, и я каждый раз не могла начать разговор даже мысленно. Вот как ему сказать, что надо разорвать союз? Я в жизни ни с кем не расставалась. Не встречалась тоже, но это уже другая тема. В любви мне признаваться не надо, как раз наоборот.

А главное, больше не падать в прекрасную купель, отделанную красными и жёлтыми драгоценными камнями.

Всё то же самое вертелось у меня в мыслях, когда я шла по залу с источниками как раз мимо того самого бассейна.

– Тебе так идёт моя рубашка, – раздался низкий голос сзади. Я не сразу поверила, что это не мои фантазии и медленно обернулась. Алеш стоял сзади, волосы рассыпаны по плечам, рубашка расстёгнута, обнажая крепкую грудь. Он шагнул вперёд, взял меня за руку и мягко произнёс:

– Кто ты, Иона?

12. Дорогой Алеш

Иона

Кажется, от неожиданности, я забыла, как дышать. Стою в мужской рубашке, растрёпанная, думаю о том, как бы бросить князя... А он приезжает на три дня раньше! И стоит рядом, так невероятно близко. И попробуй выкинуть из головы вчерашние сны, я уж молчу про ощущения от купели! Вот как? Я же не дура, знаю, что это всё было только у меня: и ванна, и развратные сны, и возбуждение. Алеш-то ничего не делал! Он не в теме! Я с ним даже не разговаривала после шедеврального совместного падения и поцелуя.

Я втянула воздух и попыталась вернуть самообладание.

– Отпустите мою руку, князь, – ой-ой, как-то холодно вы-

шло. Но мне просто надо успокоиться. Я прижала руку к груди. Кожа на запястье до сих пор чувствовала касание князя.

– Извини, – он смутился. – Ты не Амалия, так что, наверное, это было грубо.

Мы оба стояли так какое-то время. Рядом, но отдельно. Я пыталась успокоить сердце, убрать румянец с щёк, а князь...

– Прости, Иона.

– Вы-то за что извиняетесь?

Он показал мне на резную лавочку около одного из бассейнов и предложил сесть. Я заметила, как он нервно трёт свой камень на запястье, будто может его вытащить.

– Я извиняюсь потому, что тебе явно было неприятно. И не сразу понял, что ты не она, и продолжал вести себя как обычно.

– Вы не сразу поняли, что я – это я?

– Да, Иона.

В то время как меня мучило смешение образов из сна и фантазий с реальным Алешем, которого я не знала, он же пытался отделить меня от Амалии в своей голове. Ха-ха, идеальное комбо.

– А теперь я хочу услышать, кто ты и почему Матей так тебя не любит, что закинул в тело, которое больше года не протянет. И что нам со всем этим делать.

«Скажешь ему, ничего не выйдет. Ты искренне должна хотеть уйти, а он не должен знать, что это игра» – Матей

в нашем мире звали бы Мориарти.

– Меня зовут Инна Камнева, князь.

– Симона зовёт тебя Иона.

Я пожала плечами.

– У вас проблемы с произношением. Но я уже привыкла. Матей призвал мою душу вместо обычного горного ветра.

– Зачем? – вот что отвечать на резонный вопрос от князя, придумать не удалось. Правду нельзя, врать не хочу. Поэтому в ход пошло жонглирование словами.

– Вы же знаете Матея дольше меня, князь. Он разве может нормально объяснить?

Мужчина рядом усмехнулся. Видимо, вспомнил свой визит к старому учителю. Князь было потянулся ко мне, но остановился.

– Слушай... Можно я тебя обниму, Иона? Ничего плохого не подумай, правда.

У меня вырвался ещё один нервный вздох и я сама положила голову ему на плечо. Кедр, сандал, холодная свежесть и тепло его рук.

Я подняла взгляд и поняла, что он смотрел на меня не отрываясь. Изучающе, с немым вопросом, с волнением, и, кажется, с такой же попыткой разобраться в своих чувствах.

– Что такое, князь? – мой вопрос вышел тихим и нежным. Мужчина вздрогнул и крепче прижал меня к себе.

– Назови меня по имени... Или для этого надо снова уро-

нить тебя в источник?

У меня вспыхнули щёки.

– Не надо... Алеш.

Вот почему он это попросил? Прозвучало очень интимно.

– Зачем?

Я не договорила, но он понял. Мужчина рядом нежно провёл пальцем по моему плечу, спустился к локтю, к запястью, к ладони.

– Просто захотелось.

Голос звучал хрипло, немного резко.

Ему захотелось, а я здесь не знаю, что с собой делать!

– Мы не знаем, зачем Матей тебя призвал. Но у этого старикана всегда план, он у него и раньше был... Если б я сам с Амалией не пошёл к правящему тогда князю, может, всё иначе сложилось.

В его голосе была боль. Сколько раз за два с половиной века он прокручивал это в голове? Сколько раз думал, можно ли было всё изменить?

– Вы её сильно любили...

Взглядом князя можно было гвозди забивать. Он убрал руку, чуть отодвинулся. Мысленно обругала себя последними словами, что ляпнула не подумав. Но сказанного не вернёшь. Тут же вспомнилось, как он вспылил у дедули в разговоре про Амалию.

Но князь остался сидеть рядом. Ему явно было паршиво, но уходить он не стал, снова дотянулся до моего запястья с

турмалином.

– Да, я любил Амалию. И – отвечу на вопрос, который ты задала в прошлый раз – наша свадьба была по любви. А остальные свадьбы... знаешь, – он нахмурился, – все остальные тоже. Я ведь, кроме Дочери Гор, ещё людей своих любил. И вот смотреть, как кого-то из-за меня сносит оползнем... Я такого никому не пожелаю.

Он помолчал, а потом посмотрел мне прямо в лицо.

– А ты, Иона? Откуда бы ты ни была, как бы поступила? Если из-за тебя погибает любимый человек, а лучшее, что ты можешь сделать – это вечно встречаться с его отражением?

– Я... – Князь поставил меня в тупик. Да, всё это казалось логично и правильно, но почему-то мне обратная ситуация представилась не с абстрактным кем-то, кого мне не было жалко, а с Алешем. Причём в деталях (наверное, виноваты рассказы Матея). Перед глазами возник каменный князь, его руки уже не казались такими тёплыми, а взгляд живым. В сознании зазвучал голос Матея: «Ну вот, хороший Олдрич получился, жаль, в конце года развалится». И это я бы первая протягивала руку, связывая нас каменной клятвой, вставляя турмалин, который будет давать связь и защиту, но вместе с тем и убивать...

Я прижала руки к груди и отодвинулась от него тоже. Отчего-то в глазах стояли слёзы. Истеричка. Это просто воображение, Инна! Выключи его немедленно!

Князь ждал моего ответа, а найти его быстро не выходило. Единственное что показалось мне правильным, так это произнести правду:

– Я не могу...

Он грустно улыбнулся, а я продолжила:

– Не могу представить, вот и всё. Так, чтоб это было настоящим. Я ведь никогда не влюблялась, понимаешь? Поэтому, если б я сказала, что поступила бы также или, наоборот, иначе, чем ты... я бы соврала.

Пусть между нами будет только одна ложь, да и та по вине Матея.

Князь улыбнулся и снова прижал меня к своему плечу. Его волосы защекотали мне нос.

– Ты мне нравишься, Иона.

Вот мог он этого не говорить? Я и так чувствовала, что мы не просто случайная пара, меня штормило от тепла, от откровенности, от близости. Я не могла назвать это любовью – и не соврала князю. Всё же должно быть что-то большее, нежели просто симпатия? Так что я отшутилась:

– А ты мне – нет, Алеш. Волосы у тебя слишком длинные, нос щекочут. Можно я их подстригу?

Он моргнул, а потом рассмеялся, звонко, как мальчишка. Если он так будет улыбаться, то как я искренне захочу его отставить?

Мужчина так заразительно смеялся, что я не удержалась

и улыбнулась тоже.

– Если я тебе не нравлюсь, зачем тебе моя рубашка?

Ой. Три раза «ой».

– Она удобная. И мягкая. И нет столько шнуровки и всякой вышивки. Можно я её оставлю?

– Ты хочешь мои рубашки, мои волосы, моего... Что за нравы в твоём мире, Иона?

Я поджала губы.

– Нормальные нравы.

Вспомнилось сразу всё. Экзамены, политех, работа. Усталость. Тоска по родителям. Наслаждение от творчества. Надежда на будущее. Планы...

Тут же – дыхание мужчины рядом со мной, стук сердца. И голос, проникающий в душу.

– Я тоже сказал что-то не то, да?

Он коснулся моих волос.

– Ты уже долго молчишь и смотришь в пол, Иона. У нас странный разговор, мы пытаемся понять друг друга, но идём не туда. Давай начнём ещё раз. Не знаю, что тебе наговорил про меня Матей... Он меня в жизни никогда не хвалил. Так что, наверное, и сейчас прошёлся как следует. Но я не холодный, не каменный и я совершенно точно не хотел играть в свадьбу два с половиной века.

– А чего ты хотел? Ну, до Амалии?

Вопрос заставил Алеша задуматься. Он перебирал мои пальцы своими, но смотрел при этом вглубь зала как внутрь

себя.

– Знаешь, тогда я хотел свободы. Думал, научусь у Матея, заработаю немного денег, у меня будет своя мастерская... Чего ты улыбаешься?

– Звучит... просто и спокойно.

Это звучало забавно, потому что именно так, правда, другими словами, я говорила себе сама. Заработаю немного денег, доучусь, буду свободна, открою свою мастерскую.

– Скажи..., – он замялся, – а что ты пела в прошлый раз?

– Визбор, кажется. Родители любили. Но не проси, Алеш, петь не буду.

– Не стану, Иона. Если не хочешь.

Это странно, но мне было безумно хорошо – просто сидеть так, говорить с ним о пустяках. Словно так и должно быть. И понимать, что он чувствует то же самое. Я не уйду в неудобный момент. Он не уйдёт тоже. Мы можем разговаривать. Это было настолько волшебно, что я забыла обо всём.

– У тебя глаза закрываются, – произнёс он, – устала?

– Нет...

Правда, раньше я к сессии могла всю ночь готовиться. Да и от Матея сегодня не так поздно ушла. Алеш встал с лавочки и протянул мне руку.

– Пойдём.

– Подожди, – мне вспомнилась прошлая ночь, – а что с купальной, куда мы падали? Почему там...

Он наклонился и у самого моего уха произнёс:

– Почему там так хочется? Потому что она для влюблённых, Иона. Если люди нравятся друг другу, есть симпатия... Всё, что есть в сердце, она усилит. Но если ничего нет, то ничего и не произойдёт. Я принял тебя за Амалию... Тогда.

– А сейчас?

Сны опять стояли перед внутренним взором.

– Сейчас я пока не хочу проверять. Пойдём, я провожу тебя в спальню. Ножницы обещаю, найду завтра утром. Пойдём, Иона. И завтра я покажу тебе замок.

Не стала ему говорить, что уже почти всё посмотрела, взяла его за руку и удивилась, как легко он приспособливается к моим маленьким шагам.

И только завернувшись в одеяло в спальне, спрятавшись в рубашку Алёша, которую мне теперь выделили официально, я вспомнила, о чём мне надо было поговорить.

Не теряться в совершенно не каменном, а очень даже живом общении, не залипать на голос Алёша, а серьёзно сказать ему, что нам надо разорвать союз.

Ладно, если я поговорю с князем завтра, то мир не обрушится из-за одного дня?

Каменные невесты живут здесь по году, а я всего-то чуть больше недели.

13. Сердце, ножницы, рубашка

Алеш

Переговоры с послом Катайи затянулись до полудня. Войт подготовил сани для дальней дороги, но я взял коня. Кравчий вздохнул, в очередной раз без слов осерчав на мою опрометчивость. Что поделаться, я хоть и бессмертен, цену времени знаю больше всех. Ехать медленно и спокойно сейчас не устраивало. Просто сидеть внутри и ждать, пока тройка донесёт тяжёлые сани по гладким зимним дорогам – нет.

Хотелось движения. Когда гонишь верхом, то есть это чувство, что летишь навстречу цели. Когда сидишь – нет.

Выезжая за ворота замка, я заметил Лейсу, которая спешила ко мне, но не стал останавливаться. Разберусь с ней позже.

Войт уже получил указание поднять все её связи, и выяснить, не связана ли она с Мартичами более ранним родством, нежели текущее вдовство. Кравчий выведает всё, особенно с учётом того, что Лейса ему не нравилась.

В замок Раур я вернулся затемно, но непоздно. Только недавно убрали ужин, замок готовился отдыхать, но кое-где ещё сновали слуги. Я позвал кого-то из мальчишек, скинул плащ и зашёл в гардеробную. Что-то было не так.

– Штефан приносил новые наряды мне или княжне?

– Нет, князь. Симона и Даяна забирают у него, а вам, как велено, везут костюмы из Алтеи.

Ладно, наверное, показалось. Я переоделся в свободную рубашку и брюки, и постучался к княжне. Мне никто не ответил, только дверь, соединяющая гардероб и её спальню легко открылась от второго стука. Там было пусто. На кресле висело небрежно брошенное домашнее платье, на столике лежали пара книг по основам магии. В оранжерее, светящейся ночными огнями, девушки не было.

Если Штеф опять что-то учидил... Прибью мерзавца. Я шагнул в сторону подземных мастерских, но дверь Штефа была заперта. Наверняка пьёт где-то на кухне. Я решил дойти до Матей и попытаться ещё раз, спокойно расспросить мастера.

Но стоило мне приоткрыть дверь, как я обомлел. Сначала не понял: он что, спустя столько лет взял ещё ученика? Лица из-за платка не было видно, поэтому сначала я узнал свою рубашку и штаны.

Тонкая, изящная шея, нежные руки, и только когда заметил, мелькнувший на запястье розовый камень, понял, что это княжна.

– Ты что-то не в духе, девонька, – ворчал Матей. Она что-то смешливо ему отвечала. Он в ответ тащил ей коробку с камнями, и бормотал, – Соберись, Иона, камни серьёзность

любят.

А она кивала, рассматривала друзы хрусталя, выбирала срезы агата, орудовала инструментом, как будто училась не меньше меня!

Кого, Горные духи его побери, Матей призвал? Что это за девчонка?

Я не мог оторвать взгляд от того, как она обращалась с камнем. От точёных, изящных, но сильных пальцев. Амалия всегда лишь принимала подарки, эта же княжна сама могла собрать из камня, кажется что угодно. И камни ей радовались! Как и Матей!

Дверь слегка скрипнула от моего касания, и девушка обернулась. Я тут же отступил в коридор. Было неловко и почему-то не хотелось рушить их занятие вторжением. Мастер таким довольным не был два с половиной века.

Я прислонился к каменной стене и ждал, думал. Этжами выше раздался шум – ну, пока княжна занята, разберусь хоть с одной проблемой. Пара десятков шагов, и я легко припечатал внучка к стене, а потом толкнул его в открытую дверь.

– Эй, Алеш... – он и вправду был пьян. – Уже поздно, князь. Я извинился, между прочим... Прости по-братски.

– Мы. Не. Братья. – отрезал я. – Ещё раз увижу, что ты тянешь лапы к Амалии...

– Амалию ты убил, Олдрич, ты. – он целился в лицо, но

попал плевком в плечо. Он прав, но говорить ему этого не следовало. Я выпустил силу, которую сдерживать даже не хотелось.

– Если хоть на шаг приблизишься к княжне – окаменеет не только твоя рубашка. Понял?

– Понял... князь.

Он принялся шевелить плечами, пытаясь сломать превратившуюся в камень ткань. Ну-ну. Посмотрим, с которого раза у него выйдет.

Когда я снова оказался в коридоре, то лёгкие шаги слышали снова выше. И это уже наверняка была княжна.

Она так легко поднималась, что успевать за ней выходило с трудом. Девушка скользнула в спальню, а следом, слышно было, как она открыла дверь в купальни.

Я зашёл туда через свои двери следом. Смотрел, как она плескается в турмалиновой купальне, выходит, и вместо халата надевает мою рубашку! Вторую, не ту, в которой работала!

Рубашку мне не было жалко, тем более они на девушке смотрелись прекрасно. Но я был изрядно удивлён подобной наглостью. Я никому не позволял так просто брать мои вещи. И сейчас я понимал, что странно просто так стоять и смотреть, пусть и издали, пусть и за клубами пара ничего толком не видно. Но всё же не мог уйти, ноги будто приросли к полу.

А она тем временем вышла на дорожку напротив меня. Влажные волосы, хоть и просушенные полотенцем, прилипали к плечам, моя рубашка не скрывала стройные ноги. При этом она выглядела удивительно естественно в своей простоте, будто для неё это дело обычное, или хотя бы понятное – пойти в мужской рубашке в купальни!

Такое же обыденное, как сидеть и шлифовать поделочные камни.

– Кто ты, Иона?

Наверное, надо было спросить иначе, мягче. Но я был ошеломлён, застигнут врасплох, и, наверное, груб, раз она так испугалась. А может быть, видела мельком, как я стоял раньше, и как юный дурачок, пялился в туман. Может, я слишком резко схватил её за руку. После слов извинений, кажется, она чуть успокоилась.

Мы сидели на лавочке около воды, и, казалось, так и должно быть. Нежный, смешливый голос девушки, не боявшийся подтрунивать и давать отпор. Тонкие, нежные руки в моих руках... При этом я не мог забыть, как ловко она работала у Матея.

Разговор... Я так, наверное, не говорил ни с кем. Уже давно. С Матеем серьёзно говорить сложно, про Штефа даже вспоминать не хочу. А от остальных в определённый момент начал отгораживаться. Потому что их время и моё время – это разное.

Девушка рядом не думала об этом. Я не был для неё

каким-то невероятно влиятельным человеком, хотя вначале она, нарочито издеваясь, звала меня «князь». Нет, я для неё был просто Алеш. И это безумно заводило.

– Ты мне нравишься, Иона, – вырвалось у меня, как у влюблённого юнца. Я чувствовал, что ей приятны мои прикосновения, но она дала ответ как раз для моего внутреннего мальчишки. Это было так забавно, что... почему бы и не попробовать? В Катайе вот и у мужчин, и у женщин бывают короткие стрижки.

Иона отвечала, а я не мог оторвать взгляд от её лица, от того, как быстро возникала улыбка, как загорались глаза. И больно было наблюдать, как от неловких слов она хмурилась. В какой-то момент девушка начала буквально оседать на моё плечо. Да она засыпает! При этом ещё и доказывает, что нет!

Напоминает, как Матей отправлял меня спать в ученичестве, а я упирался. Хотя глаза слипались, пытался сидеть до последнего, хотя старик гнал меня прочь...

Я проводил Иону до спальни, и ушёл к себе. Уставился в огромное зеркало и всё не мог понять: когда же Алеш Олдрич стал каменным? В какой момент я перестал быть живым? И ведь это случилось не тогда, когда Амалия осталась навеки в мастерской.

Иона спала долго.

– Извините, князь, княжна ещё поживает, – серьёзно ответила Симона. И тут же, шёпотом, – вы ей снились в ночь до этого, она ваше имя шептала.

Даяна цыкнула на сестру.

– Княжна Иона и князь сами разберутся, Симона! Простите, князь... а зачем вам ножницы?

Я лишь усмехнулся и попросил сказать, когда княжна проснётся.

В родном замке тоже были дела. Пара вопросов по снабжению, встреча с одним из камнерезов, приехавшим из Алтеи. Приехал Войт из столицы, и тихо сообщил, что скоро и Теодора Тейтана прибудет.

Из кухни принесли обед, когда из гардеробной постучали. Я взглядом попросил кравчего уйти.

– А ты долго спишь, Иона.

Она заплела волосы в простую косу, накинула мою рубашку, подпоясала её на манер платья, а ниже была одна из расшитых длинных юбок.

– Вот сложно было вчера уснуть, знаешь ли. Можно я с тобой позавтракаю?

– Это обед. Кстати, тебе идёт.

– Спасибо. Эти платья слишком тяжёлые, будто я должна быть каменной, чтобы их носить...

Она замолчала, додумав мысль молча. Я пожал плечами.

– Штеф, видимо, за века забыл, что кроме «красиво» жи-

вой девушке, должно быть, ещё и «удобно». А я свой гардероб привожу из Алтеи.

Мы поели, а затем я вручил ей ножницы. И она тут же стушеввалась, покраснела, а потом опустила руки и со смущением в голосе призналась:

– Алеш... Ты знаешь... я вчера пошутила. Я на самом деле ни разу не стригла никого.

Мне было больше смешно, чем что бы то ни было.

– А зачем ты предложила, позволь спросить?

Девушка рядом замялась.

– Надо же было что-то сказать. Мне длинноволосые мужчины никогда не нравились. А ещё я вспомнила, как мама папу подстригала...

Иона так трогательно смущалась и отводила глаза, что я решил рискнуть и довериться. С камнями она умеет обращаться, думаю, с ножницами справится.

– Надеюсь, ты мне ухо не отрежешь, – попытался разрядить обстановку, но девушка стала более скованной. – Не беспокойся, если поцарапаешь – заживёт быстро.

– Да не в этом дело...

Она тяжело вздохнула. Потом усадила меня рядом с окном, вдруг вздрогнула и попросила подождать. И убежала в гардеробную, павда. через минуту вернулась, с огромным шелковым платком в руках.

– Вот! – довольно воскликнула девушка, – сидите... сиди, Алеш!

Она обернула ткань вокруг моей шеи, закрепив за воротник рубашки. Достала щётку, принесённую явно из своего комода. И принялась орудовать ножницами. Сначала медленно и неуверенно по шёлку падали на пол только кончики и редкие пряди, а потом она вошла во вкус, и лезвия начали щёлкать бодрее.

– Не вертись, всё равно не увидишь, – проворчала она, когда я в очередной раз хотел повернуться. Иногда она приглаживала волосы щёткой, иногда запускала пальцы и будто растрёпывала пряди. Пока она колдовала с моей причёской сзади, я закрыл глаза. Её тонкие пальцы в волосах ощущались невесомо, хотелось положить голову на эти руки и забыть обо всём.

В этот момент она стряхнула упавшую прядь волос с моей щеки.

– Ну вот, князь. – Я хмыкнул, и тут же услышал более приятное, – Держи зеркало, Алеш.

Из отражения на меня смотрел другой мужчина. Более решительный, более отчаянный. Волосы не скрывали скулы, и, казалось, лицо стало резче.

– Ну как? – она явно волновалась, – не везде пряди ровно получилось сделать, но, мне кажется, неплохо.

– То есть я тебе нравлюсь теперь, да? – я спросил легко, в продолжение вчерашней перепалки, и ждал такого же лёгкого ответа. Девушка же вздохнула, молча стряхнула волосы с шёлка в не разожжённый ещё камин. Прошлась по комна-

те и уселась на один из стульев, скромно сложила руки на коленях.

– Присядьте... Алеш, – она тяжело вздохнула, – нам надо разорвать наш с тобой союз. Поехать к зелёным камням в основании реки и ...

Я был готов услышать что угодно, но не это. Почему?

– Почему, Иона?

Она помолчала.

– Я долго думала, князь... Стоит вам говорить или нет. И всё же решила, что раз вы мне нравитесь... – её губы тронула улыбка, и она сама поправилась, – ты мне нравишься, Алеш. Нравится, что ты слушаешь, что с тобой можно говорить спокойно. Я вижу, что ты за человек, поэтому не хочу врать. Матей призвал меня, мою душу из другого мира для того, чтобы горы посчитали меня за свою, и если я разорву союз с тобой как Дочь Гор, то эта ваша магия рассыпется и мы будем свободны. Ты будешь свободен от свадеб, а я могу вернуться в свой мир. Прости...

У меня сел голос и слова прозвучали сипло.

– За что ты извиняешься?

– Я не сказала тебе вчера, но там, в купальнях было так...

Я дотянулся и взял её руки в свои. Не надо было ей договаривать, я и так понял. И был благодарен, что она вчера не сказала. Было слишком хорошо, чтобы это рушить.

– А ты смелая.

Иона покачала головой.

– Нет. Но как иначе?

За окном падал снег, и наверняка снова начнётся метель. Наверное, не стоило, но всё же я хотел знать:

– А ты хочешь вернуться домой?

Девушка сжала мою руку и кивнула, но в глазах стояла тоска. Почему? Если она хочет домой, больше чем быть здесь, отчего ей так грустно? Отчего в глазах стоят слёзы?

– Раз так, то мы поедem в горы с тобой, и оба станем свободны. Только не плачь... Не плачь снова, Иона.

14. Честное Камнево

Иона

Я полночи не спала, хотя и безумно устала.

Кожа на запястьях и руках будто до сих пор хранила тепло прикосновений Алеша. Волнение словно поселилось в моей голове и не хотело уходить. От воспоминаний о голосе князя по коже бежали мурашки. И мне хотелось узнать, что было бы дальше – понятно, что однажды мы бы дошли до интима как логического итога поцелуев и обнимашек. Нет, что было бы дальше, общайся мы с Алешем день за днём. К чему бы мы пришли через месяц, через год?

Мне было интересно. И дико грустно оттого, что этого не произойдёт. Я либо окаменею к концу года, либо разорву союз и вернусь домой. И всё это останется красивым сном.

– Алеш, – прошептала я подушку, словно бы оттого, что я произнесу имя, что-то изменится. Будто от этого память сохранит чувства и ощущения. Но нет... сон украл чёткость образов, унёс меня в белое поле, где гулял ветер и росли ландыши из лунного камня.

Мне навстречу шла черноволосая девушка в зелёном платье.

– Амалия?

Она кивнула. Безмерно грустный взгляд, но при этом ободряющая улыбка. Зачем-то я потянулась к ней рукой, но она погрозила мне пальчиком и растворилась в метели.

За окном было пасмурное небо, не дававшее понять, насколько поздно я проснулась. Давал понять, что уже день только шёпот Симоны за дверью, которая что-то объясняла Алешу. Я предпочла остаться в рубашке, только выбрала юбку и пояс. Посмотрелась в зеркало. Вот так, в рубашке с закатанными рукавами – я похожа на себя обычную. Нечего привыкать к нереальным богатствам, надо найти силы на честность.

На мгновение я предположила: а что если помедлить, ещё день или два вместе для нас оставить... С этими мыслями постучалась в спальню Алеша.

Он был мне рад, а я... я поняла, что не смогу. Мне с ним здорово, даже молча обедать, но врать я не хочу.

И всё же позволила себе его подстричь. Вспомнила, как делала мама, и вроде вышло неплохо, особенно если растрепать пряди. Лицо стало более открытым, скулы более чёткими. Захотелось провести пальцами по его щеке. И при свете дня коснуться губами. Без ритуалов или магии купальни. Наверное, это было бы проще, чем признаться. Сказать прямо – как есть. Не знаю уж что там Матей думал, когда говорил мне, что князь не должен знать, иначе не отпустит.

Алеш... легко согласился. Я ему нравлюсь, да. Но видимо, «нравлюсь» и больше ничего. Меж тем мои чувства с каждым его взглядом были все сильнее, текли и заполняли мою душу. Тепло, уважение, желание быть рядом.

– Раз так, то мы поедem в горы с тобой, и оба станем свободны. Только не плачь... Не плачь снова, Иона.

– Я не плачу. Поедем сегодня? Сейчас?

Он покосился на лёгкий снежок за окном, а потом подошёл к двери.

– Войт! Подготовь мне коня! Иона... одевайся теплее.

– Куда собираетесь... князь. – Кравчий опешил, потом нахмурился и поджал губы. Но не удержался и всё же улыбнулся.

– Интересно выглядите, князь. Так куда ехать изволите?

Алеш тоже не сразу ответил. Он смотрел мимо меня на горы за окном. Что он там видел, мне знать не дано.

– Мы проедемся с княжной по лесу.

– Но... – слуга махнул рукой в сторону окна.

Князь не дал ему договорить.

– Мы быстро, Войт. Не переживай.

Слуга кивнул и вышел. Алеш показал мне рукой в сторону гардеробной. Да, мне надо переодеться. В бесконечных рядах «своих» платьев я так и не разобралась, поэтому позвала Симону и спросила, что подойдёт для верховой прогулки с князем. Сёстры тут же нашли мне платье, накидку из шерсти и кашемира, плащ, перчатки, сапожки.

Когда я вышла в зал, Алеш уже ждал меня.

– Куда это вы собрались, князь, – раздался голос женщины, которая вела церемонию в первый день свадьбы. Горничные сзади махом ей поклонились.

– Еду с княжной в горы, уважаемая Теодора. Объяснюсь позже. Пойдём, Иона.

Он открыл дверь, и мы вышли на улицу.

Мелкий снежок, казавшийся из-за окна лёгкой пылью, на деле был противной крупой с не сильным, но пронизывающим ветром.

Около ступеней стоял только один конь – гнедой князя. Алеш спокойно уселся в седло и протянул мне руку, легко усадив впереди себя.

Никогда в жизни не каталась верхом, разве что в далёком детстве. Первым впечатлением сейчас был страх – что, если я упаду? Конь казался высоким, и то, как он легко и непринуждённо перескакивал камни, пугало. Но князь держал меня крепко, и также уверенно управлял скакуном, и я расслабилась.

Мы оказались на плато с глыбами малахита, где стояли в третий день свадьбы. Князь спешил и помог мне.

– Ты знаешь, что надо делать, Иона?

Ни черта я не знала. Матей просто сказал «разорвать союз», а я и поверила. Ладно, будем импровизировать. Что там нам говорили в начале?

– Я, Инна Камнева, разрываю союз с князем Алешем Олдричем, Хранителем Гор. Беру себе свободу, даю ему свободу. Освобождаю от защиты... Горы, пожалуйста, отпустите нас...

Если закрыть глаза, то кажется, что мир откликается на мои слова.

В реальности ветер трепал мои волосы, поднималась метель. Поодаль взволнованно фыркал конь. Алеш дотянулся до моей руки, коснулся запястья, где по-прежнему светил розовый турмалин.

Ничего не произошло, камни так и остались сверкать на наших запястьях. Почему? Может, мне не стоило призна-

ваться Алешу? Может, это я всё испортила?

– Я, Алеш Олдрич, отпускаю Иону Камневу, Душу Гор, отдаю ей свободу, беру себе свободу. Горы, отпустите нас.

Князь сжал мою руку и тихо произнёс:

– Я должен был сказать.

Время шло, время уносило нас дальше от мгновения ритуальных слов и текло дальше. Вокруг недовольно завывал ветер, будто ругаясь на нас. Снег от просто мерзкой крупы стал превращаться во вьюгу. Небо быстро и беспощадно уходило в темноту. Надо было признать – ничего не вышло.

– Прости... – вырвалось у меня. Глупо, но я рассчитывала, что всё пройдёт легко. Князь прижал меня и крепко обнял.

– Тихо, Камнева дочь. Сейчас нам надо укрыться, а говорить будем позже.

Конь бил копытом, нервничал, и, казалось, был рад, что его всадники наконец-то изволили собраться домой. Мы проехали немного, ветер бил в лицо, то и дело скидывал капюшон, а место сумерек грозила занять ранняя зимняя темнота.

– Мы не успеем, – произнесла я очевидное. Не знаю, слышно ли было мои слова за шумом пурги, но князь усмехнулся, крепче прижал меня к себе. А потом свернул с тропы и направил коня к отвесным горным стенам, уходившим ввысь.

Он выбрал место, где скала начиналась почти сразу же, без груд камней в преддверии. Спешился и помог мне.

– Положи руку на камень, Иона. И попроси войти. Горы тебя слушают, должно получиться.

Я стянула мокрые от снега перчатки и положила ладонь на серую стену. Под моими пальцами будто билось чьё-то живое сердце, откликнувшееся на просьбу, так раостно, будто долго его ждало.

Перед нами открылся проход вглубь горы, и стоило нам шагнуть туда и затащить коня, как проход закрылся. Внутри было тепло, ступени вели вниз, стены светились собственным мягким светом, показывая идущие вглубь жилы драгоценных камней. Голубые с чёрным линии дикой бирюзы выглядели как потоки воды. Местами виднелись вкрапления зеленоватой яшмы и змеевика. Красота, да и только.

Мы спустились и оказались в небольшом сводчатом зале, в центре которого бил небольшой родник, стекая по наклонной к дальней стене.

Конь довольно опустил морду в воду раньше, чем мы руки, и принялся пить.

– Тпру, стой! – Алеш тут же его оттащил.

– Ты чего, он же пить хочет, – с удивлением произнесла я.

– Нельзя сразу поить, плохо будет. Конь высохнуть должен.

Я ничего не поняла, но кивнула. Князь усмехнулся.

– Ладно, ты пить хочешь?

– После коня?

– Та вода уже утекла, но у меня есть

Князь снял свой плащ, расстелил его на пол и предложил сесть. Сам же принялся снимать упряжь с коня, а потом отстегнул от седла небольшую сумку. Внутри лежала фляжка и завёрнутые в промасленную бумагу галеты, маленькие шарики сушёного сыра и пара полосок вяленого мяса.

– Не пир, но до завтра хватит. Ты как, не замёрзла?

По правде сказать, меня бил лёгкий озноб. Алеш напоил коня, привязал его за какой-то каменный выступ около входа, и уселся рядом со мной.

– Ты дрожишь. Снимай плащ, он тоже мокрый, и иди ко мне.

Он сел сзади и обнял меня. Взял мои холодные пальцы в свои, принялся согревать мои руки. Большой палец, указательный... середина ладони... Мне кажется, в жизни никто столько внимания моим рукам не уделял.

– Так почему ты извинялась? – он шептал мне над ухом.

Увиливать не хотелось.

– Матей сказал, то ты не должен знать о причинах, что я просто должна была тебя оставить, разорвать союз. Чтоб ты верил, что это на самом деле. А я сказала тебе... И ничего не вышло, Алеш.

Князь продолжил поглаживать мои руки.

– В этом есть смысл. Горы неглупы, они чувствуют, когда кто-то обманывает, пусть даже себя. Дело не в том, что ты мне сказала. Я не хотел тебя отпускать. Был готов, но не хотел. Не вини себя, ты и так выдернута из своего мира и оста-

ёшься здесь.

Я чуть повернулась, чтоб видеть его лицо, и тихо произнесла.

– Честно говоря, я тоже не хотела тебя оставлять.

Оглушительную тишину нарушало только наше нервное дыхание. Алеш нежно гладил меня по волосам, перебирал и расправлял влажные после снега пряди. Я поймала его ладонь и прижалась к ней щекой. Мужчина вздрогнул.

– Ты меня дико волнуешь, Иона. Скажи, чего ты хочешь сейчас?

Это я знала кристально ясно. Мы заперты здесь до утра, и сейчас нас ничто не разлучит.

– Хочу тебя поцеловать. – мой голос звучал ниже, чем обычно, с непривычными для меня самой грудными нотками. Я сама потянулась к нему. Сама обняла, прижалась губами к его губам – сухим и резким. Он вдохнул, прижал меня к себе и взял инициативу. «Это же просто поцелуй», – промелькнула у меня мысль, а потом мысли ушли, остались только чувства. Желание, острое и томительное напряжение от близости другого человека, волнение – всё мешалось в крепкий коктейль, придавая поцелуям привкус надежды. Его пальцы путались в моих волосах, скользили по шее. Дыхание смешивалось, чтобы разделить на мгновение и смешаться опять. Сердце стучало как барабанщик на рок-концерте.

– Ты с ума меня сводишь, Иона. Но я не хочу так... На мокром от снега плаще.

Мне оставалось только отшутиться. Глупо, но мой взбодраженный разум ничего лучше не подкинул.

– Да ладно, – я откашлялась, удивившись своему внезапно хриловатому голосу, – у тебя же каждый год новая невеста.

– Но не ты, Иона. Я впервые за пару веков действительно хочу новую свадьбу по всем правилам, вместе с первой брачной ночью. С тобой.

То, что звучало, в голове не сразу укладывалось.

– Это что же, ты мне предложение делаешь?

15. Жар, лед и время

Иона

Алеш продолжал держать меня в объятьях, и смотрел прямо и совершенно серьёзно. Отшучиваться неуместно и глупо, да и смелости под его взглядом и нежностью хватит только на правду.

– Князь... – Я опустила взгляд, а затем тоже посмотрела прямо в глаза. – Алеш... Ты мне нравишься, у меня дух захватывает, когда ты рядом. Но мы знаем друг друга чуть больше недели. Это слишком мало для таких судьбоносных решений.

Я помолчала, а потом добавила:

– Ещё твои каменные девушки живут не больше года. И ты пока женат на Амалии. Всё слишком непросто для свадьбы.

Он шумно выдохнул.

– Вдобавок ты из другого мира.

– И это тоже. Если я решу остаться, то хочу быть уверена в своём решении. Понимаешь? Или останусь с тобой, или оставлю тебя. Но не хочу жалеть и сомневаться потом.

Алеш обводил пальцем по кругу турмалин на моём запястье.

– Я понимаю. Когда мы вернёмся, припру Матея к стенке, пусть объясняет нормально, что он удумал такого.

Мне вспомнился Штефан, который говорил про Амалию. Интересно, кто действительно знает правду и что произошло два с половиной века назад? Я сейчас слышала только историю Матея. И почему-то так легко, как дедуля говорил, магия не сработала.

– Хорошо, Алеш.

Я согрелась в его объятьях, и начало клонить в сон. Не в лёгкую дрему, а в то состояние, когда после усталости и холода глаза сами закрываются.

– Послушай... – он говорил тихо, будто уже и не надеясь, что я отвечу, – почему ты назвалась Душой Гор?

– Потому что я не их Дочь... Ничего не придумала похожего. А это так правильно прозвучало...

Князь усмехнулся и крепче сжал меня в объятьях.

– Скажи, Алеш, – прошептала я.

– Что сказать, милая?

– Скажи мне спать... Пожалуйста.

Наверное, я казалась наивной дурочкой, но мне очень хотелось услышать низкое и нежное:

– Спи, Иона.

Я проснулась оттого, что меня знобило. В пещере не стало холодней, нет. Князь по-прежнему меня обнимал. Вот только меня охватывал знакомый любому человеку озноб – предвестник высокой температуры.

На лбу выступили капельки пота, начинала болеть голова. Ну а что? Это князь бессмертный, а я – обычная девушка.

– У тебя жар, – произнёс он, проснувшись от моих движений. – Пойдём, надо возвращаться в замок.

Наши плащи всё ещё были слегка влажными, но мы накинули их и пошли к выходу. Гора расступилась, открыв нам сугробы и вой ветра. Мело не так сильно, как вчера, но всё же снег не останавливался.

– Выдержишь? – Алеш взял меня за руку.

– А у меня есть выбор? – моя попытка говорить бодро и смело прозвучала вяло, судя по лицу мужчины. Он усадил меня на коня и уселся сам, и погнал гнедого сквозь снежный воздух.

Я плохо помню, как мы приехали в замок. Помню, что до боли в пальцах держалась за луку седла, чтобы не упасть. Ещё я дошла до спальни сама. А вот раздевала ли меня Симона или я делала это сама – уже не помню.

Помню только голос Алеша, который снова и снова повторял, что в дороге, что уже в замке:

– Только не спи, Иона! Отвечай мне!

– Я не сплю... – бормотала я, и снова уплывала в бредовые образы, которые подкидывал перегретый мозг. В видениях Амалия шла по снежной поляне, а я стояла в подвале. Нет, я играла свадьбу с Алешем весной. Какая-то блондинка посмеивалась в деревянной усадьбе. Войт разговаривал с Теодорой Тейтаной. Симка что-то беспокойно твердила своей сестре...

Кто-то то и дело менял ледяной компресс у меня на лбу, отчего мне становилось легче.

– Мы ещё поговорим, Душа Гор, – шептал князь. – И ты ответишь мне «да»

Алеш

Понимание того, что окружающие люди намного слабее меня, уж давно въелось в сознание, стало привычкой. Часто Войт ехал в санях, а я садился править упряжкой. Особенно если это было в окрестностях замка, а не в столице, где подобное обращение со слугой могли заметить дворяне или послы иностранных держав и понять превратно.

Тем удивительнее было то, как я легко забыл об этом, пока находился рядом с Ионой. Я не боялся за неё, будто мы с ней на равных.

Вернее, так вышло оттого, что она вела себя так, будто мы с ней на равных, а я, дурак, забылся. Вчера я видел, как

начинался снег, но думал – успеем. И не задумывался о том, что нам, нам (а не мне) делать, если накроет метель.

Девушка же тем временем готова была взять ответственность на себя – за то, что она не смогла освободить меня от союза, за то, что мы сюда помчались.

Мне было неведомо, что удумал Матей. Но чтобы она не винила себя, признался в том, что не хотел её отпускать. Имело ли это отношение к неудавшемуся обряду – не знаю, мне было неважно. Но таковы были мои чувства, и я готов их был озвучить, лишь бы только девушка рядом не корила себя с трагичным видом. Пусть уж лучше гневается на меня за то, что не сможет вернуться домой. Но Иона снова удивила: смело и прямо ответила мне взаимностью.

Иона тоже не хочет меня отпускать.

Она подстегнула мои эмоции, и я озвучил ещё более импульсивное признание. Глупое, преждевременное предложение. Когда я договаривал слова, то уже ждал, что девушка меня оттолкнёт или закроется. Но я ошибался.

Смешно, но уверился в своём предложении я именно после её ответа-отказа. Спокойного, взвешенного и рассудительного, вернувшего меня из мечтаний в каменную пещеру, заставившего ещё больше хотеть девушку.

Слишком легко задремал от её мерного дыхания, от её тепла в моих руках. Так легко, что не заметил, как тепло превратилось в жар.

Я сидел около девушки три дня, но лучше ей не станови-

лось.

Прикладывал лёд, давал ей настои, которые собирала хмурая Тейтана. Мята и малина, мёд, молоко и масло – никакое питьё не помогало.

– Иона, пожалуйста, не спи... – шептал я временами, но девушка продолжала бредить. Иногда она что-то бормотала про идеальную свадьбу, иногда шептала про какие-то экзамены и лавку с бусами. Но в реальность не хотела возвращаться.

На третий день дверь без предупреждения открылась и резкий старческий голос произнёс:

– Пшёл вон, Алеш, дурачина ты эдакий. Угровишь девоньку, как пить дать, угровишь. Я-то думаю, чего умница-мастерица ко мне больше не заходит, а это ты её ушатал, негодник. И не смотри на меня так зло, недоучек.

Мы смотрели друг другу прямо в глаза. Он не хотел объяснять, я не хотел уступать.

– Не позорь мою фамилию, – Матей нахмурился, – ты разве сам не понимаешь в чём дело? Я уверен, будь она в сознании, сообразила бы во сто крат быстрее тебя! Ты на камень посмотри!

Турмалин действительно выглядел чуть светлее, чем обычно. Не сильно, но всё же...

– Понял, да? Ты ни с какими дорогими Амалиями столько времени рядом не проводил. Ритуалы, пара-тройка приёмов – и всё. И то их хватало на год. А девочка с тобой который

день без перерыва. Спорю, ты даже не...

Матею не надо было продолжать. Я скинул одеяло, взял Иону на руки и понёс в купальни, по дороге окликнув Симону.

Мы сутки были вместе, пока она стригла меня, пока мы ездили в горы и обратно, а потом три дня я сидел рядом. Ей было плохо от меня.

Я бережно опустил Иону в воду розовой купальни, и приказал Симоне следить за княжной, чтобы та набиралась сил, а сам отправился в свою, чёрную. Я стоял в воде и чувствовал, как силы плещется в воде, моя сила, бесконтрольно живущая руках. Как только эта чёрная вода не стала давно гранитным саваном мне? Нет, она становилась плотнее, но всё ещё оставалась водой.

Моя сила уходила, но сожаление – нет. Влюблённость опять делает меня полным идиотом, который хочет быть рядом не думаю ни о чём.

Нет. В памяти всплыл рациональный ответ Ионы. Эта девушка – сильная и смелая, и я не стану ей больше вредить.

От выплеска силы края купальни в первый раз застыли чёрными ониксовыми волнами. Вот так, а теперь надо идти в свою спальню, и не подходить пока к девушке, сидевшей на краю бассейна отделанного турмалином.

Иона

Солнечный свет чертил яркие квадраты на полу. Первая мысль была о том, что я на всё это смотрю и глаза не болят. И голова не гудит. В теле слабость, но ни жара, ни головокружения нет.

– Ой, вы проснулись! – Симона встрепенулась. Девочка дремала, свернувшись калачиком, на краю кровати. Горничная тут же выскочила из комнаты и вернулась вместе с князем.

Алеш стоял поодаль и внимательно разглядывал меня.

– Как ты себя чувствуешь, Иона? Что последнее помнишь?

– Ты нёс меня на руках в купальню. Кажется... Но мне снилось слишком много всего, так что я не уверена. А что было?

Князь махнул рукой, и Симона вышла. Алеш сел на самый край кровати, не пытаясь быть ближе. Да что такое было, пока я болела?

Я дотянулась до его руки, он хотел было её отдернуть, но так и замер на половине движения.

– Не хочу никого терять, – произнёс он после долгой паузы. В голосе его не было радости ни оттого, что мне лучше, ни оттого, что мы вместе. Звучали только горечь и боль.

– Ты и не должен. Объясни, Алеш. Я могу быть сильной, поверь. Не надо меня жалеть.

Мужчина рядом тяжело вздохнул. Тем временем я наблюдала, как солнечный свет раскидывает тёплые блики на ко-

ротких волосах князя. Хотелось растрепать ему волосы, уложить головой мне на колени, сидеть так и слушать истории друг друга. Но сейчас не тот момент.

– Иона... Душа Гор. Мы не смогли разорвать наш союз, помнишь? И оказались в пещере, потом возвращались верхом. Тебе стало плохо не потому, что ты простудилась. Тебе стало плохо оттого, что я был рядом слишком долго. Пони-маешь? Моя сила – это превращать всё в камень, а ты связа-на со мной через турмалин...

– Так вот почему Матей требовал... вот почему «купаль-ня, отделанная турмалином – только для княжны».

В голове у меня не укладывалось.

– Но подожди, дедуля говорил, что твои невесты живут год...

– Год – это когда я рядом только на ритуале и нескольких официальных приёмах. А не четыре дня без перерыва.

То есть мне не снилось, что он от меня не отходил? Получается, это правда.

– И что мы будем делать теперь?

Мой голос звучал жалко. Я не хотела, чтобы он отвечал, потому что знала ответ. Очевидно, я бы решила то же самое, если бы от моей силы страдал любимый человек:

– Мы будем врозь, Иона. Некоторое время. Тебе нужно оправиться, мне нужно понять, как... Что делать с этой ма-гией. Отпустить тебя я ещё готов, а вот терять – не хочу.

– Ты больше не придёшь ко мне?

Он всё же подвинулся ближе и лёг рядом, на одеяло. Провёл рукой по моим волосам.

– Да, я постараюсь держаться от тебя подальше. На время. Понимаешь? Ты оправившись. Чшшш, не грусти. Через десять дней я должен был быть в столице с А... с моей княжной. Будет Зимний бал, приедут дворяне, послы соседних держав. Тебе понравится столица, правда.

Я молчала. Все его слова были чертовски логичны, но более приятными это их не делало. Но мне хотелось не правильного и верного, мне хотелось поделиться огнём, который горел в сердце.

– Есть что-то... что я могу сделать, как помочь?

Алеш покосился к книгам, взятым мной из библиотеки. Они так и лежали на комод.

– Симона говорит, ты быстро читаешь. Если найдёшь что-то, что я упустил, расскажешь мне перед балом. В конце концов, Матей разговорила именно ты, а не я. Выздоровливай. Набирайся сил...

Скрипнула дверь, и в спальню вломились двое.

– Ты опять ересь опасную творишь? – это был Матей. Алеш спокойно сел на кровати и хотел было ответить, но его величественным жестом остановила женщина, которая вела ритуал свадьбы.

– Князь Олдрич, Мастер Олдрич вам дело говорит. Я прослежу за княжной Амалией, а вы займитесь магией и делами княжества.

У меня нашлись силы достаточно бодро ответить:

– Я не Амалия! Меня зовут Иона!

Женщина улыбнулась снисходительно, как учительница, у которой первоклассник правильно сложил два и два.

– Да-да, я знаю. Ты Иона. Но на балу, да и для всех в княжестве – ты по-прежнему княжна Амалия. И мне скандалы не нужны. Выйдите прочь, – бросила она Алешу Матею. И Мастер, и князь вышли. Дедуля довольно хмыкнул, а князь, перед тем как уйти, нежно сжал мою руку.

Когда дверь закрылась за ними, взгляд женщины изменился, стал мягче.

– Давай знакомиться, Иона. Я Теодора Тейтана, хранительница магии. Скажи, девонька, было у вас что с князем?

16. Магия не работает как часы

Иона

От неожиданного вопроса вспыхнули щёки.

– А это важно?

Женщина забрала у меня из рук край одеяла, который я нервно мяла.

– Ну как сказать... Алеш считает, не получилось разорвать союз, потому что вы не хотели его разрывать. Матей считает, что не надо было ничего князю объяснять. Я считаю, что причин может быть несколько. Например, мне неясно,

как горы воспринимают ваш союз. Так что я пытаюсь понять ситуацию, а не обидеть тебя или что-то ещё.

Вот сейчас у меня начинала кружиться голова. Опять. Я на мгновение прикрыла глаза, но слабость не уходила.

– Мы только целовались, – с сожалением выдавила я.

Тейтана поцокала языком и добавило тихо, как будто и не мне:

– Вот значит жезл свой к ведьме он пристраивать может, а с такой милой девочкой только целуется.

Очень сложно воспринимать информацию в таком состоянии, и я мысленно прокручивала слова снова и снова. Тейтана приняла моё молчание за смущение.

– Ты прости, я по натуре простая. А мне часто надо серьёзно и красиво говорить, положение обязывает. Наверное, с невинной девушкой не стоит говорить так непристойно.

Вот знала бы эта хранительница магии, какое романтическое кино в нашем мире смотрят.

– Ты извини, девонька. Ходил он несколько лет к Лейсе Мартич, та ещё ведьма, они... хм... предавались постельным утехам... лобызались...

Терпеть попытки взрослой женщины подобрать вежливое определение для секса, чтоб не травмировать «наивную девушку» вогнали меня в ещё большую тоску. Тейтана что-то говорила, а я не слышала. Воображение подкидывало Алеша в объятиях опытной ведьмы, и в груди что-то закипало.

– А невесты?

– Князь не спит с Амалиями, – легко бросила Тейтана, – считает, что с пустышками быть – это память настоящей рушить.

Этот выверт мужской логики был мне непонятен.

– С невестой нет, но с ведьмой нормально? Это как?

Женщина подошла к столику, налила из чайничка в кружку горячий отвар и протянула мне.

– Не думай об этом. Разве что если в столице Лейсу встретишь – помни, она жуткая стерва. Видит будущее и пользуется этим. А теперь, Иона, душечка, пей чай. Тебе станет лучше, поверь.

Аромат трав напоминал о лете, вкус был приторно-сладкий – кто-то не пожалел мёда. Но мне и вправду полегчало. Тейтана позвала горничных – те стояли перед ней по струнке. Даянке она приказала перестелить постель, а Симону позвала помогать мне в купальнях. После заставила принести обед и уселась рядом со мной. Такое внимание немного смущало.

– Вы так пристально на меня смотрите. Что-то не так?

Она намазала кусочек сыра мёдом и протянула мне.

– Держи, это полезно. Кушай-слушай. Магия – странная штука. Она не работает как часы, скорее как краска. Вот представь художника. Опыт важен, но он рисует, как чувствует. Или музыкант-менестрель. Вот где в его музыке ло-

гика? Магия работает так же. Я стараюсь сейчас присмотреться к тебе и понять, кто ты такая, что натворил Матей.

Она мяла в руках кусочек хлеба, и даже не замечала этого в своих рассуждениях:

– Мой дар – видеть и чувствовать чужую магию, а магия может слышать меня. Потому я и могу вести ритуалы Свадьбы. Мне надо тебя понять, Иона. Мужики... – Женщина поджала губы, – что князь, что Матей – не понимают, они измеряют размер магии размером камня или количеством раз. Если бы они не спешили, то и не было бы беды. Если бы дали время Матери Гор прочувствовать Алеша, заметить его дар... Сложилась бы жизнь иначе.

– И что вы видите? – Мне вдруг стало интересно. Матей говорил об упорстве, и это я понимала. Алеш импульсивно решал проблемы – что Амалию под венец, что меня разрывать союз без раздумий повёз. А Тейтана поправляла выбившиеся из причёски локоны, пила горячий яблочный сок со специями, и старалась понять, прежде чем творить что-то.

– Ну, Алеш сказал, ты назвалась Душа Гор. Такие вещи мы произносим не просто так. Магия, нити судьбы ведут всех нас. Я не знаю, в чём твоя сила, девочка, но она у тебя точно есть. И прежде чем вы снова попытаетесь разорвать ритуал, я в этом разберусь. Ну а ты поправишься и побываешь в столице. После бала вернётесь с Алешем и я сама отвезу вас в горы и помогу с ритуалом.

Мы ходили в оранжерею, болтали, мне становилось легче. Только выкинуть из мыслей князя не получалось. Особенно ведьму с его жезлом. Вот как развидеть то, что мне Тейтана сказала? Я даже на мгновение порадовалась, что князя не было рядом – иначе бы не удержалась спросить какую-то ерунду про эту Лейсу, которая видит будущее. Шальные нервы. С одной стороны, два с половиной века жить – ну так волей-неволей найдёшь хоть кого-то, и это было понятно. С другой стороны, сцены в голове жутко бесили.

Вечером я хотела было взять рубашку и бриджи Алеша и рвануть к Матею – мне надо было успокоиться, а ничто так не умиротворяло, как монотонная возня с камнями. Но Тейтана остановила меня.

– Не ходи в подземелья хотя бы пару дней, душенька. Там сила твоя теряется. Оправься до конца после болезни, а потом уж развлекай старика.

Иона

Следующие дни проходили одинаково. Мне приносили завтрак, девочки проводили меня в купальни, помогали выбрать платье, потом приходила Тейтана и водила меня по замку. Иногда мы заходили в оранжерею, чем несказанно радовали Симону и Даянку, иногда в библиотеку. Стопка взятых для чтения книг на моём столике выросла, но, даже с

привычкой читать много, быстро и вдумчиво – особенно перед сессией, не могла осилить всё, что хотела.

Тейтана одобрительно кивала на мои попытки, но старалась больше рассказывать. Например, про то, что магия есть почти у всех, просто большинство людей не догадываются и не развивают свой талант. Да и сильные способности очень редко встречаются.

– Алеш до свадьбы только цветы в камень превращал, – вспомнилось мне.

– Матей рассказал, да?

Я кивнула. Теодора налила мне еще травяного чаю и подкинула пару поленьев в жаровню – мы сидели в оранжерее.

– Даже способности Олдрича – это уже много для обычного человека. Потому нам и сложно разобраться с магией, даже за два с половиной века. То, что Мать Гор даровала князю – никто и никогда с таким не сталкивался. Духи и Высшие Силы не снисходили раньше до простых смертных, тем более не уравнивали их с собой.

Обычно... Лейса вот обычная ведьма. Предвидит будущее, но урывками, мелочами. Повлиять ни на что не может, только интриги строит да слуг запугивает.

В Катайе ещё призыватели есть, но они тоже так, больше фокусники.

Я поджала губы. Как будто других примеров нет! Не хочу думать про эту женщину, тем более когда я Алеша не вижу.

Собеседница поняла меня без слов.

– Извини, девонька. Немного у нас ведъм, вот в голову идут сразу те, кого знаю. Ты не думай о том, что раньше было у князя, он здесь очень долго. И, надо признать, мы с кравчим даже Мартич радовались, потому что князь хоть немного оживал. Только вот мы ни разу не видели, чтоб он улыбался так, как рядом с тобой.

Вот теперь и я не могла спрятать улыбку.

– А что же со мной, Тейтана?

– Есть у тебя тоже магия, чем-то на князя похожая. Только разобраться я не могу пока, ты не восстановилась ещё до конца, огонёк силы очень слабый.

Послышались лёгкие шаги по дорожке. Симона подбежала к нам и остановилась. Поклонилась – что в моём присутствии давно перестала делать.

– Княжна Иона, Теодора Тейтана. Там Штефан пришёл для примерки.

Женщина легко поднялась и махнула горничной:

– Убери, милая. Потом возвращайся, поможешь с примеркой княжне.

Меня не радовала встреча со Штефаном, хоть он и извинился, списав всё на пьянку, менее мерзким его это не делало. Тейтана заметила моё недовольство.

– Он неприятный тип, но портной великолепный. Если захочешь, Алеш возьмёт тебе любые наряды в столице, но для бала и церемоний традиционно шьёт Штефан.

В спальне на кровати были разложены несколько светлых платьев, расшитых драгоценными камнями. Бархат, шёлк и атлас. Серебряные и золотые нити. Красиво, конечно, но тяжело. Тейтана указала мне за ширму. Вернулась Симона, и они с сестрой помогли мне облачиться в первый наряд. К этому платью прилагался широкий розовый пояс, несколько раз оборачивающийся вокруг талии и спускавшийся длинными лентами сзади.

Когда я вышла из-за ширмы, Тейтана одобрительно кивнула. В дверь постучали, и кто-то из слуг окликнул женщину, говоря что-то про нерадивого садовника и не топлённую вовремя печь.

– Я вернусь через пару минут, – величественно бросила она, и, ругаясь себе под нос совсем некультурными словами, вышла за слугой. Садовника оставалось лишь пожалеть. Стоило шагам стихнуть в коридоре, как Штеф вдруг взмахнул руками.

– Девочки, сбегайте в мою мастерскую. Я не тот пояс взял, нужный на столе лежит, он расшит ландышами. Можете вдвоём, если подземелий боитесь. Не успела я и слова сказать, как Симона с Даянкой вышли тоже. Симка, правда, затравленно оглянулась и посмотрела на меня, прошептав «Мы мигом, княжна!».

Мы со Штефаном остались наедине. Он совершенно спокойно, даже аккуратно размотал пояс и убрал его.

– Извините, княжна Иона, за прошлое. Но вы тоже осторожнее будьте. А то ведь вам расскажут сказок. А правда-то внизу стоит и молчит. Надо лишь разбудить и спросить...

– А тебе какое дело?

В его взгляде был странный огонь. Злость, досада, желание. Сложно было понять.

– Я вам скажу секрет, княжна. Мне нравилась Амалия. И я не хочу, чтобы Алеш, – он сплюнул, – угробил ещё одну настоящую, живую девушку. Пусть с ведьмой спит.

Мне вспомнилась ночь после свадьбы.

– Ты поэтому соблазняешь этих... невест против воли? Это мерзко.

Он усмехнулся.

– Мерзко... Князь с Амалиями не ложится, дабы память свою не оскорблять, а с ведьмой спит. Даже вот после вашей свадьбы катался, а после Лейсы, к тебе примчался. Не веришь – спроси слуг, все тебе скажут, что Алеш ездил в Орген.

А я, наоборот, хочу помнить Амалию, поэтому больше ни с кем не сплю. Так что ещё вопрос, как правильнее...

– Вот, держи! – вернувшаяся Симона протянула портному зеленовато-синий пояс, расшитый белыми ландышами, – А о чём вы говорили?

– Как правильно пояс завязывать, – усмехнулся портной.

Через две минуты вернулась Тейтана, посмотрела на мой

наряд, довольно кивнула, и мы продолжили примерку. Дальше было ещё несколько платьев, но одно меня впечатлило больше всего. Лиф из гладкой ткани лазурного цвета открывал плечи и декольте, а вот юбка была выполнена из чуть более тёмной ткани и вышита мелким светлым жемчугом от пояса до подола. Пока я стояла, юбка казалась белой, но стоило сделать шаг, как в просветах между вертикальными линиями бусин проглядывало сине-зелёное полотно.

– Красиво... – восхитилась Даяна.

– Ладно, это для бала и оставим. Всё, Штеф, можешь идти.

Когда дверь за ним закрылась, Тейтана повернулась ко мне:

– Всё хорошо?

Мне оставалось лишь кивнуть. Ничего ведь не произошло.

– Он учил княжну вязать пояс, – произнесла горничная. – Ничего такого.

Хранительница магии кивнула.

– Ладно, тогда оставлю тебя на Симону с Даяной. Мне надо заняться персоналом. Кажется, кое-кто забыл, что сейчас зима и что теплицы без печей погибнут.

Я кивнула.

Остаток дня я читала книги. Самой интересной оказалась случайно взятая история о значении камней в купальнях. Я уже слышала, что я в своей набираю силы, а князь – теря-

ет. Купальни с зелёными камнями улучшают мысли и дают спокойствие. Больше всего меня смутила история про красно-жёлтые самоцветы.

Я отослала горничных после ужина, и сама спустилась к источникам.

Подошла к знакомой купальне и, недолго думая, просто шагнула с бортика, тут же уйдя под воду, которая тут же ласково обняла меня, будто тёплыми руками.

«...потому что только влюблённые люди чувствуют влечение в купели желаний. И только любящие смогут передать тепло прикосновений тому, кого хотят чувствовать рядом...»

– Алеш... – прошептала я, обняв сама себя за плечи, закрыв глаза и представляя, что это его руки... Интересно, он почувствует моё тепло? Посчитает ли магия камней мои чувства за любовь?

Алеш

В первый же вечер хранительница собрала нас на серьёзный разговор. Хотела остаться в библиотеке, но Матей упёрся и не захотел подниматься. Пришлось нам спуститься в мастерскую, и там уж мне досталось. Тейтана и Матей ясно дали мне понять, чтоб я держался от Ионы подальше и подольше.

– И на бал ты, князь, поедешь верхом, а девочка – в санях! Всё врозь! Никаких горных пещер! Никаких обнимашек! Вы

и так в столице три дня и две ночи будете, как она выдержит, не представляю!

Тейтана расхаживала по залу и выговаривала мне, временами вставляя крепкое словцо, впрочем, в рамках приличий.

– А я говорил... – проворчал Мастер Матей, и тут же получил ответку от хранительницы:

– Ты ерунду девочке сказал. Но со мной такой номер не пройдёт. Выкладывай.

Старик отвернулся. Он явно не хотел раскрывать карты, вертел в руках напильник. Мы молча ждали. Тейтана, правда, нервно постукивала каблуком. Я задумчиво трогал разложенные на столе бусины лунного камня.

– Мастер Матей, не ваша ведь работа, – вырвалось у меня. Слишком тонко, слишком нежно. Да и украшения старик не баловал, даже бусины для Штефа большей частью заставлял делать подмастерье в городке.

– Верно. Это девочка сделала. У нее родители были старатели, искали месторождения. Говорит, хотела свою лавку открыть после учёбы.

Мне на память пришли источники, и её вопрос, что я хотел делать до встречи с Амалией.

– Знаешь, тогда я хотел свободы. Думал, научусь у Матея, заработаю немного денег, у меня будет своя мастерская... Чего ты улыбаешься?

– Это звучит... просто и спокойно.

Тейтана пожала плечами.

– И что с того? Ты нас не путай, старый!

– Ой ли, – проскрипел Матей, – кто бы говорил, нашлась молодуха!

Хранительница фыркнула:

– Да мои полвека рядом с твоими тремя и рядом не стояли! Рассказывай, не юли, старый лис.

Дед поморщился и отложил инструмент с недовольным видом.

– Вот не умеете вы просто следовать за магией... Почему Горы считали каменную Амалию за настоящую, как думаете?

– Потому что внешне она...

– А вот и нет, недоучек! А вот и нет! – Матей, как в давности, торжествовал от моего неверного ответа. Раз я ошибся, значит, он может меня учить. – Я призывал дух горного ветра, ты это знал ведь?

Кивнул, не понимая, куда старый мастер клонит. Тогда, в начале, я старался вернуть Амалию, а не разобраться в том, как Матей создаёт замену.

– Мать Гор растворилась в горных ветрах, дурашка. Всё просто. Душа горного ветра всегда несёт в себе немного её силы. Малую часть, но достаточную, чтобы в вкупе с внешностью и обрядом, магия считала её Амалией. Год от года я немного менял внешность... Ты не замечал этого, потому

что не всматривался. Но я каждый раз хоть что-то да менял. В какой-то момент я решил: а что, если призвать не душу ветра, которая несёт мелкую часть силы, а найти саму Душу Гор? Есть же кто-то, кто имеет подобную магию? Пусть не в нашем мире, так в другом. Заказал манускрипты из Катайи, у них там природные маги редкость, а вот всякими призывами они балуются. Дождь могут призвать, например. Даже духов в посуду запечатывали.

Вот я с их формулами и баловался. Думал, девушка сможет разорвать союз сама, как когда-то Мать Гор заключила его.

От логики мастера у меня закончились слова. Зато у Тейтаны нашлись.

– Это что же, старый хрыч, ты душу матери в тело дочери запихал?

– Что? Нет, конечно! Реку невозможно повернуть вспять, разлитую силу не соберёшь... Алешу ли не знать. Я искал такую Душу, чтоб горы её признали. Неважно, из какого мира. Ну и выдернул из какого-то... Только вот наша магия не работает как часы. Иона милая девонька, да только и силу твою, Алеш, не выдерживает, и горы её не слушают. Камни, правда, любит. Тебя, мальчишку, напомнила...

Я прервал старика.

– Горы её слушают, так же как Амалию.

Пришлось рассказать больше подробностей про поездку

к камням и попытку разорвать союз.

– Когда мы произносили слова, магия определённо чувствовалась, – заметил я, – но чего-то не хватило. Тогда мне и подумалось, что слов было мало, ведь мы друг друга отпустить не хотели.

Тейтана прекратила отбивать ритм каблуками и скрестила руки на груди.

– Вы с Матеем – дурачье. Только мужики такими и бывают. Вижу цель, не вижу препятствий. Ладно Алеш, увидел и влюбился – и не спорь, влюбился, сам знаешь, купелька-то не врёт. Но ты, старик, что ты учудил? Ты же понимаешь, что если союз не разорвать, то девочку ждёт та же участь, что и остальных невест?

Память беспощадно подкинула Амалию, которая навечно осталась в мастерской. И тут же затмила всё мыслью: а что, если бы Иона осталась камнем в моих руках? Нет. Не позволю.

Матей пробормотал что-то в духе «её душа наверное вернётся обратно в тот мир». Я встал и сжал кулаки, не замечая того, как перестаю контролировать силу. Стул сзади меня из дубового стал сердоликовым тронem.

Матей и Тейтана отшатнулись, но я уже взял себя в руки.
– Что значит «наверное»? А, Мастер? Наверное, ты придумаешь, как вернуть Иону обратно, неважно стану ли я свободен или ты сделаешь мне новую... невесту, – последнее слово я выплюнул. Раньше Зимняя Свадьба казалась мне на-

казанием, но если на кону жизнь девушки – то мне плевать на это вечное колесо праздника и проклятья.

– Окстись, князь, ты Матея запугал, – Тейтана взяла меня за руку. – Давай поступим как взрослые люди. Сейчас ты Иону не повезёшь разрывать ритуал, ей надо отойти. Потом всё-таки я бы посоветовала тебе съездить с ней в столицу. Потому что слишком много людей зависит от соглашений с правящей династией Катайи, и ты прекрасно знаешь, как их послы и принцы любят твой Зимний Бал. Кстати, причёску твою новую они тоже оценят. После того, как вы вернётесь, мы поедem в горы и попробуем разорвать союз снова, но в этот раз я попробую направить нити магии. До этого мы все четверо – да, четверо, Иону это касается, стараемся разобраться в том, что же наворотил Матей в магии.

Хранительница внимательно посмотрела на меня.

– Ты же понимаешь, мы тебе не враги, Алеш Олдрич.

Рассуждения хранительницы были верны, и всё же я не находил себе места. Каждую ночь я сидел с Матеем и пытался снова понять рассуждения вздорного старика. По всему выходило, что он буквально ткнул магией в небо, да призвал Душу Гор из другого мира. Манускрипты Катайи говорили о жертвах, нужных для призыва. Матей лишь показал в одну из куч с рубинами и турмалинами. Ну да, что для некоторых ценность, для нас «так, камешек заваялся».

Я устал, старик вникал во всё это десятилетиями, а мне надо было разобраться за десять дней. Где-то на середине я поднимался утром от мастера с кипой бумаг, и увидел, как впереди идёт Штеф с охапкой платьев. Стоило замедлить ход, чтоб портной меня не заметил. Выждав и поднявшись следом, я оставил бумаги у себя и открыл дверь гардеробной. Если этот мерзавец хоть что-то скажет, если Иона хоть слово произнесёт грустно при нём – войду, и каменной станет уже не рубашка.

Почти всё время в спальне была Тейтана и горничные, но даже когда они вышли, Штеф просто что-то бормотал про пояс. Кажется, он усвоил урок. Как только вернулась Симка, я зашёл к себе и сидел за бумаги допоздна. Глаза слипались, хотелось отдохнуть, но вдруг я почувствовал, будто кто-то нежно обнял меня сзади. В спальне было пусто, но прикосновение ощущалось реальным до покалывания на коже. Как будто девушка была рядом, как будто она запускала пальцы в подстриженные ею волосы...

– Иона... – прошептал я.

17. Касание

Алеш

Я закрыл глаза и поддался ощущениям. Нежные руки раз-

минали мои уставшие плечи, гладили и ласкали, заставляя уйти напряжение и усталость.

Лёгкие касания расслабляли, я откинулся на спинку кресла и растворился в образе Ионы. По спине пробежали мурашки, а несуществующие прикосновения спустились по груди, по напрягшимся мышцам живота ниже... И тут же, словно испугавшись, поднялись обратно. Робкие прикосновения, но такие нежные, такие настойчивые...

Брюки внезапно стали тесными, чувства накалились до предела, я закусил губу и тут же ощутил, как по ним провели пальцем, очертили скулы, снова запутались в волосах.

Турмалин на запястье запылал как рубин, заставив меня понять, что происходит.

Это не мечта и не сон.

Это её дыхание, её прикосновения, её желания. Пусть она и не рядом со мной, но магия воды позволяет ей творить такое.

Руки меж тем то и дело доходили до моего пояса, но ниже не спускались, то ли дразнили, то ли боялись.

Я шумно выдохнул.

Девушка продолжала играть. Нет, окажемся мы в столице рядом, придётся показать ей, что в реальности ни смущаться, ни бояться не стоит. И уж тем более не стоит меня дразнить. Она тем временем продолжала обнимать, прижиматься щекой к спине... Так хотелось поймать эти руки своими!

Но в моих пальцах оставалась лишь пустота.

Мягкие невесомые губы коснулись моих губ, а потом пропали.

Я замер и в повисшей тишине услышал, как кровь стучит в висках. Продолжения не было.

Усталость стёрло волной невидимой нежности, удары сердца возвращались к обычному ритму, а вот разум не желал успокаиваться.

Не выдержав, я сам шагнул в зал с источниками. Там было пусто, должно быть, Иона уже ушла. Что ж... Возможно, это ребячество, но мне захотелось отплатить ей той же монетой.

Я шагнул в тёплую воду в обрамлении алых и жёлтых камней, которые сейчас напоминали огонь, горящий внутри меня.

Едва я оказался в воде, как меня накрыло желанием куда более сильным, чем я испытывал до этого. Ещё и потому, что Иона будет чувствовать всё, что я хочу.

Например, как я касаюсь её губ, совсем не так мягко, как она моих. Нет, я требователен. Я хочу, чтоб она ощущала мои пальцы на шее, на плечах, на груди... Как я расстёгиваю её рубашку, как очерчиваю касанием ореолы сосков. Безумно не хватает её стонов, надо будет потом спросить, как ей спалось в эту ночь.

Но это потом... Сейчас я буду касаться её живота, внутренней поверхности бёдер... Точно так же невинно, как и

она. Не переходить границу этой странной нереальной реальности, оставляя для настоящей встречи самое горячее.

А сейчас я играю точно так же как она, с нежностью провожу пальцами по воде, зная, что в этот момент Иона дрожит от ощущений, от того, как я провожу по ложбинке между грудями.

Это безумно волнует, хочется закинуть её длинные волосы на одно плечо и целовать шею, потом спуститься к ключицам, груди...

Как же сложно удержаться и не заставить княжну почувствовать дрожь на внутренней стороне бедра... Я хочу всё то проверить в реальности. Безумно хочу и внезапно понимаю очевидное: если мы были просто влюблены, то вода усилила бы желание, только когда бы мы находились вдвоём. Сила ощущений зависит от глубины чувств... Проклятье! Я сжал кулаки и вышел из бассейна. Нет, сначала надо разобраться с магией гор. Не позволю, чтоб с Ионой что-то случилось.

Иона

Сначала это было баловством, игрой. Желание, ощущение на кончиках пальцев. Я не верила до конца, что Алеш действительно ощутит мои касания. А потом я будто оказалась рядом с ним, будто это я разминала затёкшие плечи, растрёпывала волосы, касалась груди, чертила пальцем узоры на его коже.

Да, я вела рукой по воде, но в то же время я была в спальне любимого мужчины, слышала, как быстрее стучит сердце.

Он попытался поймать меня за запястье, но смог схватить лишь воздух.

Ещё немного и я бы вышла из воды и пошла бы в его спальню сама. Ещё немного, и...

Я-то хотела ощутить влечение, а не передать. Потому что иначе выходит, что я так сильно люблю его, что магия работает на полную.

Лёгкий поцелуй – и страх. Не хочу, не хочу влюбляться. Так или иначе, мы всё равно расстанемся, я или погибну, или вернусь домой. Я сейчас пару дней не вижу Алеша, а уже лезу в сомнительные купели, а как будет больно, если оставлю его навсегда? Не хочу об этом думать.

Хочется убежать – хотя бы в спальню, спрятаться под одеялом, обнять себя и пытаться не реветь, а думать логически. Может, встать и читать книги. Нужно помочь найти ответ... Только нашла силы усесться на кровати, как почувствовала крепкие мужские руки. Теперь я поймала воздух за запястье.

В одиночестве спальни я упала обратно на постель. Дрожь не остановить, дыхание сбилось. Алеш не останавливался, ответно касаясь куда более бесстыдно, чем я позволяла себе. Волна возбуждения выбросила прочь сомнения и ненужные

мысли. Раз я это чувствую, значит... он тоже меня любит.

– Не отпускай меня, – шептала я, – продолжай Алеш...

Но он остановился, оставил меня с растрёпанными волосами, расстёгнутой рубашкой и с диким желанием наплевать на все правила и запреты.

Накинула халат, и в полумраке шагнула в гардеробную. Мимо дорогих платьев, мимо вышивки с ландышами и розами, мимо меховых плащей, мимо зелёных рубашек и камзолов князя...

Дверь была не заперта.

В его спальне горели свечи, а на столе лежала кипа бумаг и книг. Он сидел спиной ко мне и вчитывался в текст. Тихо, стараясь не шуметь, я ступила на мягкий ковёр, подошла сзади и положила руки на плечи.

Алеш вздохнул и откинулся на спинку стула, подставляясь под мои руки. Касание шеи, груди... Я прижалась щекой к его макушке, нос щекотали чуть влажные пряди, пахнущие горной свежестью.

– Что, решила реванш взять? – прошептал он.

– Да...

Князь вздрогнул и резко обернулся. Я увидела сначала неверие, потом радость, а затем страх.

– Думал, это опять магия. Тебе нельзя долго со мной быть, Иона.

У меня вырвался смешок.

– А я недолго. Недолго, Алеш...

Безумно нравилось, как звучит его имя. Можно произносить мягко, лаская языком последнюю «ш», растягивая звучание на мгновение дольше.

Князь встал, стул упал от резкого движения, я отступила на шаг. Не от страха, а от внезапности. Я оказалась в крепких мужских объятьях. Сейчас уже Алеш дышал мне в волосы, а после чуть отпустил, коснулся пальцем губ и произнёс:

– Когда ты мечтаешь... будь уверенней, Иона. Может ведь и сбыться.

Поцелуй превзошёл все фантазии и подтвердил его слова. До этого, когда мы целовались на ритуале, даже когда были в пещере... Было иначе. Сейчас я хотела одного – лишь бы князь не останавливался. Лишь бы не переставал требовательно и даже отчаянно целовать, лишь бы продолжать чувствовать его дыхание, его горячие губы.

Я обнимала его в ответ. Хотела вернуть ему каждый вздох, каждое движение. А потом потребовать обратно.

Князь чуть отстранился, коснулся моей щеки, заставив меня вздрогнуть, и хрипло произнёс:

– Отчаянная... смелая... как горный ветер.

Он нежно гладил меня по щеке, проводил рукой по шее. Его голос звучал низко, хрипловатые нотки зачаровывали.

– Не хочу тебя отпускать, Иона. Ни сейчас, ни позже. Но терять не желаю вовсе.

– Так и не надо. Давай попробуем разобраться вместе? Не отказывайся, – не зря училась же. Какие объёмы инфор-

магии переворачивала к курсовым и экзаменам! С магией и подавно разберусь. Не хотелось, чтоб он держал меня за принцессу, которую надо спасать. Доказывать ничего не пришлось, князь коснулся моего запястья, обжёг прикосновением кожу вокруг розового камня.

– Возможно, я соглашусь, Матей тебя хвалил. Но Иона, не сегодня. Тейтана права, тебе надо набраться сил. Если вычитаете что-то интересное – говори ей, потом обсудим. А сейчас... – Алеш легко поднял меня на руки и отнёс в мою спальню, уложил на кровать и укрыл одеялом.

– Скажи, пожалуйста... – мои тихие слова он услышал и понял, улыбнулся, нежно произнёс своё:

– Спи, Иона. – и тут же обжёг горячим шёпотом, – потому что будет ночь, когда я тебе спать не дам.

До поездки оставалось немного дней, и я посвятила их библиотеке. Море нового узнала, например, то, что систематизацией магии здесь никто не занимался. Да, Алеш собирал манускрипты по силам природы, а Матей – о каменном искусстве, Тейтана – про других магов, и растения.

И всё!

– Здесь по магии собрано больше книг, чем в столице, – важно произнесла Тейтана. Я лишь вздохнула. Книг много, но внятного учения нет. Напоминало историю науки Сред-

них веков, где всё было невероятно сумбурно. Что ж, может и здесь лет через триста магия превратилась бы в нечто понятное, но мне надо было сейчас.

– Тейтана? Как на счёт мозгового штурма?

Она меня не поняла и пришлось пояснить:

– Сесть вчетвером и обсудить, предлагать разные идеи, какие бы странные они ни были.

– Мы так делали, Иона. Не помогло.

– Да, но без меня!

Тейтана хмыкнула. Она с уважением и некой завистью смотрела на моё усердие и то, как быстро я читала, и то, как внимательно конспектировала.

– Ты тогда болела, милая. Приедете из столицы – сядем и обсудим. Может, поможет. Твоё рвение очень заряжает, знаешь ли.

Ох, знала бы эта славная женщина, откуда берётся моё рвение!

Мы с Алешем каждую ночь заходили в купальню. И по очереди доводили друг друга до изнеможения. Причём совсем уж далеко не заходили. Поцелуи, касания рук. Ничего больше. Но и не меньше!

Я невероятно сильно хотела – ту ночь, которую обещал мне князь. Ночь в реальности, когда спать не придётся.

Дни пролетели быстро, и вот Симона с Даянкой уложили наряды, Матей принёс коробочку турмалинов (бросай для

здоровья в ванну камешек, а то и два!), Штефан вручил новый плащ.

– Держи, княжна. Вы берегите себя, это ведь он силу на Амалию выпустил.

– Матей говорил...

Портной фыркнул.

– Дедуля давно утратил связь с настоящим. А ученика он всегда любил больше меня. Да и к тому же что было внизу, в мастерской на самом деле знают только двое: князь и Амалия. Он-то не скажет, что извёл невесту, чтоб самому горами владеть.

– Уйди прочь. Я тебе не верю.

– Как знаешь. Но правды ты от них не услышишь. Заметь, я свою версию не предлагаю, я предлагаю спросить у Амалии... Пробудить, надо только немного силы...

Вошла Тейтана, и Штеф тут же поклонился и исчез.

– Ты чего такая задумчивая, а? Выспись, завтра с утра долгая дорога.

Я кивнула, а из головы не шли слова Штефана.

18. Ландыш, танцы и ведьма

Иона

В столицу ехали врозь: мы с Симоной и Войтом в санях, а князь унёсся вперёд верхом. Сейчас поездка нравилась куда

больше, чем когда в первые дни. Во-первых, правил Войт, а он берег и меня, и себя. Во-вторых, мы спускались по хорошо накатанной зимней дороге, которая становилась всё шире и шире, а не поднимались по узкому серпантину через лес.

Можно спокойно наслаждаться видами небольших посёлков с ухоженными крепкими домиками, которые будто сошли с альпийской открытки.

– Вас впечатлит столица, это очень большой город, – предположил Войт. Я вежливо кивнула кравчему. После обычного областного центра вряд ли может впечатлить средневековый город.

Но когда мы подъехали, я всё же восхищённо вздохнула. Дело было не в размере. Широкие прямые улицы вели между каменных домов, стены почти везде были украшены искусной резьбой. То тут, то там встречались огромные каменные цветы на длинных, в два человеческих роста, стеблях.

– Фонари, – опередил кравчий мой вопрос. – Надеюсь, князь погуляет с вами вечером. Здесь очень красиво.

Мы заехали в ворота изящного замка. Здесь было больше деревьев, чем камня, огромные окна, витые лестницы, уютные комнаты и куда теплее, нежели в горах.

Кравчий провёл меня в спальню, где Симона уже раскладывала платья. На столике стоял букет ландышей.

– Князь сказал, чтобы вы отдохали с дороги, – произнесла горничная, помогая мне снять плащ. – А вот ужин...

– Войт! – я успела окликнуть мужчину до того, как он ушёл, – передайте князю, что у меня полно сил и я хочу поужинать с ним. Пожалуйста.

Он кивнул и покинул спальню. Вскоре вернулся и с улыбкой кивнул:

– Княжна Иона, будьте готовы к шести, я вас провожу.

Я долго выбирала платья, в итоге остановилась на одной из богатых версий будничного наряда, расшитого ландышами. Симона заплела мне косу, заколола пряди шпильками с драгоценными камнями. От тяжёлых и дорогих ожерелий я отказалась, оставила только капельку из лунного камня, подаренную Матеем.

Встречу ждала с замиранием сердца. Когда Войт открыл передо мной двери в небольшой зал с камином, где был накрыт стол, я первым делом шагнула к Алешу. Уткнулась ему в грудь и обняла. Он крепко обнял меня в ответ. Мы бы стояли так вечно, но сзади кашлянул Войт. Князь ответил, не разрывая объятий:

– Я сам поухаживаю за девушкой, кравчий. Можешь идти.

– Как скажете, князь.

Войт закрыл дверь с обратной стороны. А мы продолжали стоять, наслаждаясь близостью друг друга.

– Ты такая красивая, – он отпустил меня и предложил сесть, – почему ландыши, Иона?

– Здесь, в спальне стояли ландыши. Поэтому я решила

и платье такое выбрать. Так мило поставить цветы к моему приезду...

Князь нахмурился на мгновение, или мне показалось? Наверное, померещилось, потому что Алеш снова улыбался, наливая мне травяной настой с мёдом из чайничка у камина. На столе стоял ароматный мясной пирог, горшочек с ароматным рагу, свежий хлеб, сыр, фрукты.

– У тебя лаконичные ужины, – не удержалась я.

– А что, в твоём мире принято больше блюд?

– Нет... В моём мире скорее другое представление об эпохе вроде вашей. И о богатстве тоже.

Алеш улыбнулся.

– Завтра будет приём, сама увидишь. Я тоже умею в «богатство» когда надо соответствовать высоким гостям. А так... я сам был рабочим, хоть и очень давно. Не люблю заставлять людей делать пустое, больше пары блюд мы с тобой вдвоём всё равно не съедим. Да я и не советую тебе сильно наедаться.

Я опустила ложку на полпути ко рту.

– В каком смысле?

– Ты ешь, не бойся.

Он усмехнулся, сломал кружок бри и макнул хлеб в мягкий сыр. Я всё-таки доела свою порцию рагу и позволила себе попробовать маленькие кругляшки сыра в специях. Алеш рассказывал, как строил город, я с удовольствием слушала.

Потом он щёлкнул пальцами и откуда-то заиграла тихая музыка. Он встал и протянул мне руку.

– Сегодня я хочу... – он намеренно выдержал паузу, наблюдая, как загораются мои глаза, а потом закончил, – проверить, как ты умеешь танцевать. Приём и Зимний Бал – важные мероприятия, и княжна Алаурии должна быть прекрасней всех.

– А после танца? – жалобно спросила я.

– А после ты отдохнёшь, Иона.

Он обнял меня за талию, прижал к себе, сделал шаг, и я неловко повторила за ним бальные па, наступив в итоге ему на ногу.

– Расслабься, Душа Гор, – произнёс он и улыбнулся, – А ещё лучше закрой глаза, доверься мне, и всё получится. Я тебя держу. Вот так... да. А сейчас опусти руку немного. Повернёмся. Ещё раз. Видишь, отлично получается.

Я открыла глаза, мы продолжали танцевать. В какой-то момент па закончились и остались только объятия, ощущение безмятежности и даже счастья.

Алеш остановил танец, отпустил меня. Да что там – практически выгнал, проводив до покоев.

– Отдохни сегодня, Иона.

Я прижалась к его груди.

– Не хочу отдыхать. Хочу остаться с тобой...

Меня тянуло к нему, совершенно необъяснимо. Если в купальнях, да даже в горах я ещё пыталась понять, задава-

лась вопросом: как настолько быстро мы дошли до такой невероятной связи, до такого водопада чувств? То сейчас мне уже это было неважно. Сейчас я желала лишь того, чтобы поток нёс нас дальше.

Но князь меня остановил.

– Мне надо... кое-что выяснить. Но мы продолжим, на чём остановились.

Он выглядел озабоченным. Странно, с чего бы?

– Ты расскажешь мне после?

– Конечно, – Алеш легко и целомудренно поцеловал меня в лоб и вышел.

Я слышала, как в коридоре он окликнул Войта, и приказ найти кого-то. Симона тем временем приготовила мне ванную, кинув туда пару волшебных розовых камней.

Хотя я и отдохнула, уснуть не выходило. Ворочалась, вспоминала красно-жёлтую купель, и скучала хотя бы по таким косвенным ласкам.

Утром мы прогулялись по площади с красивыми каменными фигурами, прошли по лавочкам, где всё то и дело пытались нас чем-то одарить. Алеш улыбался и принимал подарки.

После Симона потратила много времени, укладывая мои волосы в сложную косу, помогая мне облачиться в бальное платье, тоже изображёнными ландышами. То, волшебное, с

юбкой, расшитой жемчугом, оставили на завтрашний вечер.

К назначенному времени Алеш встретил меня, взял под руку и замер, рассматривая мой наряд. Восхищение? Нет, он хмурился.

– Это ты просила Штефана вышить ландыши?

– Нет. Он даже пояс сначала приносил другой, с розами.

Князь нахмурился.

– Завтра закажем тебе новые платья здесь. Мне это не нравится.

Непонятно было в чём дело, но я кивнула. Платье мне нравилось, смущала только личность портного, и я бы не отказалась от возможности надевать вещи, не думая о том, чьи руки её трогали и с какими мыслями.

В бальном зале собралось, наверное, сотня людей. Богатые костюмы, разные причёски, разная речь. Я очень быстро сбилась и перестала запоминать имена. Самым сложным было продолжать улыбаться, когда меня называли Амалией. Но кроме – это был волшебный вечер. Алеш то и дело отвлекался, отвечал на вопросы о торговых путях, о погоде, налогах и ещё множестве вещей, которых я не знала в этом мире. Только могла удивляться, как князь помнит всех людей и сколько всего знает.

Коротко стриженная пара, которых представили как по-

слов Катайии, приветствовали нас очень эмоционально, чуть ли не рукоплескали князю. Как я поняла, из-за его короткой стрижки.

– Это всё моя... – Князь сделал паузу, и я поняла, что он не хочет называть её имя. Алеш нашёл выход, – моя княжна предложила.

– Леди Амалия, наше вам уважение, – поклонились послы.

Приём шёл своим чередом. На столы приносили яства, и да – Алеш умел играть в «богатство». Играли музыканты, и многие пары танцевали.

Пока Алеш разговаривал с одним седовласым мужчиной, я поймала взгляд статной пышногрудой блондинки. Она смотрела на меня со странной смесью страха и ненависти, но стоило столкнуться с ней взглядом, как та отвернулась.

Через какое-то время она подошла сама.

– Княжна Амалия? Будем знакомы, я леди Лейса Мартич.

– Будем, – мне сразу вспомнились слова Тейтаны. Ведьма, значит. Любовница Алеша.

– Скажите, княжна... Вы не боитесь? – женщина начала разговор осторожно, будто опасаясь меня напугать.

– Чего я должна бояться?

– Ну как, ходят слухи... князь живёт так долго потому, что тянет силу из вас. Вы ведь постоянно болеете, редко бываете в столице... Да и выглядите бледно. Раньше вы были

ярче, волосы темнее...

Лейса, наверное, единственная заметила разницу между мной и Амалией. Списала, конечно, на иное, но... Остальным, кажется, хоть куклу держи рядом с князем.

– Бывало разное, но сейчас мне лучше, – сдержанно ответила я, – и вам, леди Мартич, нет нужды больше... греть князя.

Она прищурилась и немного отбросила приторную вежливость.

– Я его не заставляла, он приходил сам. И вы это знаете, княжна. Как и то, что вам суждено умереть. Смерть витает вокруг и только разрыв союза вас спасёт. Вам надо попробовать ещё раз!

Она меня удивила. То есть Тейтана не преувеличила ни капли, когда говорила про дар предвидения. И мне пришла в голову отчаянная мысль. Мартич очевидно, до сих пор хотела князя, и, возможно, занять моё место. Но она не могла знать про попытку.

– О, так вы и вправду видите будущее, Лейса. Может, скажете, как разорвать союз?

Ведьма удивлённо замерла и уставилась на меня.

– Ммм, леди Мартич? Не молчите, вам нехорошо?

Та покачала головой, взяла у проходившего мимо слуги бокал пунша и выпила залпом. У нас разные мотивы, и разная конечная цель. Но локально – мы обе заинтересованы в успехе разрыва клятвы. Всё, что услышу от Лейсы, расскажу

в замке Тейтане, чтоб не попасть в ловушку. Но раз она видит будущее – глупо это не использовать. Только вот надо выкинуть из головы образ Алёша с этой знойной дамой.

– Или вы думали, я стану спорить? Позвольте, мне это неинтересно. Так вы сможете заглянуть в будущее и узнать, как разорвать союз?

– Я... подумаю. – Лейса на самом деле стала серьёзной, – но, девочка, назад дороги не будет. Я найду способ, как тебе сообщить.

Алеш стремительно возвращался ко мне и Мартич ретировалась.

– О чём вы говорили? – спросил он грозно.

– Я расскажу тебе... после, – мило улыбнулась я.

Алеш

То, что некоторые камешки падают на дороге не просто так, можно понять, лишь пройдя достаточно длинный путь. Один осколок ничего не значит, но если ты встречаешь такой же через час пути, через два, через три... наверное, в этом есть смысл. Может, кто-то ронял их перед тобой, намеренно или нечаянно.

Амалия любила ландыши, и это был первый цветок, что я сделал для неё. Тогда ещё руками, из обрезков лунного камня, с трудом найдя цельный кусочек змеевика на лист. Этот цветок остался в снегу около останца, и мы его даже не ис-

кали. Я раньше думал, что случайно кто-то из горняков или приказчик нашёл ландыш по весне, но если кто-то знал, что цветок там?

Кто-то, говоривший в шутку о том, что я гуляю с девушкой. Кое-кто знавший и меня, и бывавший у князя.

Человек, которому доверял и князь с приказчиком, и, пусть относительно, доверявший я.

Никогда не обращал внимания на бесконечные вышивки Штефана, потому что Амалия любила ландыши. Мы всё – и я, и Матей, и Штеф – замерли, остановились в одном моменте времени, и то, что на платьях ежегодных невест те же цветы, казалось мне логичным.

Но ландыши в комнате Ионы – я не просил их ставить. Моя нынешняя княжна – совсем другая. Надо будет узнать, что за цветы она любит.

Войт сказал, что одному из мальчишек заплатил Штефан и попросил украсить спальню княжны. Попросил... для Амалии. Вспомнилась ночная сцена в спальне княжны.

Я был полный дурак. Штефан хотел её всегда, с самого начала. Он надеялся, князь нас разлучит, и не ждал того, что случилось позже.

– Хорошо, к нему я тоже присмотрюсь, – вздохнул кравчий. – Вы просили ранее узнать про леди Мартич...

Заметив, как я напрягся, Войт продолжил докладывать:

– Так вот, Лейса носит фамилию Мартич после замужества, это верно. Она вдова Яна Мартича. Но вот бабушка Лейсы была урождённая Мартич, выданная замуж на сторону. Насколько я понимаю, внучка того князя, который правил в ваше время. В этом свете я бы ей не доверял. И даже со двора изгнал бы на всякий случай.

Войт по-прежнему боялся Лейсу, сомнений здесь не было. Однако теперь желание Лейсы занять место княжны Амалии выглядело не только корыстным, но и попахивало мезостью.

– Не могу так просто её прогнать со двора, она представляет Орген, и без причины устраивать скандал – дело ненужное. Подумаю, как обезвредить её после праздников.

Однако наблюдая, как Лейса разговаривает с Ионой, я остро пожалел о своём логичном, в общем-то, решении. Сейчас во мне говорил не спокойный политик, а нервный мужчина, девушке которого говорит гадости вредная бывшая.

Когда я подошёл, нервной выглядела уже Лейса, она махом ретировалась, смерив меня очень странным взглядом. Иона тем временем выглядела задумчивой, но довольной.

– Я скажу тебе после, – произнесла она и мы закружились в танце, – после того, как ты, наконец, проведёшь со мной ночь, Алеш.

От таких слов сложно было оставаться спокойным, и я

чуть крепче обнял девушку за талию.

– Я приду... принесу тебе цветы. Ты какие любишь?

– Пионы, такие нежно-розовые, пышные. Огромные цветы.

– В моей оранжерее таких нет. Придётся посадить.

Она отстранилась и сделала пару па танца отдельно, заставив меня смотреть, как юбка платья крутится вокруг стройных ножек. Иона снова вернулась в мои объятия и прошептала на следующем шаге:

– Надеюсь, мне не придётся ждать, пока ты вырастишь цветы? Просто приходи, Алеш. Я знаю, твоя сила убивает меня. Но нет варианта, чтоб я осталась здесь надолго, понимаешь? Я или погибну, или вернусь в свой мир.

В её глазах была грусть.

– Поэтому, князь, даже если это будет один раз, я хочу, чтоб ты пришёл ко мне. Пожалуйста. Мне не нужны сегодня никакие цветы. Только ты, Алеш...

– Тогда я украду тебя с сегодняшнего бала.

Мы ушли незаметно, я лишь махнул Войту больше подливать гостям и дольше играть музыку, чтоб все веселились.

Когда мы поднялись на этаж, снизу всё равно доносилась музыка, пусть и едва слышно. На мгновение мы замерли между спальнями.

– Ко мне, – произнесли мы одновременно, засмеялись и начали целоваться прямо в коридоре.

19. Сердце, ветер и тьма

Иона

Самым странным было ощущение привычки и новизны одновременно. Пока мы оставались в замке и доводили друг друга с помощью купален, мы столько раз представляли всё это, чувствовали касания друг друга, что реальные объятия вызывали стойкое чувство дежавю. Вместе с тем – этого ещё не было, по спине бегали мурашки от предвкушения.

– Кажется, мы оба этого слишком долго ждали, – прошептал Алеш, толкнув дверь в свою спальню и увлекая меня за собой.

Потрескивали дрова в камине, на столе горели свечи в резном подсвечнике. Сюда звуки музыки и шум бала не проникал, оставляя нас в тишине.

Поцелуй не останавливался, переходя от нежного касания губ до настойчивого и почти грубого. Шпильки и украшения слетели с моих волос, и князь пропускал пряди между пальцев. Я закрыла глаза, отдавшись эти рукам.

Мужчина коснулся шеи, обнажённых плеч.

– Иона, – голос князя звучал хрипло, – я хочу тебя...

Я нервно выдохнула и перебила его.

– Сними это чёртово платье, Алеш. Сама с ним не справ-

люсь... – и добавила, понизив голос, – раздень меня... пожалуйста.

Он вздрогнул, потом слегка усмехнулся.

– Ты совершенно чудесная, смелая девочка.

Алеш зашёл сзади, убрал мои волосы со спины, перекинув их мне на одно плечо. Я хотела было сама расстегнуть ожерелье, но шею сзади обожгло дыханием.

– Чшшш, не двигайся. Я сам.

Ожерелье и серьги оказались на столике, и Алеш принялся издевательски медленно расстёгивать множество маленьких пуговиц сзади.

– Не спеши, – он сдвинул ткань с моих плеч, делая декольте намного глубже. Платье упало на пол, я осталась в тонкой сорочке. Нежная ткань хоть и спускалась ниже колен, но не скрывала ни малейшего изгиба фигуры, предательски выдавая затвердевшие от возбуждения соски.

Понятия не имела, чего делать дальше. Одно дело фантазии, и даже бассейн, но в реальности всё равно на мгновение повисла неловкость, тут же легко пропавшая от рук мужчины, которого я хотела. Алеш легко поднял меня и отнёс на кровать и принялся расстёгивать рубашку.

– В следующий раз я тебя раздену, – пообещала, удивляясь своей смелости.

– Я запомнил, – он сдвинул тонкие лямки сорочки, обнажая мою грудь. Наклонился и прикоснулся соскам губами,

заставляя меня стонать. От его дыхания по телу растекался жар, который хотелось вернуть сторицей. Я приподнялась и поцеловала его сама, касаясь руками шеи, запуская пальцы в волосы.

– Отчаянная... – выдохнул он. – Не хочу тебя отпускать, ни за что.

Я запечатала пальчиком его губы.

– Сегодня – не отпускай.

Его руки скользили по талии, бёдрам, чертили линии на животе. Губы ласкали мою грудь, заставляя вздрагивать и шептать его имя. Он шептал моё имя, и я тонула в этой безумной нежности. Границы собственного тела одновременно ощущались невероятно остро, но при этом я никогда не чувствовала себя настолько в потоке наслаждения, что даже сама не всегда понимала, где и как именно Алеш касается меня. Потому что казалось, что всюду. Иногда я открывала глаза, чтоб убедиться в реальности происходящего, а порой наоборот, закрывала их и отдавалась.

Его касания, мои стоны, шёпот и произнесённые имена – всё смешивалось в волнующую, возбуждающую смесь. Алеш касался моих бёдер, заставляя испытывать меня нестерпимое желание.

– Ты слишком волнуешься для такой смелой девушки, – прошептал он мне на ухо, – всё будет хорошо, Иона...

Я молча поцеловала его в ответ, и мы полностью раство-

рились друг в друге.

В тихом полумраке, согретом красным светом свечей, мы лежали на кровати совершенно обнажённые. Он на спине, я на боку, положив голову ему на плечо и бесстыдно прижавшись всем телом к Алешу. Я слышала, как продолжает стучать его сердце, так же сильно как и моё.

Как я могла раньше считать его каменным?

Он обнял меня и принялся гладить по спине.

– Хочу так уснуть, – пробормотала я. Всё равно потом мне придётся вернуться в свой мир, так что к чёрту. Пусть силы уходят, ночь вместе того стоит.

– Уснуть или проснуться?

– И то и другое, представь... А ещё...

– Что такое?

Я тоже хочу свадьбу...

Не помню, сказала ли ему или уже уплыла в грёзы. Но в тот момент мне пришла простая мысль: что, если мы разорвём союз, но я останусь здесь?

Да, у меня была жизнь, и были мечты. Но я также могла встретить парня из другой страны, влюбиться, и уехать навсегда. Почти другой мир. Для сердца нет разницы, а домом хочется назвать то место, где хочет остаться душа...

Алеш

– Я тоже хочу свадьбу... что, если мы разорвём союз, но я останусь здесь?

Её слова заставили сердце забиться чаще. Я так давно не чувствовал себя по-настоящему живым. Так давно не хотел чего-то лично для себя, что даже забыл какого это. Одно дело планировать дела княжества, другое – наслаждаться каждой минутой жизни.

Мне нужно отнести девушку в её спальню, не оставаться так надолго рядом. Я собирался это сделать через минуту, ещё немного побыть рядом... Обнять, вдохнуть запах её волос...

И проснуться от яркого солнечного света и бодрого голоса:

– Доброе... доброе утро, Алеш. Просыпайся, мой князь.

Иона сидела рядом, ещё более прекрасная утренних лучах.

– Хочу так каждое утро, – сонно пробормотал я.

Девушка рассмеялась.

– Посмотрим, как пойдёт, князь. Но чтобы быть вместе, нам надо придумать, как расстаться, помнишь?

Я вспомнил и резко сел на кровати. Посмотрел на своё запястье, на её – турмалин светил ровным, нежно-розовым светом.

– Мы спали вместе?

– Да, это было здорово, – в её словах было столько нежности и счастья, что позавидовало бы весеннее небо.

– Как ты себя чувствуешь?

Она вздохнула, стала более серьёзной. Растрепала мои волосы и легко поцеловала в губы, мигом распалив желание.

– После ночи с тобой у меня ноги подкашиваются, и мне ужасно плохо... потому что хочу ещё!

Кажется, озорница наслаждалась перепадами настроения на моём лице.

– Но если взаправду, то у меня немного кружится голова. Не хочу тебе врать, потому что, если со мной что-то случится, ты будешь страдать. Бал ведь вечером, верно? Твой главный приём, где я непременно должна быть? Я уйду к себе и приму ванну с волшебными камешками, потом Симона поможет мне облачиться в то шикарное платье с жемчугом, и мы с тобой очаруем послов, чиновников и дворян.

Мне нравилась её здравый смысл, нравилась красота, нравился отчаянный нрав. А ещё сейчас я был невероятно тронут острой честностью.

– Не смотри так, – она словно прочла мои мысли, – я не хочу казаться сильнее или слабее, чем есть на самом деле. И ты тоже, Алеш, не надо пытаться разобраться со всем в одиночку. Обещаешь?

Я кивнул и крепко обнял девушку.

– Ты не Душа Гор, ты моя душа и сердце, Иона.

Она высвободилась и погрозила мне пальчиком.

– Душа у каждого своя, князь. В этом и смысл, верно? Не

теряться друг в друге, а наоборот, находить.

Она встала на ковёр и принялась поднимать брошенное вчера платье. Раздался стук в дверь. Войт, видимо, уже давно нас ждал.

– Князь? Княжна? Вы уже проснулись?

Иона озорно усмехнулась, подняла мою рубашку и накинула поверх своей нижней сорочки. Для неё это был почти приличный халат.

– Вернёшь с процентами. Помнишь, что вчера обещала?

Щёки у неё вспыхнули, она на мгновение смутилась, а потом задорно произнесла:

– Ещё как помню! Но учти, что я тоже буду издеваться!

– А разве я издевался?

– Конечно, – бросила она от двери, – ты мучительно медлил!

Войт за дверью смиренно ждал, даже не пытаясь стучать ещё раз.

– Княжна. – он приветственно кивнул, – Симона вечером переживала, я её успокоил, сказал, что вы ушли к князю. Сейчас горничная вас ждёт. Если позволите, князь... есть разговор.

Иона покосилась на нас, но спрашивать не стала. Просто вышла в моей рубашке, гордо неся на руках вчерашнее вечернее платье. Войт проследил за моим взглядом и тепло улыбнулся.

– Рад за вас, князь.

– Спасибо.

– А теперь... – кравчий открыл шкаф. – Извольте одеться.

И вам придётся остаться без завтрака, посол Катайи уже ждёт вас для согласования условий торгового договора. Я решил, что завтраком ради княжны вы пожертвуете.

Я взял из рук слуги свежую рубашку.

– Верно предположил. Теперь скажи: что их не устраивает по договору? Ты однозначно парой слов с ними перекинулся.

Кравчий качнул головой в сторону двери, намекая на ушедшую Иону, и довольно ответил:

– Их устраивает более чем всё, князь. Видимо, они вчера весьма впечатлились вашей причёской. Решили, что вы так проявили уважение. Для них формальности важны. Поблагодарите за это княжну. Они, кстати, хотят подарить что-то и отдельно и ей тоже.

Во мне вдруг разыграло мальчишеское желание сделать чудо.

– А среди них есть призыватели, Войт?

– Не уверен насчёт посла, но в свите, кажется, кто-то практиковал магию. Спросите сам. Кстати, князь, что леди Мартич хотела от леди Ионы? Мне не понравилось то, какой довольной отбивала леди Мартич после бала.

– Спрошу Иону позднее. А сейчас пойдём, Войт. Нас ждут дела.

Иона

Слабость всё-таки накрыла меня беспощадной волной, но уже когда я оказалась в своей спальне. Я уселась на кровать и не отвечала на вопросы Симоны. Кружилась голова, состояние напоминало «болезнь» после поездки в горы, только жара не было.

– Княжна Иона? Княжна!

Симона трясла меня за плечо и звала уже испуганно, видимо, уже думаю, к кому идти за помощью. Надо собраться, надо. Я встала, высыпала в ванну горсть розовых турмалинов, которые тут же растворились в воде.

С долей сожаления сняла рубашку Алеша и занырнула в тёплую воду. Через несколько минут стало легче дышать, да и спальня перестала кружиться вокруг своей оси.

– Что с вами было, княжна?

– Бурная ночь, – ответ был отчасти правдой. Нечего пугать девочку, ей ничего не известно о том, как магия князя действует на меня. Горничная помолчала, а потом шёпотом спросила:

– Вы... целовались, да? У вас теперь дети будут?

Наверное, будь мы на источниках в замке, я бы ушла под воду от смущения и сдерживаемого смеха одновременно. Вышло то ли покашливание, то ли фырканье.

– Симона, может, ты с мамой поговоришь?

– Тейтана отбирает в основном сирот в ученицы, так что

расскажите вы.

Мне вспомнилась простая в приватном общении жрица. Странно, что она своим подопечным такие вещи не донесла.

– Сим, а сколько тебе лет?

– Тринадцать зим будет, княжна.

Я вздохнула. В детстве я хотела младшую сестру. Мечты иногда сбываются самым странным образом. Симона ждала моего ответа как святого слова.

– Ну... мы не только целовались. – и на этом я слилась и покраснела. Понятия не имею, как тактично объяснять девочке, что и как происходит между мужчиной и женщиной, плюс дико неловко что речь про мой, мой первый раз!

Но горничную мой ответ и смущение удовлетворили.

– А вам понравилось?

Врать и смущаться не пришлось, слова вырвались вперёд мысли:

– Очень!

– Можно я вас обниму? Ой...

Она потянулась к моим плечам, но намочила рукава своего платья в воде. Мы обе рассмеялись.

Я плескалась ещё некоторое время, пока в теле не появилась привычная бодрость.

Тем временем принесли обед, я перекусила и, поскольку князь был занят, села за чтение одной из книг, захваченных из замка.

Но много времени мне не дали, Симона принесла платье – то самое, тёмно-зелёное, расшитое жемчугом, и принялась меня наряжать. Невероятно красиво, хоть и тяжело. Длинные рукава, открытые плечи и декольте. Украшения. Кропотливо созданная горничной причёска.

Я смотрелась в зеркало и поймала себя на мысли, что, хотя уже и привыкла к себе в платьях, этот образ поражал воображение.

– Очень красиво! – выдохнула Симона, – надеюсь, князь вас и сегодня утащит... целоваться!

Мы переглянулись и снова рассмеялись.

В коридоре меня встретил Войт и сразу ответил, предупреждая ваш вопрос:

– Князь Олдрич встретит вас в зале, княжна, – и вдруг задорно улыбнулся, будто известной только ему шутке.

Мы спустились в огромный зал, из-за дверей которого уже лилась музыка. Кравчий толкнул створки, и они легко открылись, пропуская меня вперёд. Меня встречал Алеш и знакомый, любимый цветочный запах. В его руках был букет пионов. Цветы также стояли в вазах на столах.

Пышные, нежно-розовые, пахнувшие летом и уютом... Я приняла цветы из рук князя и вдохнула этот аромат. Где и как посреди зимы он их достал? Не знаю, может, магия. Но они же не были каменными, они были живыми...

– Спасибо, Алеш, – прошептала я. Он взял меня под руку и повёл к столу. И тихо, чтоб услышала только я, прошептал:

– Мне мало простого «спасибо», Иона.

У меня вспыхнули щёки.

– Не хватало твоего румянца, – он слегка коснулся губами моей щеки, только намекая на поцелуй. Нежность, допустимая на таком мероприятии.

Мы сидели, слушали послов и дипломатов, которые довольно восхваляли какое-то новое соглашение. И когда Алеш только успел его обсудить?

Потом были танцы, много танцев. Мы кружились легко и непринуждённо, Алеш вёл, я следовала за ним. Отблески свечей отражались в бусинах моей юбки, вокруг витал мой любимый аромат цветов.

Немного кружилась голова, но скорее от восторга и возбуждения.

Алеш оставил меня на минуту, и я вышла подышать на балкон. Ночь для зимы была тёплой, разве что снег не таял. Так что я стояла и смотрела на красивый зимний город с широкими улицами. Каменные цветы-фонари рассеивали тьму, лёгкий ветер трепал выбившиеся из причёски пряди.

– Отдыхаете, княжна... Вы ведь не Амалия, верно?

Сзади, скрестив руки, стояла Лейса.

20. Ее цветы

Алеш

Посол Катайи был в восторге. Слов не находил, чтобы передать восхищение. В общем, мы с ним и так бы договорились, и, вероятнее всего, почти на таких же условиях. Но это не было бы так восторженно с их стороны, да и времени я бы потратил намного дольше. Всё-таки, как ни старайся, составить взаимовыгодное соглашение – торговые пошлины для обсуждения тема животрепещущая.

Сейчас же благодаря тому, как Иона изменила меня, я потратил всего пару часов.

– Вы просили призывателя, князь? Наш Маги пришёл.

Я кивнул, и из-за спины господина вышел незаметный щуплый мужичок в синих одеждах с огромным баулом.

– Что изволите?

– Вы можете призвать сюда материальный предмет, который есть у вас в стране, но нет у меня?

И посол, и его Маги напряглись, ожидая чего-то важного или секретного.

– Пионы. В ваших, южных оранжереях они определённо должны быть даже зимой. Хочу порадовать княжну.

Маги облегчённо выдохнул, достал из мешка свиток, разложил его на полу и принялся бормотать что-то на южных

диалектах.

– Вам сколько? – внезапно спросил мужчинка.

– Побольше, чтоб зал хватило украсить, – вместо меня ответил посол, – это наш подарок княжне, в знак уважения.

Вокруг Маги кружился свет, цветные огни складывались в розовые пятна, а потом вдруг на столах оказались сложены несколько огромных букетов.

– Благодарю, – кивнул я послу. Взял один из самых маленьких цветков, отделил от стебля и вложил в розовые лепестки свою силу.

И протянул южанину уже драгоценность из розового берилла.

– Позвольте мне поговорить с вашим Маги наедине. Если речь пойдёт о секретах государственных, он вправе не отвечать.

Посол покосился на призывателя, кивнул мне и вышел. Мы остались с Маги вдвоём. Сложно было спросить так, чтоб не выдать лишнего мне. Потому что секрет вечного Алеша и Амалии я никому не раскрывал.

– Скажите, сударь, Маги. Возможно ли призвать душу из иного мира, и как потом вернуть её обратно?

Волшебник пожевал губу, покосился на пионы.

– А можно мне хоть один зелёный листик?

Я протянул ему маленький, изогнутый причудливым образом срез агата, недавно бывший частью стебля. Мужчина

покрутил его в руках, спрятал в баул и извиняющимся тоном произнёс:

– Нам, рабам, иначе ничего не достанется из того, что вы господину дали. Душу призвать несложно, князь, сложно найти нужную. И оболочка нужна, тело. Куда призывать-то? Иначе так и будет бесплотная душа летать. А целиком человека из другого мира разве что Богам-Стихиям под силу призвать. Обратно сложнее, вы знаете, что магия течёт как река. Вы не можете превратить агат обратно в мягкий лист, а чтоб переправить пионы обратно в Катайю, мне нужно, чтоб кто-то там их призвал. Сам я не могу положить цветы на круг и отправить их обратно. Так не сработает.

– То есть душу должен призвать кто-то из родного мира?

– Или она сама захочет уйти. У каждого человека ведь есть собственная сила. Но обратный призыв повернуть не выйдет. В теории. На практике известны призывы стихий, а вот чтоб душу человека – такого я не читал. Я просто рассуждаю, князь.

– Я тоже, сударь Маги. Спасибо за ваш визит. Передайте послу, что больше цветов мне не надобно.

Волшебник понятиливо кивнул и вышел. Слышно было, как он пересказывает послу, что речь шла про цветы.

Войт помог мне пустить цветы в зал и расставить на столах.

– Вы слишком задумчивый, князь, – кравчий не спра-

шивал, а утверждал. Не дождавшись моего ответа, он не стал продолжать разговор. Слуги накрывали столы, музыканты расселись и принялись наигрывать лиричную мелодию. Кравчий отправился за княжной, а я взял в руки букет.

Иона была прекрасна. Открытые плечи лишь подчёркивали нежный образ, и так приятно было видеть её улыбку, становилось горячо от её зардевшихся щёк. Не стану сегодня думать о магии, время ведь тоже не течёт в обратную сторону, и обратно его не повернуть. Мы с Ионой больше не будет здесь и сейчас никогда. Поэтому сейчас хочу, чтоб она радовалась.

Мы кружились в танце, девушка смеялась над моими шутками, мир был прекрасен. Пока Войт не позвал меня поговорить на пару слов.

– Я нигде не вижу леди Мартич, князь. По словам слуганок, она должна быть на балу. Но я её не нашёл.

Я обернулся. Иона по-прежнему сидела за столом и задумчиво касалась пальцами лепестка цветка. Надо спросить, о чём всё-таки был разговор с Мартич вчера.

– Найди Лейсу и следи за ней, – приказал Войту и обернулся. Ионы за столом не было. Куда же она делась?

Турмалин на запястье внезапно слегка посветлел.

– К чёрту Лейсу, ищи Иону, – приказал я кравчему.

Алеш

В зале по-прежнему играла музыка, кто-то шумел, спрашивал о всякой ерунде. Но на меня словно опустили пелену, отрезавшую от реальности. Спроси после – не вспомнил бы ни одного слова тех гостей. Окружающий мир существовал отдельно, лишь мешая той реальности, где я искал Иону.

Войт махнул мне рукой и показал на балкон. На полу, так что не было видно от входа, белыми каплями сверкал жемчуг. Иона без сознания лежала, опираясь о перила балкона. Наверное, когда она падала, юбка зацепилась за один из металлических завитков, и несколько нитей распустились. Я опустился около девушки на колени, взял её за руки – пальцы были ледяными.

– Что случилось? – спросил кравчий. – Мне остановить бал?

– Не надо, просто объяви танцы, чтоб никто не заметил, как унесу княжну в её покои.

В этот момент музыка умолкла и в повисшей тишине кто-то из послов Катайи произнёс:

– Мы ждём и чествуем Князя Алеша Олдрича и Княжну Амалию!

Что на них нашло? Войт поджал губы, качнул головой и встал. Выдохнул, и с ослепительной улыбкой вышел вперёд, на свет.

– Дорогие гости и земляки, лорды и леди... – пока он втрое удлинял и без того длинное церемониальное привет-

ствие, я накинул на плечи Ионы свой пиджак, и пытался привести её в чувства. Кравчий тем временем ни оборачиваясь, ни запинаясь, продолжал:

—... а теперь, гости дорогие, князь, как настоящий доблестный рыцарь и благородный лорд, отнесёт свою дорогую и несравненную княжну на руках в спальню!

– Боже, какая пошлятина, – прошептала Иона, а я чуть не вскрикнул от радости. – Алеш? Что случилось? Я разговаривала с Лейсой, а потом вдруг всё помутнело...

– Давай потом. – Мне хотелось и расцеловать её от радости, и накричать за легкомысленность.

Вместо этого я мысленно поблагодарил Войта за смекалку. Девушка хотела поправить юбку, чтоб не было видно распущенной нити, но от прикосновения жемчуг посыпался с вышивки ещё сильнее, прямо ей в ладошку. Она хитро улыбнулось и слабо прошептала:

– Алеш... А можешь из него цветы сделать? Как ты из турмалина на пиру в замке делал? И поставь меня, если поведёшь под руку, я выйду сама.

– Нет уж, Войт уже объявил нас.

Мы столкнулись взглядами, она всё же уступила, я легко поднял Иону на руки, и мы шагнули вперёд.

– Алеш! Амалия! Да здравствуют Алеш и Амалия! – кричали гости, а Иона раздавала маленькие жемчужные маргаритки. Когда мы выходили из зала, я обернулся, и поймал хитрый кивок Войта, который продолжал вести торжествен-

ные речи, в этот раз поздравляя всех от моего имени.

– Он что, помнит всех гостей? – прошептала Иона, прижимаясь к моему плечу. Мы поднимались по лестнице, а следом с её юбки сыпались жемчужины, падая на пол как редкие капли дождя, и тут же оставаясь на паркете цветами. Не стал отменять магию – вернее, не мог. Ярость и страх клокотали внутри и требовали выхода, а так сила уходила хоть немного.

– Да, на то он и мой кравчий. Но что ты делала с Лейсой? – Я толкнул плечом дверь в спальню, усадил Иону на кровать. Испуганная Симона подскочила на кресле.

– Иди погуляй, милая, – приказал я горничной. – Приходи через час.

Девчушка кивнула и выскочила. Иона вопросительно посмотрела на меня.

– Я хочу с тобой поговорить, но после уйду. Кажется, – я постучал пальцем по запястью, – мы и так слишком много времени провели вместе. Почему ты не сказала, что тебе плохо, Иона?

Против воли в голос протекла горечь.

– Алеш, не надо... Я честно сказала утром: у меня только кружилась голова! После ванной мне полегчало, я не думала, что... будет так, – и уже совсем виноватым тоном добавила, – больше всего не хотела тебя так подставлять.

Хотелось верить в её слова. Но понятно было и так: утром она могла и, правду сказать, а избыток моего присутствия и моей магии мог произойти уже на балу. Больше волновало

меня другое:

– Почему ты пошла с леди Мартич? Что она сделала тебе?

Иона отвела взгляд, я держал её за руки и чувствовал, как пальцы девушки медленно теплеют.

– Лейса мне ничего не делала. Прежде чем я расскажу, можно попросить?

– О чём, милая?

– Помоги снять мне платье! Ужасно тугая шнуровка, и к тому же, я боюсь, что если встану сама, то поскользнусь или на жемчуге, или цветах.

Магию я так и не перестал выплёскивать, и все упавшие бусины действительно превратились в цветы. Иона осторожно встала, а я принялся расшнуровывать платье, нитка за ниткой, пуговку за пуговкой. Она вдруг хихикнула.

– Что?

– Я ведь тебя обманула, знаешь?

Сейчас скажет что-то про Лейсу, или про свои тайны. Я ждал этого, а девушка выдала:

– Обещала ведь, что сама тебя раздену сегодня, медленно и мучительно долго...

Не удержался и тоже хмыкнул, полностью снимая с неё корсет.

– У тебя ещё будет шанс отдать мне долг, милая. Но учти, проценты я считать умею... А теперь не хитри, рассказывай про Мартич.

Иона вздохнула и откинула юбку прочь, оставшись снова

в соблазнительной шелковой сорочке.

– Эх, князь. А такой момент был милый... – за такой игривый тон так и хотелось провести по плечу, коснуться груди, так, чтоб эта озорница вздрогнула от возбуждения. Но она всё-таки стала серьёзной.

– Лейса знает, что я не Амалия, Алеш. Ещё, мне думается, что сознание я потеряла там не из-за твоей магии. Подожди, не злись. Я сама попросила ведьму показать мне будущее, раз она умеет. Вот только мои силы на это тоже ушли...

Я безумно злился, а с другой стороны испытывал некое облегчение: не из-за меня! Но ведь и вправду, если в замке, когда я оставил Иону на горничных и Тейтану, девушке полгчало, то сейчас она просто пришла в себя и от моего присутствия хуже не становилось, наоборот, на щёки вернулся румянец, а камень на запястье вернул свой цвет. Девушка зябко поёжилась. Я накинул ей на плечи тёплый плед и принялся разжигать камин.

– Расскажешь мне, что увидела?

21. Магия течет как река

Иона

Иона

Лейса застала меня врасплох. И я не придумала ничего лучше, чем просто потянуть время.

– Ммм... Леди Мартич, отчего такие выводы?

– Ой, только не говорите мне, что я ошибаюсь, – фыркнула она. – Я-то смотрю на тебя каждый год. Ты – не она, ты живая.

– Конечно, живая, и всегда такой была.

Собеседница поджала губы

– Нет, обычно княжна как каменная, он потому и мотался ко мне в Орген, отогреться.

Разговоры про любовные похождения Алеша слушать не хотелось, уж лучше вернуться к изначальному разговору.

– Если подозреваете подмену, чего ж об этом не заявили?

Ведьма помолчала, уставилась в ночной город, где светились каменные цветы.

– Потому что я вижу смерть.

– Ты обещала и мне показать будущее, – напомнила я. Женщина повернулась, и в её глазах был страх. Такое лицо, будто на неё шла огромная волна, от которой не спрятаться. А не стояла рядом хрупкая девушка.

– Магию нельзя развидеть, развеять или что-то ещё. Магия – как река, если поток создать...

– Нельзя заставить водопад вернуться к истоку, – закончила я мысль, которую слышала уже и от князя, и от Матея, и от Тейтаны.

– Я покажу тебе будущее, если пообещаешь разорвать со-

юз с князем.

Объяснять бывшей любовнице князя то, что разрыв союза – это вопрос выживания, желания не было. Пусть тешит себя иллюзиями о моём поражении и своей победе. Я кивнула, и Лейса взяла меня за руку...

– Смотри не пожалей, княжна. Твоё будущее – оно ведь твою силу спросит, не мою...

Двери замка нараспашку, ветер гуляет по пустому залу, раскидывая сухие осенние листья. В моей спальне сидит Алеш и молчит. На кровати тоже я, но без движения. На моих запястьях ничего нет, с руки князь падает на пол и рассыпается в пыль совершенно прозрачный камень. В нём нет ни цвета, ни жизни. Как нет этого и во мне. Алеш тянется, хочет дотронуться до моих волос, но они рассыпаются каменной крошкой, ветер разносит её по комнате, распахивает окна в оранжерею.

– Вы оба слишком упёртые, – говорит Матей из-за спины. – Надо было отпустить друг друга уже давно. Но ты снова выбрал бороться с судьбой. И снова её потерял. Слышишь голос гор?

Набирал силу иквальный ветер, слышимый даже внутри замка, тёмные тучи сгустились на небосклоне.

– А ты запретил мне сделать новую Амалию, не разорвал союз с Ионой и я не могу снова повенчать тебя. Что ты будешь делать, Князь Гор, Алеш Олдрич?

Взгляд мужчины совершенно пуст, но я слышу, как ему больно.

– Горы хотят ответ – будет им ответ, – произносит он и идёт на улицу.

«Нет, нет, не надо», – кричу я, но он меня не слышит. Он прикладывает руки к своему сердцу и магия, течёт как река... Оставляя вместо живого человека его каменное изваяние.

Ветер успокаивается.

– Это не тот способ снять проклятье, что я тебе предлагал, – бормочет Матей, стряхивая лист дуба, упавший на плечо к каменному князю.

Двери замка нараспашку, в зале гуляет холодный ветер, иногда закидывая снежинки.

– Быстрее, Иона! – Зовёт меня князь от дверей, я бегу навстречу в брюках, сапогах, рубашке и удобном меховом плаще.

Мы едем в горы. Там нас ждёт Тейтана, Матей и один из странных ребят делегации Катайи.

Тейтана произносит обрядовую речь, мы говорим, что отпускаем друг друга, ветер треплет волосы, горы шепчут своё.

Я пытаюсь понять, что изменилось? Тейтана? Но этого мало. Что делает человек из Катайи? Не знаю, что из этого срывается, но с наших запястий падают камни, а потом

я около Алеши пропадаю, медленно исчезаю.

– *Всё будет хорошо, – слышу голос князя, но вокруг висит тишина. Темнота.*

А потом я слышу знакомый шум машин.

– И всё? – Алеш выслушал мой пересказ. Я кивнула, стараясь ничем не выдать своих эмоций.

– Она сказала, что моя сила нужна для предсказания. Не думала, что так выйдет. Ты не знаешь, при чём тут человек из Катайи? Что изменилось от прошлого раза?

Князь молчал.

– Послезавтра мы вернёмся в замок, ты пару дней отдохнёшь, а после мы отправимся в горы.

– А можно, сегодня ты останешься со мной?

Алеш провёл рукой по моим обнажённым плечам.

– Я вернусь позже, мне надо кое-что обсудить. Ты как раз успеешь немного отдохнуть.

– Смотри не поскользнься, – бросила я, когда он встал. Он осмотрел ковёр, покрытый белым искрами камней, и усмехнулся. Но сапог ставил осторожно, чтобы не упасть.

Он впустил Симону, и та принялась убирать платье, собирать жемчужные цветы с пола, готовить ванну.

– Там в зале тааакой праздник! – восторгалась Симона. – Войт Имрич приказал нести медовый эль, и пошла потеха. Катайцы танцуют и поют... Мне с вами остаться?

– Можешь идти, – несложно было понять, что хочет де-

вочка, – вот только если кто будет приставать – сразу лепи по щам и говори, что князь и княжна добавят. Поняла?

Горничная кивнула, помогала мне с купанием, а после довольно выскочила из спальни. Как мало иногда надо для счастья.

– Мне надо всю тебя, – раздался голос князя сзади, и я поняла, что последнее сказала вслух.

– Тоже тебя хочу, – прошептала я. Алеш вернулся ко мне. Обнял меня со спины, уткнулся носом в мои волосы, и коснулся руками груди.

– Не думай сегодня ни о чём. И больше меня не пугай.

Я развернулась и оказалась лицом к лицу с князем.

– А ты не бойся за меня, Алеш, не бойся...

Не позволила ему больше ничего говорить, просто принялась целовать. Он ответил тем же и не позволил мне стоять – легко подхватил на руки и посадил на кровать.

– Подожди, князь, – я сама оторопела от своей смелости. – Я обещала тебя сегодня раздеть...

Пока я медленно убирала вышитый ворот, расстегнула рубашку пуговица за пуговицей, Алеш молча наблюдал за моими действиями, но когда я принялась расстёгивать брюки, он выдохнул:

– В этом замке сегодня ты настоящая ведьма.

– Я просто обычная студентка, которая умеет работать руками, – я не думала о двусмысленности во фразе, лишь хотела напомнить про то, что тоже умею с камнями обращаться,

но Алеш рыкнул и завалил меня на кровать.

– Да уж, – хрипло произнёс он, – ты даже мою каменную душу расшевелила.

– Не только душу, – хихикнула я, ощущая, как Алеш раздвигает мне ноги. Он хмыкнул, и сам запечатал мне губы поцелуем. Ничего больше не надо было говорить, да и не хотелось. Только отдаться этому потоку чувств, который накрывал нас с головой.

Иона

Утро не оставило нам спокойствия: Алешу надо было закончить дела перед возвращением в замок, Войту и горничным собрать вещи. Мы на санях отправились в путь, а князь остался и сказал, что вернётся позже, и пообещал на следующий день собраться с Тейтаной и Матеем и всё обсудить, и в этот раз – со мной вместе.

Светлая спальня уже стала привычной, купальни казались своими. Я набралась сил и задумчиво смотрела на красно-жёлтые камни около бассейна. Хотелось поозорничать, но Алеш сейчас или решает важные вопросы, или скачет верхом. К тому же после реальной ночи хотелось повторения в настоящем, а не фантазий.

Мне не давало покоя то, о чём я умолчала.

*Я иду по замку, и ветер идёт за мной. Вниз в подземелья. Ниже и ниже. В зал с каменными цветами, к огромному зеркалу во весь рост. Протягиваю руку с турмалином и шепчу:
– Амалия... расскажи мне всё.*

Моя сила уходит в каменную девушку, и чем больше сил отдаю, тем больше чувствую, что её на самом деле нет. Осталась только оболочка, каменная тень. Чувство, будто Амалия показывает мне нечто важное. Я изменяюсь в лице, отдаю почти всю силу настоящей Дочери Гор, и мы стоим рядом обе. Камень на моём запястье светится тускло, но всё ещё остаётся розовым. Забегает Алей, кричит, ругается.

*Амалия по-прежнему стоит, а вот я оседаю на пол.
– Это её ты должен... не меня... – я не заканчиваю фразу и теряю сознание.*

Лейса шепчет:

– Ты видела три варианта, девочка. Ты умираешь везде, кроме ритуала в горах. Тебе нужно разорвать ритуал...

Я пинала камешки на дорожках в оранжерее. Из видения Лейсы было неясно, что именно показала мне Амалия, и что «не меня, а её» должен князь. Любить и спасти разве что? Но что-то мне Амалия показала, нечто важное. Ну что ж, есть лишь один способ всё выяснить – это отправиться вы-

яснять.

Однако ж страдать опрометчивой ерундой не мой профиль. Я накинула шаль и спустилась, но не к каменным цветам, а к подозрительному портному. На всякий случай прихватила с собой Симону, но оставила девочку за приоткрытой дверью. Чтобы, если вдруг Штефан начнёт распускать свои клешни, та бежала к Матею, он ближе. Горничная в ужасе всплеснула руками, но послушалась и со страхом на лице пошла за мной.

– Штефан Олдрич? – я шагнула в мастерскую с десятками манекенов и сотнями разных тканей.

– Княжна Амалия? – Нескладный мужчина встал из-за стола. Он говорил вежливо, но гнусавый голос всё равно бесил. – Чего изволите?

– Зашла поблагодарить за бальные платья. Это было великолепно, так что лично сказанное спасибо – обязанность благородной леди.

Он удивлённо, но довольно кивнул. Наверное, его не часто хвалили.

– Вы первая, кто их оценил. – Подтвердил он мои мысли.

– Почему же?

– Алеш покупает наряды в городе, Матей носит одно и то же веками, а Амалии... сами знаете.

На мгновение мне стало его жалко, но тут же вспомнилось брезгливое, пополам со страхом отношение к нему гор-

ничных. Не только бессловесных куколок он лапал, полагаю.

– Ммм, позволь спросить... А что ты имел в виду, говоря про настоящую Амалию?

Я нарочно понизила голос и перешла на «ты», чтобы Штефан думал, что я буду ему верить.

– Это ведь князь её сгубил, и тебя погубит. Он мог контролировать силу, но не захотел. Вот, смотри, – он кивнул в угол, где лежала расколотая на части, но отлично узнаваемая рубаха... из камня. В подобной я видела портного раньше.

– Так он выходит из себя, понимаешь? Он на меня разозлился, и чудом самого в камень не превратил. Так и с Амалией. И он правды никому не скажет, а я знаю... Я ведь её любил, говорил, что Алешу нужна лишь сила и власть Матери Гор, а сама княжна его не волнует. Только бессмертие...

– Почему... – я закашлялась, – почему ты считаешь, что он по своей воле так поступил?

– А ты спустись, княжна, если не испугаешься. Посмотри на Амалию и увидишь следы от его рук на запястьях Дочери Гор. Он держал её, как держал меня. Ты сама поймёшь.

Говорить Штефу, что я там уже была, не стала. Вот только не разглядывала княжну так пристально, и не помнила, было ли что на запястьях. Портной продолжал подливать яду:

– Подумай, он получил власть, силу и бессмертие, зачем ему была нужна Амалия?

– Он любил её...

Портной фыркнул и ничего не сказал.

– Знаешь, почему невесты каждый год новые? Потому что он из них силу тянет. Про контроль выдумки всё...

Хотелось наорать, обозвать лжецом, но я с огромным трудом держала себя в руках.

– Как мне найти Амалию?

Ответ на вопрос был известен, но мне не хотелось, чтобы Штефан знал, что я там была.

– Спускаешься... до самого конца. Не ошибёшься, княжна.

В коридоре меня ждала Симона.

– Пойдём, милая, – я говорила, наверное, чересчур мягко, скрывая смятение. Слова тоже текут как река, их не вернуть назад, не отбросить обратно. Мы вернулись спальню. Завтра, я всё спрошу у Алеша завтра. Мы справимся. Я ему верю. Верю же?

У князя в спальне было тихо, как будто не было его

– Войт сказал, князь будет завтра, – сообщила Симона, заметив моё волнение.

Полночи я металась на кровати, и то порывалась пойти прямо сейчас к Матею с вопросами, то дожидаться князя.

Сама себе удивилась, но вопреки смятению, мыслей идти к Амалии не возникало. История складывалась странная. Алеш действительно мог обратить что угодно в камень, в том числе рубашку. В моём первом видении он обращал в камень сам себя. И когда я рассказала про тот вариант будущего, он

не отрицал, не говорил «нет, Иона, мой дар так не работает».

В злонамеренность князя я не верила, но и история не складывалась. С первым видением всё было ясно: мы решили не расставаться и бороться, как Алеш с Амалией, но потерпели фиаско. Второе мне тоже было понятно: мы разорвали союз и оба остались живы, но я вернулась домой.

Оба варианта будущего были логичными, и потому меня так сильно смущал третий. За каким-то лешим в том предсказании я спустилась в подземелья, зная, что могу умереть. Оживляла Амалию. Зачем?! Ну вот зачем мне это было (или будет) надо? Князь, очевидно, был в замке, раз он тут же прибежал, но я или не спросила у него, или его ответ меня не устроил...

Дело не только в Штефане: чтобы гнусавый портной не намекал, князю я верила. Почему тогда так упёрлась в третий вариант? Почему не отбросила его, как первый? Почему не рассказала Алешу?

– Вот чёрт... – пробормотала я в темноту и села на кровати. Запустила пальцы в волосы и нервно рассмеялась. Всё было просто: в этом будущем я не умирала и не возвращалась домой. Поэтому я пыталась найти такую же логическую подводку для третьего видения. Найти путь к такому будущему.

Когда пришло понимание, меня накрыло спокойствие. Завтра придет Алеш, и я всё ему расскажу. Мы вместе ре-

шим эту загадку.

Алеи

То, что Лейса показала Ионе, потрясло меня. Ведьма не могла знать, что перед балом я говорил с Маги из Катайи, и не могла знать того, что Иона из другого мира.

– Я же говорю, княжна сама попросила предсказать будущее.

Мартич сидела передо мной в одном из дальних кабинетов. Войт остановил её, не дал удрать с приёма.

– Раз так, то почему ты решила уйти?

– Ах, оставь, Олдрич! – женщина повела плечами, – приказал слуге запереть меня на ночь, а после объяснений тебе будешь? Мог бы и сразу спросить, я бы сказала...

Объяснять, что кравчий действовал сам – много чести. Как и то, почему я не спросил её сразу, а пришёл только утром.

– При нём говорить не стану, – ведьма вздёрнула подбородок.

– Войт, – спокойно произнёс я и добавил, – пожалуйста.

Кравчий подозрительно покосился на женщину и вышел.

– Что ты сказала княжне И... Амалии, Лейса?

– Ох, Олдрич! Да знаю я что она – не Амалия. Я увидела твой самый страшный секрет. И ей показала. После такого

она сама от тебя убежит! Каменная жена в подземелье! Да ты самый настоящий монстр! Это все вокруг думают, что ты только цветочки зачаровываешь!

Женщина нервно смеялась.

– Вот почему я убежала! Не из-за того, что она сознание потеряла. А потому что ты, ты монстр!

Давно я так не злился. Хотя почему? Иона знала про Амалию, Матей ей всё рассказал, как и я, как и Тейтана. Так откуда безудержный гнев? На столе окаменели яблоки и вино в кувшине.

– Поняла, наконец, кто я? Лейса! Отвечай! Что ты ей показала?

– Она пробудила Амалию, и они обе остались живы. Вот что увидела твоя нынешняя. Знаешь, что я вижу? В её будущем смерть, но и в твоём тоже.

– Не радуйся слишком сильно, Мартич, – я устался на ведьму. – Ты своему роду уже ничего не вернёшь. На что ты рассчитывала?

– Своему роду? – она снова рассмеялась. – Мы несём месть из поколения в поколение. Мечь, а не желание что-то вернуть. Но я её ещё получу... Ты утратишь власть и умрёшь, как и твоя... девка. От неё ты пострадаешь больше чем от меня. Ведь тебе она не рассказала про видение. Иначе бы ты не допытывался.

Хотелось уронить стол, обратить дерево в камень, но я

спокойно позвал Войта.

– Проследи, чтоб леди определили в хорошие покои. И поставь надёжную стражу. Леди Мартич моя гостья в столице на пару недель. Потом можешь везти Иону в замок.

Кравчий кивнул. Я знал, что он прикажет самым достойным стражам охранять ведьму, и что Лейса никуда из покоев не денется.

Мне оставалась ещё одна сложная задача.

Уговорить посла Катайи отпустить со мной в горы его Маги. Иона не могла, а я понял сразу, зачем в видении был призыватель и Матей. Матей свидетель, но он тоже умеет призывать душу. Вместе с волшебником они смогут вернуть Иону из её мира.

Я внезапно остановился. Мнения княжны я не спросил. Что, если... Нет, девушка сама говорила, что хочет остаться.

– Это вам дорого обойдётся, – произнёс посол, выслушав мою просьбу.

– Насколько дорого?

– Букет, – гордо заявил посол, ожидая торгов и возмущений с моей стороны.

– Я дам вам вишнёвое дерево. – мужчина аж поперхнулся, и я решил пояснить, – торги за государственные сделки – это из казны, а это – моё личное. У меня в оранжерее есть

прекрасное вишнёвое дерево в кадке, оно сейчас как раз начинает плодоносить. Выгонку делали к балу, но я решил его оставить.

Посол не мог перестать кашлять.

– Ну что ж, дарю. Забирайте. Он больше точно не работает.

Теперь слов не нашли мы с Маги. Призыватель старательно скрывал свою радость, а я вздохнул.

Посол уже выходил, беспрестанно ругая слуг, которые с великой осторожностью тащили каменное дерево с позвякивающими вишенками-рубинами. Я решил спросить:

– А почему вы решили нас приветствовать на балу, ну, перед тем, как вышел кравчий и объявил наш выход?

– Леди Мартич сказала, что и такой обычай у вас есть, мило ведь.

– Да, – сквозь сжатые зубы выдавил я, – очень мило.

Лейса ведь уже знала, что Иона без сознания, увидела мой дар, и как она сказала, убежала в ужасе... Но при этом успела остановиться и дать совет гостям? Что бы что? Что ещё видела ведьма?

22. Живой поток

Алеш

В замок мы вернулись ближе к обеду. Войт скептически выслушал историю о том, что Маги мне отдали насовсем.

– Сбежит, князь. Выведает секреты и сбежит, как пить дать.

– Не сбежит. – Я покосился на чародея, который баюкал в руках зелёный лист розы, ставший срезом агата. Маги в Катайе был рабом и даже имени не имел, о чём я кравчему и сообщил.

– Ты же волшебник, как ты мог быть рабом, – не поверил Войт. Наверняка ему вспомнилась Лейса, которая вертела людьми с помощью своего дара как хотела. Или серьёзная Тейтана.

– Легко, сударь. Сначала было мало сил, чтобы бороться, а потом... потом привыкаешь. Так и живём.

– Всё равно не понимаю. Сбежал бы в другой город и все дела...

– Войт. Не надо.

Кравчий покачал головой.

– Как скажете, князь. Матей и Теодора Тейтана ждут вас. Княжна просила с вами поговорить до встречи.

– Хорошо. Я зайду к Ионе, а ты пока найди Маги комнату, а потом отведи к Мастеру Матею, думаю, они поладят.

Девушка ждала меня в спальне. Она была в брюках и одной из моих рубашек, перехваченной на талии поясом. Это

выглядело так по-домашнему уютно, что у меня перехватило горло.

Увидев меня, она спрыгнула с кровати, кинулась ко мне, но в полушаге остановилась. Замерла, отвела взгляд. Потом уже медленнее шагнула и всё-таки обняла.

– Почему не сказала?

– Потому что ты бы боялся, Алеш.

Я прижал её к себе, уткнулся носом в волосы.

– Я и так боюсь, глупая. Что там было, в третьем видении, из-за чего промолчала?

Хотелось, конечно, встряхнуть её хорошенько, но я держал себя в руках. Но интонация выдавала холод. Девушка вздохнула, разорвала объятия и снова уселась на кровать.

– В том видении мы стояли живые, я и Амалия. Она показывала мне что-то важное, а я после говорила тебе «что это её ты должен».

Наверное, я зацепилась за видение потому, что там мы с тобой живы, и я не возвращаюсь домой. А ещё... Штефан сказал мне, что ни ты, ни Матей правды мне не сказали, ну про Амалию.

Попытался вспомнить, почему я до сих пор не превратил вредного портного в камень. А, точно, из-за Матея.

– Что ещё он тебе сказал?

Иона поёжилась от моего тона. Наверное, стоило говорить мягче, разумом я это понимал, но всё равно был на взводе.

– Что был влюблён в Амалию... А ещё что ты превратил его рубашку в камень.

– Надо было превратить в камень его змеиный язык, – процедил я.

Иона смотрела на меня с ужасом.

– Ты говоришь о живом человеке! Пусть паршивом, но ты говоришь, что нельзя обратить, почти о смерти!

Оправдываться? Бесполезно. Разговор свернул не туда, и я это понимал. Подумать только, совсем недавно она говорила о том, что хочет остаться, а сейчас уже боится меня.

Чёртов Штефан!

– Пойдём к Матею, – бесцветным голосом произнесла она. – Там вместе со всеми обсудим.

– Хорошо, – так же блёкло ответил я и взял девушку под руку.

Мы спустились, в мастерскую. На расчищенном от камней и их обрезков столе лежало пару пергаментов. На разномастных стульях сидела Тейтана, Мастер Матей и Маги. Я начал рассказывать про видения Ионы. На втором эпизоде девушка встала:

– Извините, надо носик припудрить.

Наверное, дело было в том, что я сам увлёкся рассказом, и не заметил, что Иона не возвращается. Только Матей спустя минут десять произнёс:

– Как-то княжна долго. Как бы она ни заблудилась...

– Иона! – крикнул я, выскочил в коридор и чутьём понял, куда мне бежать, и рванул вниз, к своей старой мастерской и каменной первой любви.

Иона

Наверное, дело было в том, что в какой-то момент я поняла, что хочу принять решение сама. Алеш не мог превратить Амалию в камень по своей воле, однако ж его беспощадный тон меня напугал.

Не знаю, права ли была я или нет. Но знала точно – я не умру. Потому тихонько выскользнула за дверь под благовидным предлогом. Дальше на пролёте ждал Штефан, выглядел он чертовски довольным.

– Тебе, княжна, вон туда спускаться надо. – показал мне портной.

– Я знаю, – коротко бросила я, устремившись вниз по ступеням, не обращая внимания на летевшие сзади:

– Может, поцелуйчик на прощание?

Пошёл он! Надо было всё-таки ещё раз ему леща вlepить! Только не хотелось шуметь и привлекать внимания князя. Но портной жутко бесил, теперь ещё и будет думать, что я из-за него спускаюсь к Амалии.

Нет... слишком много сошлось в одной точке: и его слова,

и видение, и Амалия, являвшаяся во снах, и моё собственное, стойкое чувство, что вся эта история с заменами – она неправильная... Настоящая Амалия вряд ли хотела бы такой участи любимому. Такое действительно сродни проклятью... Я бы просто отпустила бы.

Амалия стояла за стеклом, взирая на мир грустной улыбкой, но стоило мне коснуться его рукой, как оно исчезло. Я взяла каменную девушку за руку и уже в этот момент поняла, что именно и почему говорила князю в видении. Наверное, Дочери Гор даже показывать ничего мне не надо было, но она показала.

Сила текла от меня к ней, а от неё ко мне – видения прошлого.

Статная черноволосая красавица, не щадя своего богатого платья, садится в забое около одинокого парня.

– Что ты ищешь в земле?

Он вздрагивает, вытирает лицо от пыли, но рукав рубашки грязный, и толку от этого мало, только серые разводы на лице.

– Ты кто такая? Шла бы ты, красавица, тут потолки слабые, Мартич на подпорки дерева хорошего жалеет. Давай выведу тебя из штольни... Кто ж тебя запустил только...

Она смеётся.

– Никто меня не запускал, это я вас иногда пускаю! Я владею этими горами!

Женщина исчезает в каменных стенах, парень оглядывается, вертит головой. Но рядом пусто.

– Привиделось, вестимо, – бормочет он и продолжает работать, – наверное, воздуха мало, надо в следующий раз пичугу взять.

Красавица эта – не Амалия, но весьма на неё похожа. Снова стоит за спиной у молодого мужчины.

– Так что ищешь ты в штольне, зачем идёшь в гору?

– Ишь ты! – вздрагивает он и косится на канарейку в клетке. Птичка чирикает, не переставая.

– Мне интересно, мастер.

– Шла бы ты, вчера тут обвал случился, в соседней штольне, – ворчит он и продолжает работу.

– И в этой случится, если не ответишь, – она касается стены рукой и та начинает вибрировать. Мужчина вздыхает, откладывает кирку и говорит:

– По оброку хоть змеевик надобно, что красивое поделочное найдётся, ужё хорошо. Ценится внизу, в равнинах. Ну а я хочу розовый турмалин найти да выкупить свою невесту из неволи. Редкий в этих горах камень, за него вольную дадут.

– Хочешь, дам тебе вольную? Как тебя зовут?

– Матей Олдрич. А ты, девица, кто Дух аль призрак?

Она вздыхает, а после смеётся, да так, что ей вторят стены. Она манит горняка за собой, и уводит сквозь стены в каменный мир. Там мята из нефрита и трава из малахита, рубиновые розы и турмалиновый миндаль. Он трогает самоцветные чудеса и вздыхает:

– Эх, Эмме бы показать, да кто ж её отпустит...

– Останешься со мной на ночь – бери что хочешь, любые камни. Всё, что угодно.

Он молчит.

– Нет. Я понял, ты – Хозяйка этих Гор. Но грош мне цена, если так я поступлю. Лучшие руки сорву, но добуду камень сам. А так – обман. Не по мне это.

– Ты ведь гнева моего не боишься, – женищина не спорит, она знает.

– Что мне гнев твой, Владычица, после плетей у князя Мартича? Ты стихия, а он безумный и жадный человек с властью в руках. Это куда страшнее. Зачем тебе я, обычный горняк? Тебе, всесильной?

– Силу сложно держать без цели. Иногда я владею горами, а иногда горы мной. Долгие годы хочу я дочь, но для этого нужен человек.

Матей молчит, потом оглядывается, обводит руками самоцветный мир.

– Ты же можешь всё, что стоит тебе создать её как цветок? Свою Дочь гор, только имя ей дай. Я вот хотел бы дочку Амалией назвать... Правда, Эмма говорит, что де-

вочку назовёт Виола. Прости, Владычица. Я помог бы тебе, если б смог полюбить... А так – не дело оно.

Она отламывает лепесток цветущего миндаля.

– Держи, мастер. Это тебе на свободу. Но только не ходи больше в гору. Утащу.

Маленькая девочка в зелёном платье резвится у останца.

– Не уходи далеко, Амалия, – серьёзно говорит женщина.

– Не уйду, мам! Я от тебя не уйду!

Женщина грустно смотрит в сторону гор. Сила так и осталась у неё, девочка стала хоть и любимой дочкой, но не спасением.

– Ты ходишь в итольни, – не спрашивает, утверждает Мать Гор.

– Да, матушка, – кивает юная девушка, потупив бедовые зелёные глаза. Женщина вздыхает, и вдруг с каким-то озорством произносит:

– Увидишь там Олдрича – помоги. Хотя сейчас, у него уже, должно быть, внуки... Да и велела ему в гору не ходить, чтоб душу мне не травил.

Амалия стоит у останца и держит в руках ланьши из лунного камня, улыбается тепло и нежно. Вокруг неё ещё каменные цветы.

– Ты Дочь Гор? – произносит подошедший Штефан. – Бабушка рассказывала про тебя сказки, а дед говорил, что Горы всегда помогут Олдричу.

– Так ты тоже внук Матея Олдрича?

– Да, так и есть. Можешь дать мне цветок? Мне нужно для свободы.

– Мне он дорог, но – держи.

Штефан прячет ландыш в сумку и уходит.

Высокие сводчатые пещеры с друзами кристаллов, в стенах мерцают жилы самоцветов.

– Ты влюбилась, дочь, – устало произносит Владычица. – Это плохо.

– Почему, матушка?

– Любовь, жизнь и магия текут как река, только вперёд. Ты же слишком уязвима без силы. Одна лишь красота – защита слабая.

– Алеш защитит меня!

– Люди не вечны, дочь. Ты забываешь об этом. Вечны только горы...

Девушка улыбается.

– Так отдай Олдричу силу гор, матушка. Я не могу её принять, но может, человек сможет?

Владычица перебирает бусины на длинном ожерелье. Вздыхает.

– Я бы отдала силу... другому. Но ему уже поздно.

Стеклянные стены оранжереи. И среди разных цветов идут Амалия и Мать Гор.

– Ты должна была сказать мне про его дар. Он может обратить камень в тебя, понимаешь?

– Алеш так не поступит.

Женщина снова вздыхает.

– Магия – это река. Сила Гор давала тебе жизнь, но слившись с даром этого человека, может произойти так, что ты снова станешь камнем.

– Снова, матушка? Ты говорила что...

– Это не так. Я лишь хотела его, но не получила. Я содала тебя сама, вдохнула жизнь магией и поэтому ты Дочь и Душа Гор...

– Но как же! Ты говорила про Олдрича! Помочь его внуку! Мать и дочь замолкают, проходя мимо Штефана, собирающего цветы.

Амалия вздыхает. Женщина улыбается.

– Но ты ведь не поэтому влюбилась, правда?

Её счастливую улыбку, Штефан, ясно дело не видит.

– Ты должна быть со мной! Алеш – приёмный, он не Олдрич! – шепчет Штефан вечером, прижимаю девушку к стене тёмного зала.

– Я тебе ничего не должна! Прочь! Иначе закричу!

Сухой голос сзади:

– Поди прочь, внучек. Радуйся, что это не Алеш, иначе бы он тебя пришиб. И не смей к княжне лезть.

– Но... Она должна быть с Олдричем! А не... с этим!

Дед тяжело ворчит и сурово произносит:

– Она с тем, кого любит. Иди делом займись. Платье ей сшей в качестве извинений.

– Но... я её люблю!

Матей даже ничего не говорит, только смотрит, прищурившись, и портной сбегает.

– Ты уж князю-то не говори, девонька. Он правда его пришибёт. А он кровиночка моя... какой есть. Как ты для Владычицы, понимаешь?

Девушка кивает. А потом спрашивает:

– А почему вы не пошли с Владычицей?

– Потому что я б сам себя съел потом. Не смог бы быть с Эммой.

– Но её сейчас нет, – резонно замечает Амалия.

– Да, нет. Но знаешь, девонька, я не жалею. Может, были бы как вы с Алешем – счастливые-бессмертные, но так... когда приходится отпускать, так любовь ещё дороже.

Штефан приносит платье, вышитое ландышами для Амалии, а кроме него – манускрипты.

– Вот, дедуля выменивал у торговцев из Катайи. Тут написана история о том, как Ветер Горный передал силу человеку. И человек смог совладать с этой силой, только когда полностью получил силу Ветра.

– Ты слышишь, матушка? – зовёт Амалия и из каменных стен выходит Владычица.

– Пути назад не будет, Дочь.

– Я рискну.

Они выходят из покоев, а из кулака Штефана выпадает лист с окончанием повествования: «... и после того человек овладел силой Ветров, но невеста его стала Ветром»

Портной бормочет себе под нос:

– Если не мне, так никому не достанется!

Мы стоим друг напротив друга, я и Амалия:

– Ты не могла всего этого видеть, – замечаю я.

– Горы видели все. Я рада, что ты пришла. Мама сказала мне ещё, что мы должны отпустить друг друга, если вдруг что-то пойдёт не так.

Мне вспомнился наш неудавшийся ритуал.

– Но вы не смогли.

По её щекам текли слёзы.

– Нет. Я не хотела его отпускать, и моё желание быть рядом позволяло создавать связь с новыми невестами. А его желание быть со мной и чувство вины заставляло горы гневаться, когда очередная княжна пропадала. Мы словно оказались в вечном сне... Я всё надеялась, что Алеш догадается отпустить сам себя... Но он повторял ритуал снова и снова. Но он призвал тебя.

– Меня призвал Матей, он сказал, чтобы отпустить нужна живая душа.

Девушка рассмеялась.

– Значит, матушка была права, когда хотела отдать силу. Просто не того Олдрича выбрала.

Мы стояли друг напротив друга, я и живая Амалия. Она изначально была каменной и потому так легко попала под

усиливающийся дар Алёша. Это Мать Гор создала дочь супротив потока жизни, но... магия как река. Нельзя повернуть назад, удержать дамбой можно только на время... Вот как Мать Гор оживала Дочь.

– Иона! – крикнул Алеш от дверей и замер. – Амалия?

– Это её ты должен был..., – я осела на руки князя.

– Это меня ты должен был отпустить, милый. А я тебя.

Прощай, Алеш... Олдрич, – произнесла Амалия, провела нежно рукой по щеке князя, улыбнулась и растворилась в искрящейся каменной пыли.

Теряя сознание, я почувствовала, как с запястья упал на пол турмалин и рассыпался со звоном стекла. Каменные стелы вокруг молчали, и не нужны были им ни ритуалы, ни длинные слова.

23. Живые люди

Иона

Пространство, казалось, искрилась свободой и спокойствием. У Алеша даже лицо посветлело. Вокруг мелодичным звоном покачивались, как живые, каменные цветы.

Амалия ушла, а я вдруг почувствовала, что у меня немеют руки. Почему? А... точно, магию не сдержать. Жизнь в каменном теле – лишь плотина на пути потока. Но надо успеть сказать самое важное.

– Это не горы гневались... Это ты сам гневался на себя.

Потому что Горы – это ты.

Я запустила пальцы в его волосы, растрепала их.

– Классная вышла стрижка, Алеш. Слушай, это Штефан подсказал Матери Гор отдать всю силу, и он же отдал ландыш Мартичу...

В зал, запыхавшись, ворвался Матей. А следом Маги и Тейтана.

Я не услышала ответ князя. Передо мной был зимний город. Шум машин, скрип тормозов, высотки, грязный снег, нервные птицы на проводах. Привычный, но уже такое чужой путь до работы.

– Эй, красавица, чего встала? – окликнул дерзкого вида парень, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. Я действительно замерла посреди узкого тротуара между сугробами, и мешала пройти.

– Ничего, – идти дальше не хотелось.

Ведь я не должна была возвращаться. Не должна была! Как я могла так ошибиться? Но хоть Алеш теперь свободен. Я как-нибудь справлюсь... Втянусь в свою жизнь обратно... Только вот моей жизнью стал гористый край и его гордый князь. Как я могла так поступить?

– Иона! – ветер растрепал мои волосы.

– Иона! – вздрогнула плитка тротуара под ногами.

– Иона! – звал меня Алеш, – ты хочешь ко мне?

– Да! – я протянула руку и оказалась снова в пещере. – Но как?

Князь гладил мои волосы, касался запястий, а я уткнулась ему в рубашку и разревелась.

У дверей ворчал Матей:

– А всего-то надо было хорошенько подумать!

– Они и без тебя поняли, старый, – бросила Тейтана. – Пойдём, он сам сейчас девочке объяснит. Пойдём-пойдём, после поворчишь о молодёжи.

– Всё хорошо, правда, – князь гладил меня по голове, – не плачь, Иона. Ты здесь, ты живая. Я живой. Горы до сих пор поют, слышишь?

– Я испугалась, – всхлипы не удавалось так просто остановить. – что не останусь здесь, что не дождалась тебя.

Князь вытер дорожки слёз с моих щёк.

– Маги Катайи сказал мне удивительную весть: призвать человека может только Стихия. В твоём втором видении ты оказывалась в своём мире потому, что разрывала союз со мной, а я договаривался с Маги, он волшебник призывов. Но он не справился бы... Здесь уже мы поговорили с ним напрямую.

Он долго смеялся, когда понял, что Стихия – это я. Но сейчас я не хочу говорить.

Алеш встал и легко поднял меня на руки.

– Я могу и сама идти... наверное. Голова не кружится,

слабости нет.

– Верю, – он обжёг шёпотом, – просто не хочу выпускать из рук, вдруг исчезнешь снова.

Оставалось только прижаться к крепкой груди любимого мужчины и знать, что всё теперь будет хорошо.

Так, мы дошли до спальни – спальни князя. Он отпустил меня на кровать и уселся рядом.

– Знаешь, думаю..., – я принялась расстёгивать его рубашку, – ты расскажешь мне завтра.

Сейчас хотелось почувствовать его всем телом, эмоции накалились до предела. После того как я на мгновение успела подумать, что уже не вернусь, мне сильнее всего хотелось ощутить себя здесь и сейчас.

– Думаю, – он скинул с себя рубашку и снова прижал меня к своей груди, – теперь нам спешить некуда.

Ночь началась с поцелуя. Мы дали волю себе – касаниям, вздохам, шёпоту. Жару и огню, который не погасить лёгкими стонами. Желанием, которое было не удержать, не запечатать стонами.

В этой ночи не было страха, не было мыслей, что эта ночь – последняя.

Нет, мы были уверены, что она – первая из многих.

Алеш

Всё было на самом деле просто, и Маги, выслушав нашу историю, так сразу и сказал:

– Так это вы, князь, гневались. Вы и Горы – суть едино. Это была ваша боль. Вы хотели быть с Амалией. Отпустите её сами, а пуще того – себя. И про призыв – что ж вы лукавили, вы сами Стихия, зачем вам скромный волшебник?

Мне вспомнилось видение Ионы и стало любопытно:

– А если бы вместе с Матеем?

Катайец только покачал головой.

– Мы всё равно смогли бы только душу призвать. Потому Иона и видела в итоге родной мир.

– Иона? – я обернулся и заметил, что Ионы нет. Сразу появились предчувствие и страх. Надо спешить, быстрее вниз.

На пролёте стоял Штефан. При виде меня он бессвязно бормотал:

– Она пошла вниз, я хотел её остановить, но княжна не послушала меня...

– Я позже с тобой разберусь, – бросил ему, перепрыгивая через ступени, устремился вниз.

Во мне звенело понимание. Ландыши. Князю принёс их тот, кто мог выследить меня, найди их случайный человек, каменные цветы стали бы чудесной диковинкой, не более того. Тот, кто завидовал мне и считал, что и талант камнереза, и сердце Амалии должно было достаться ему только потому, что он Олдрич.

Когда мы уезжали, Войт намекнул, что Лейса имеет связь с кем-то из замка. С кем-то, кто сказал ведьме, что у княжны немного сил. Кто знал, что очередная княжна держится от меня как можно дальше, чтобы вытянуть год. Сам Войт, Симона с Даяной, Тейтана, Матей и Штефан.

Девочки не знали деталей, Матей не выходил из мастерской, Тейтана была без ума от Ионы.

Все линии сходились к тем двум, кто одинаково ненави- дел меня за то, что, по их мнению, я получил незаслуженно.

В другое время магия уже превратила бы пару деревян- ных дверей, мимо которых я пробежал, в камень. Но сейчас во мне не было места гневу, только страх за Иону. И желание успеть.

В своей старой мастерской стояли одновременно Ама- лия и Иона. Я думал, что испытаю вину, счастье, смятение, страсть – за века у меня было много разных эмоций, на слу- чай если Амалия оживёт. Но сейчас была лишь нежность и лёгкость. Нам и вправду следовало отпустить друг друга дав- ным-давно.

Я мысленно обратился к Стихии, и Горы ответили мне. Так же как Иона, которая смело сказала «да».

Утром я не стал её будить. Молча сидел и смотрел, как

растрепались русые волосы по подушке, и как от солнечных лучей на них появляются то золотистые, то рыжеватые блики. Так, теперь будет каждый день, и эта мысль делала меня счастливым.

– Я скоро вернусь, – прошептал я спящей девушке и вышел.

Войт ждал меня в зале.

– Мы задержали обоих, князь.

– Обоих?

– Да, леди Мартич сбежала из-под стражи, князь. Но её и Штефана поймали в окрестностях замка. Сейчас они на пороге. У нас тут темниц не предусмотрено, хотя подземелий полно.

– Отлично. Я иду к ним. Пусть кто-то позовёт Мастера Матея.

Старческий голос опередил меня.

– Здесь я. Прости, Алеш... Не думал, что он настолько паршивец. Не верил... Считал, что только язык у него гадкий, а оказалось, что душа. Как так?

Я обнял старого учителя, а после мы вышли на порог.

– Что, убивать будешь? – выплюнул Штефан.

– А ведь ты мог бы стать мне братом, – вырвалось у меня, а затем я коснулся одной рукой Штефана, а другой Лейсы. – Прощайте.

Перед ступенями оказались две каменных статуи. Матей всхлипнул, но ничего не сказал.

А меж тем у меня было ещё одно дело. Теперь я коснулся плеча учителя и мысленно обратился к Горам:

Это ведь его Владычица любила. Он тот самый Олдрич. Он достоин нести эту силу... Горы, будьте спокойны, Мастер вас защитит.

Ветер на мгновение крутанул вокруг нас вихрь пыли, ступени вздрогнули, а затем Матей посмотрел на меня совершенно другим взглядом.

– Ты единственный, кто за два с половиной века сохранил волю, Мастер. И Владычица так хотела бы. Что касается этих, – я мотнул головой в сторону портного и ведьмы, – то если захочешь и найдёшь способ их вернуть – будет на твоей воле и твоей совести.

Мастер вздохнул и вдруг улыбнулся.

– Ты даже не представляешь, сколько всего мне сейчас говорят Горы!

– Вот и отлично.

В спальне меня ждала Иона. Девушка мирно посапывала после долгой ночи. Я коснулся её волос, провёл рукой по щеке.

– Доброе утро, Алеш... Ты уже оделся? – пробормотала она.

Я кивнул.

– Иона... Ты выйдешь за меня? За князя Алеша Олдрича, простого человека? Для всех ты и так моя княжна, но я хочу

хотя бы для нас настоящую свадьбу.

– Конечно, – девушка прижалась к моей груди. – Только знаешь, ты совсем непростой, князь. Я люблю тебя.

24. Пионы и Миндаль

В горах начиналась весна. Склоны покрывались цветами багульника и дикого миндаля, в оранжереях при замке срезали огромные охапки пионов. Ребятишки бегали по улице и кричали:

– Догоню и ведьму в камень превращу! Ха! Теперь ты водишь! Кого больше всех осалят, тот до завтра сидит с каменным портным!

Ребятня из городка бегала друг за другом, смеялась и иногда стряхивала с волос опадающие цветки яблонь. Они даже не заметили, как к ним спустился седой старик.

– А, ну кыш, мелюзга! Скоро князь с княжной приедут! Завтра доиграете.

– Да, Хозяин Гор. А князь будет камешки разбрасывать?

– Конечно, это ведь традиция.

– Ух! Здорово, что вы победили злого деда Матея и спасли прекрасную княжну из подземелий! – крикнул кто-то из ребят.

Старик поморщился.

– Кыш! А то сказки рассказывать не стану!

Дети тут же умолкли и расступились. Скоро около порога выстроились слуги. Подъехала карета. Первым спешился

высокий мужчина в зелёном камзоле, открыл дверь и помог выйти красивой девушке в платье мятного цвета.

– Пойдём, Иона, зал уже украсили пионами.

Она улыбнулась и спустилась на землю. От движения складки платья чутче обрисовали округлившийся животик.

Князь взял из рук кравчего ветку цветущего миндаля, коснулся её, и она рассыпалась на множество турмалиновых лепестков, которые полетели под ноги жителям.

– Долгих лет князю Алешу и княжне Ионе! Долгих лет! Пусть Весна будет с вами!

Девушка хитро улыбнулась:

– Видишь, главное – правильно объяснить.

В зале, украшенном пионами и миндалём, играла музыка, пели и радовались жизни те, кто умел верить в друг друга и был готов отпустить ради любви.

О них уже слагали баллады, о них уже пересказывали сказки.

Поутру среди высоких останцев шел бессмертный Хозяин Гор.

Теперь в народе ходили сказки о том, как он спустился с вершин и победил страшного деда Матея, помог сыну своему Алешу, и обратил в камень плохих портного и ведьму. А чтоб никто не смог больше похитить княжну, ей дали другое имя. А раз имя новое, то и свадьбу надо новую.

Матей усмехнулся. Иона – та ещё затейница, придумала

шикарную историю для народа, чтоб с чистой совестью отмечать уже третью годовщину весной.

Среди высоких останцев старику временами мерещилась тень статной черноволосой женщины в зеленом.

– Я буду твои Горы защищать, Владычица, – кивнул мастер и пошел дальше. Этот мир слишком интересен, чтобы сходить с ума. Слишком много вопросов, чтобы транжирить вечность.

– Маги, – окликнул Матей волшебника. – Пойдем, у нас с тобой еще не закончен трактат о магических потоках жизни. Думаю, наследнику Алеша наши знания пригодятся.